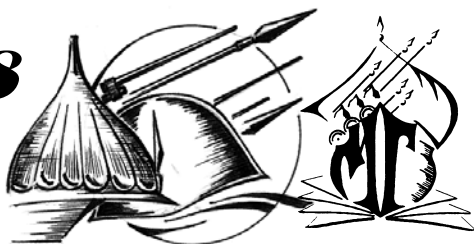

Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2018

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ОДИНЦОВ. Крах сырьевой модели	3
Юлия ХАРЛАМОВА. Проект «АнтиРоссия»	8
Виктор САУЛКИН. Третий Рим против нового Карфагена	84
Драгана ТРИФКОВИЧ. Косово в сербско-российских отношениях	149
Мария МОНОМЕНОВА. Мое открытие Сирии	174

ПРОЗА

Борис ВОРОБЬЁВ. Дик. Повесть	14
Михаил ЗАРУБИН. Долгая дорога к маме. Повесть	110
Анатолий КРИЩЕНКО. Бежик. Рассказ	157
Татьяна ГРИБАНОВА. Миниатюры	197

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА. Озноб. Стихи	76
Алла ЛИНЁВА. Неизлечимо, до конца... Стихи.	
Предисловие Алексея Шорохова	138
Анатолий ШИЛЯЕВ. Поздние птицы. Стихи	166
Юрий МАНАКОВ. Под Господней синевой. Стихи	207

СИМВОЛ ВЕРЫ

Анатолий КИРДЯШКИН. **Миссия русского народа** 211

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Вячеслав БОГДАНОВ. **Звено**. Поэма 216

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ. **Никто** 238

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Людмила РЯБИЧЕНКО. **Содом требует прав и власти** 244

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы**. Размышления
и воспоминания. Продолжение 249

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

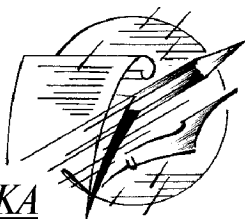
Николай ГАВРИЛОВ. **Болотные огни** 274

Владимир ПРОНСКИЙ. **Светлой души человек**. К 80-летию
со дня рождения Ивана Уханова 282

КРАХ СЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ

«Черный лебедь» вылетел. Санкции ведут к неизбежному разрушению сырьевой модели России, которая была возможной только в условиях партнерства с Западом. США никогда не простят России примерку на себя «доспехов СССР», присоединение Крыма, помощь Донбассу и Сирии и главное — международное обличение США. Несмотря на качели «лучше—хуже» отношения с Западом будут только ухудшаться.

США пытаются нас обанкротить, вытесняя с международных рынков. Хватаясь за соломинку, либеральные элиты до конца верили, что санкции будут символическими. Но уже не СССР, а Америка опускает «железный занавес» над нашими крупнейшими компаниями в санкционном списке, запрещая своим контрагентам любые операции с ними. Потом, пусть и частично, к ним могут присоединиться и их сателлиты. Теперь наши возможности заключать сделки, поставлять сырье, получать займы в валюте будут сужены. В Конгрессе США уже имеется проект закона о санкциях в отношении 7 крупнейших российских госбанков: Сбербанк,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ВТБ, Газпромбанк, Банк Москвы, Внешэкономбанк, Россельхозбанк, Промсвязьбанк. Предлагается ввести блокировку операций, заморозку счетов и их имущества на территории США.

Эти меры будут означать вытеснение нас из долларовой зоны с катастрофическими последствиями для финансовой сферы и международной торговли. И хотя минфин США уже два раза — в феврале и апреле высказался об осторожности применения санкций в отношении нашего госдолга, соблазн их применения сохранится и будет зависеть от международной обстановки. Эти меры могут и дальше обрушить наши рынки. США ведут позиционную борьбу, то натягивая, то отпуская струну, но ее тренд абсолютно понятен: изматывание противника.

Дальнейшее ухудшение отношений с США может вызвать арест наших активов за границей, а так как мы нетто-кредиторы, даже ответная конфискация иностранных активов в России закончится для нас проигрышем. Учитывая многотриллионные авуары наших элит за границей — дело еще хуже. Далее — отключение от СВИФТ, а возможно, и торговое эмбарго, которое при нашей тотальной импортной зависимости кончится плохо. Воевать с США в мировой торговле и финансах, где «дядя Сэм» держит все нити в своих руках, проблематично.

Единственное, что реально нанесло бы колоссальный удар Западу, — курс на суверенную экономику, вытеснение доллара и евро из внутреннего оборота, введение жестких валютных ограничений для стабилизации валютного рынка, создание условий для нормальной эмиссии рубля, стимуляции экономического роста. Попытки перенаправить потоки сырья в Азию и Китай не дадут желаемого результата. Эти ресурсы давно пора перенаправить не на экспорт, а на развитие инфраструктуры и развитие промышленности страны, что создаст десятки миллионов (обещанных президентом) рабочих мест, в том числе на пребывающем в застое производстве. Наш путь — путь индустриализации СССР и нынешнего Китая. Наше импортозамещение буксует: импорт по-прежнему растет. Нужна не демагогия, а реальная программа индустриализации, импортозамещения и вытеснения экономических агентов Запада из нашей экономики. Надо провести национализацию ключевых активов, вернув ресурсы полностью под контроль государства.

Наша страна экономически является полуколонией Запада. Наши вложения в ценные бумаги правительства США составляют сотни млрд. долларов. Чего мы хотим достичь в

состоянии конфликта с Западом, когда наша финансовая система, торговля и промышленность контролируется представителями «партнеров», а активы наших элит по-прежнему за бугром? Риск конфликтов внутри нашей элиты крайне высок.

Некоторые полагают, что нынешняя либеральная модель может существовать бесконечно долго. Результаты выборов не говорят ни о чём: как *знак тщетности* проблемы посыпались именно после них. Мы присутствуем при похоронах либерального цикла русской истории. Надо решать реальные проблемы, иначе жизнь развернется перед нами со всей своей ужасающей правдой, и мы получим новый дефолтный 1998 г. Народ пока еще ждет обещанной президентом новой экономической политики.

Будущее не ведомо никому. Но надо полагать, что сама Судьба наложила руку на происходящее у нас. Крым, Донбасс и Сирия — первая ласточка. Ухудшение отношений с Западом — вторая. Упование на «дружбу» с Трампом и получение от него «черной метки» — третья. Пожар в Кемерово — четвертая. Последние санкции и обвал рынков — пятая. Шестой будут санкции против нашего госдолга, банков и финансовый кризис. Я не помню, чтобы такие страсти, как сейчас, были во времена СССР: напрашивается только аналогия Карибского кризиса. Но если бы не санкции, то как раскачать было возможно нашу элиту, которая со страшным упорством охраняет либеральный капитализм? Так что еще нужно, чтобы кремлевские элиты наконец услышали колокол Судьбы? Прямой конфликт с Западом? Если мы не свернем с губительного пути периферийного либерального капитализма, проблемы будут нарастать, как снежный ком.

Пожар в «Зимней вишне» символичен, не только показывая нам «в лоб», к каким реальным страшным жертвам ведут символы нашей экономики — жадность, коррупция, безнравственность и безответственность. Это еще письмо Судьбы к нам и нашим элитам. Пожарный, не пожелавший идти по краткому пути, — это наше руководство, делающее вид, что не понимает призывов сотен экспертов, указывающих другой путь, и глухота к нуждам своего народа. Слушает ли президент своего советника Глазьева? Закрытые залы, дым, пожар и жертвы — это мы, запертые в сырьевой клетке.

Если бы властимушие не использовали свою Родину в качестве дойной коровы, а исполняя свой долг, активно развивали бы ее — всё было по-другому. Никаких санкций к сильной и независимой России применить нельзя. Сейчас уже рушатся состояния крупных олигархов: но правитель-

ство всем помочь не сможет. Управления рисками в России не существует. Наши элиты могут потерять всё.

В ближайшее время у руководства страны есть две перспективы — первая: по-прежнему блуждать по либеральному лабиринту, приспособляя сырьевую экономику для санкционных условий, покрывая внутренние проблемы патриотическим угаром, что закончится масштабным финансовым и социальным кризисом. И путь второй. Этот путь вытеснения либеральной элиты и формирования новой обеспечил бы непрерывный экономический рост в 7—10 % в течение ближайших нескольких десятков лет, выведя нас на позиции 3-й экономики мира и вернув большинство бывших союзников.

На текущий момент вероятность такого сценария низка. Костяк нашей экономики — олигархи, крупные госбанки, сырьевые компании и чиновничий корпус — не желают никаких перемен. Они катастрофически боятся, что экономика развития лишит их власти. Но может сложиться так, и мы близки к этому, что вне зависимости от желания правящего класса, стратегия развития станет единственно возможной. Мы присутствуем при масштабном историческом сломе, сравнимом со сломом 1985 и 1992 годов, и правящий слой уже никак не сможет спасти падающее здание сырьевой экономики. Чем раньше придет прозрение, тем меньше будут потери.

С начала XIX века русская история идет четко по циклам: либерализм — антилиберализм. Самый длинный цикл правление Николая I — 30 лет. И. Сталин правил в СССР 28 лет. С 1992-го прошло уже достаточно много — 26 лет, но если считать с 1985-го — то уже 33 года. Отсюда следует, что с подавляющей вероятностью в ближайшее время начнется антилиберальный цикл, и мы присутствуем с 2014 г. при его рождении. Пока ещё ни одному руководителю в России не удавалось быть одновременно строителем старого и нового цикла. История всегда отводит эту роль разным людям. Ухудшение внешних условий и востребованность патриотизма, который пока еще не проник (но проникнет) в экономику, с неизбежностью потянет за собой смену экономической политики.

Другой закон нашей истории, под который мы сейчас попадаем, — внешняя угроза всегда вызывала модернизацию. Опасность конфликта в Сирии в том, что уступить мы не можем, но превосходство сил противника может привести к сценарию Русско-японской или Крымской войны. Это путь к внутреннему кризису и краху нынешней системы. При

любом раскладе рост напряженности с Западом и их курс на вытеснение нас с внешних рынков потребует мобилизации экономики, реальной модернизации и перестройки сырьевой модели. Все дороги ведут в одну точку, свернуть нельзя.

СССР, вторая держава мира. контролируя половину планеты, был настолько независимым и сильным, что все нынешние шараханья были бы абсолютно невозможны. Помните, кто были ваши предки, и станьте, наконец, такими же сильными и бескорыстными, какими были они. Экспорт сырья и болезненно-навязчивая заикленность на нефти и газе на фоне бедности народа, уничтоженной промышленности, отсутствия нормальных рабочих мест, сопутствующих демографических проблемах и невиданной в нашей истории экономической зависимости от Запада — путь к уничтожению русской цивилизации.

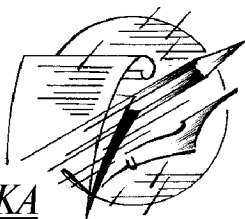
Д. Трамп не понимает, что делает, затравливая связанного медведя. Но когда этот медведь порвёт свои путы, весь мир будет поражен русской мощью. Можно какое-то время обманывать народ, но обмануть Историю невозможно.

ПРОЕКТ «АНТИРОССИЯ»

Россия как пограничная евразийская цивилизация на протяжении нескольких веков была и остается единственным в мире гарантом разнообразия культур и цивилизаций, выполняющая весьма почетную международно-политическую роль — гаранта безопасности народов мира. Российско-украинский конфликт, санкционное противостояние с Западом, выявившиеся противоречия с другими участниками интеграционных объединений и проектов на постсоветском пространстве свидетельствуют о широком спектре вызовов и проблем для российской внешней политики. Успешным решение этих проблем может быть только в случае опоры прежде всего на трезвую оценку возможностей самой России и интересов ее внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров.

У истоков проекта «АнтиРоссия»

В 30-е годы в Западной Европе активно стали набирать силу идеи национал-социализма Гитлера и фашизма Муссолини. Воспользовавшись в своих интересах благоприятной для них полити-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ческой конъюнктурой, поколение украинских националистов взяло на вооружение идеологию так называемого интегрального национализма, т.е. интеграцию идей национал-социализма и фашизма как основы украинского национализма. Они взяли курс на сближение с Германией, а их духовным лидером стал С.Бандера. Во время войны украинские националисты фактически стали союзниками гитлеровцев. Однако при их новом призыве в 90-е годы они уже представляли в роли «борцов с немцами», но об этом ниже.

15 марта 1939 года украинский националист Августин Волошин, прислуживавший третьему рейху, провозгласил государство с названием Карпатская Украина и обратился к Гитлеру с просьбой гарантировать суверенитет нового государства. Прогитлеровская Карпатская Украина просуществовала всего три дня, и уже 18 марта её оккупировали венгерские войска. 25 ноября 1945 года по соглашению между СССР и Чехословакией Закарпатье было передано в состав Украинской ССР.

Итоги Первой мировой войны создали питательную среду для славянского национализма. В частности, одним из итогов этой войны стало то, что район Галичины (Западной Украины) страны Антанты определили в состав Польши, которая всякие поползновения в направлении украинской «самостийности» быстро и беспощадно подавляла и искореняла. Вся сложность и трагичность этих отношений вылилась потом в так называемую «волынскую резню» в июле 1943 года, в результате которой погибло по разным оценкам от 60 до 200 тысяч мирных жителей западных украинских сёл польского и еврейского происхождения. Спланирована эта операция была бандами ОУН-УПА и стала одной из самых кровавых преступлений XX века, последствия которой ощущаются и в XXI столетии.

Любопытным историческим фактом является то, что когда на должность первого секретаря ЦК КПУ был избран П.Шелест, коммунистическая партия Украины стала проводить политику привлечения «западнцев», т.е. жителей западных областей Украины, в центральные области. Цель стояла весьма разумная — ассимиляция. Стало издаваться на порядок больше украиноязычной литературы и периодики. При нём из-за границы вернулось около 100 тысяч этнических украинцев, покинувших свою родину по разным причинам в годы Второй мировой войны.

По оценкам ряда североамериканских и западногерманских источников (в том числе существовавшего с 1950 г. до начала 1970-х гг. Мюнхенского института по изучению СССР

и Восточной Европы), не меньше трети украинских националистов и членов их семей, реабилитированных во второй половине 1950 г., стали к середине 1970-х руководителями райкомов, обкомов, обл- и райисполкомов в Западной, Центральной и Юго-Западной Украине. А также — высокопоставленными чиновниками во многих украинских министерствах, ведомствах, предприятиях, руководителями комсомольских и общественных организаций, в том числе областного уровня. Любопытно то, что уже 17 сентября 1955 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны в 1941—1945 гг.». Причем этот Указ реабилитировал лиц, непосредственно работавших как в марионеточных органах власти в оккупированных регионах, так и тех коллаборационистов, которые и в 1955-м оставались на Западе, будучи наверняка завербованными западногерманской (BND) и другими недружественными нам разведками.

Аналитики службы безопасности Украины, исследователи деятельности ОУН и УПА (запрещенные на территории РФ организации. — Ред.) Д. Веденеев и Г. Быструхин в монографии о послевоенной деятельности этих формирований («Двобій без компромісів». Київ, 2007) указывают, например, что весной 1952 года в структуре министерства обороны США возникает «Управление по вопросам особенных методов ведения войны». Оно формирует военные части специального назначения для действий в тылу войск СССР и его союзников. Каждую из таких частей/групп считали способной развернуть на своей базе в тылу противника до 100 тыс. повстанцев из местного населения. Причем только в европейском регионе СССР это управление Пентагона определило до 30 оперативных районов для действий таких «спецвойск».

К сказанному выше можно добавить, что одним из крупнейших приобретений американцев в свое время стал немецкий генерал Рейнхард Гелен, руководитель гитлеровской разведки на Восточном фронте и создатель «Организации Гелена», позже преобразованной в Федеральную разведывательную службу ФРГ (BND). Именно в результате «мозговых штурмов», проведенных Геленом совместно с президентом Трумэнном, главой Стратегических служб (УСС) В. Донованом и А. Даллесом, была реорганизована разведывательная служба США с целью превращения её в высокоэффективную тайную подрывную организацию. Кульминацией этих усилий стало создание в США в 1947 г. Совета национальной безопасности и ЦРУ.

Кроме прочего, существует также любопытная конспирологическая версия исследователя А. Б. Рудакова, высказанная им в статье «Проект «Подземный рейх»». В частности, он утверждает, что в нацистской Германии активно проводилась программа рождения детей местными красавицами от офицеров СС, которые охраняли ставки и бункера Гитлера, находившиеся на территории современных Украины, России, и Белоруссии: «Для реализации объектовой программы «Лебенсборн» были отобраны 5 тыс. самых красивых славянских женщин в Виннице и ближайших деревнях, и 19 июля 1941 г. полевой офис «Лебенсборн» заработал на полную мощь. Сегодня в районе ставки проживают уже внуки тех, кто родился в рамках секретной программы. Развал Советского Союза и отделение Украины от России были реализованы этой генетической агентурной закладкой».

В эпоху правления Л. Кравчука знаковыми маркерами стало то, что «возникло» движение наследников УПА (бандеровцев) — УНА-УНСО (запрещенная на территории РФ организация. — Ред.), по форме абсолютно профашистское, но созданное, как выяснилось позже, спецслужбами по заказу, в частности, Л. Кравчука и контролируемое ими. При Кравчуке провели и так называемое «восстановление» распущенной в 1946 г. униатской церкви, подчиняемой папе римскому, что спровоцировало захват православных храмов униатами, сопровождаемый, как правило, насилием и жестокостью по отношению к прихожанам и служителям Церкви.

При президенте Л. Кучме идеологический дрейф в указанном направлении продолжился, и проект «АнтиРоссия» получил свое логическое завершение, которое сам же Л. Кучма обозначил в своей известной книге «Украина — не Россия». Оформились (получили легитимный статус) несколько достаточно сильных и влиятельных олигархических кланов Украины (в частности, днепропетровский), возглавляемых нередко маргинальными фигурами, которые стали претендовать на свою долю власти и еще не до конца оформленной собственности. Националисты выполняли тогда роль прикрытия более влиятельной силы, а именно господствующего класса компрадоров, ориентированных исключительно на Запад. При президенте В. Ющенко тенденция продолжилась и лишь разбавлялась отдельными незначительными нюансами. Так, С. Бандеру представили к званию героя Украины и реабилитировали его сподвижников — палачей и убийц из дивизии СС «Галичина». В качестве итога можно заключить, что либерализм стал кормить фашизм и нацизм и очень тесно с ним срачиваться.

Украинские националисты пока малочисленны и плохо горизонтально организованы. Пока у них нет массовых организаций, какими располагали в свое время Гитлер и Муссолини. Однако у них имеется большая электоральная база и поддержка. Год от года радикальные политические лидеры и политические партии получают всё большую поддержку избирателей. Во Львове поставлены три памятника С. Бандере и на улице, названной его именем, открыт мемориал под названием «Тюрьма на Лонцкого», устроенный на месте тюрьмы, где во время Второй мировой войны расстреливали бандеровцев. На территории Украины уже поставлены пять памятников С. Ленкавскому, являвшемуся одним из главных идеологов ОУН. В Харькове на стене Харьковской инженерно-педагогической академии установлена мемориальная доска в честь Н. Михновского, как там сказано, «выдающегося юриста и общественного деятеля, основателя концепции независимой украинской державы». Именно он был автором лозунгов: «Украина для украинцев!», «Все люди твои братья, но москали, ляхи и жида — враги твоего народа».

В современной Украине уже орудуют хорошо организованные и слаженно действующие отряды штурмовиков, использующие насилие как главный аргумент. При этом их защищает государственная система и финансирует украинская олигархическая «элита». В данном случае весьма характерна историческая аналогия со штурмовиками гитлеровской Германии. В 30-е гг. XX века там создавались боевые отряды фашистов и в целях конспирации переименовывались в спортивные союзы, стрелковые клубы, кегель-клубы, певчие кружки, где позже создавались террористические группы. В 1990—2010 гг. то же самое происходило и на Украине. УНА-УНСО, «Тризуб», «Свобода», «Правый сектор» (запрещенные на территории РФ организации. — **Ред.**) монополизировали почти все спортивные и стрелковые клубы, секции боевых единоборств, объединения футбольных фанатов, студенческие общества, скаутское движение. Наиболее широко националистическая пропаганда велась в университетах Львова, Киева, Харькова, где студенты массово откликнулись на призывы к насильственному свержению власти и началу «украинской национальной революции». Можно с полной уверенностью утверждать, что националистические акценты Украины плавно сместились с запада на восток

страны, что существенно сужает коридор возможностей для действий современной российской власти по урегулированию украинского кризиса.

В современной Украине как никогда востребована плебейская риторика. Обыденными лозунгами стали, например: «Чемодан, вокзал, Россия!» «Кто не скачет, тот москаль», «Москали съели наше сало» и т.д. Подобные проявления усложняют ситуацию еще и тем, что население современной Украины внутри себя глубоко разделено по национально-языковым признакам, не доверяет и враждебно относится друг к другу.

Т.н. «евреи сегодняшнего» дня для украинских националистов — это русские, ставшие «козлами отпущения». Если в Европе «евреи сегодняшнего дня» — это иммигранты, то на Украине — русские. Современные украинские неонацисты — это контрреволюционная сила, которая при определенных обстоятельствах может быть вынесена на вершину государственной власти и получить если не все, то многие атрибуты власти. Теперь уже окончательно ясно, что украинский неонацизм — это троянский конь определенных финансово-политических кланов США.

Таким образом, можно сделать вывод, что Украина являлась полем битвы между Востоком (в лице Российской империи, СССР, РФ) и коллективным Западом (гитлеровская Германия, США, ЕС) как в идеологическом, так и в экономическом противостоянии на протяжении всего XX столетия. Зачастую территория Украины использовалась как определенный «таран» против российской государственности, нейтрализуя ее геополитические интересы на евразийском континенте. В начале XXI века при новых исторических обстоятельствах ситуация мало изменилась.

Борис ВОРОБЬЕВ

1 марта 2018 года ушел из жизни прекрасный писатель Борис Тимофеевич Воробьев, автор незабываемых повестей и рассказов. По его произведениям поставлены фильмы «Весьегонская волчица» и «Берем всё на себя».

Борис Тимофеевич родился в 1932 году в поселке Редкино Тверской области, закончил исторический факультет МГУ. По собственному признанию, сменил множество профессий и побывал во всех уголках Советского Союза. Долгие годы работал в журналах «Искатель» и «Вокруг света». Большую часть жизни прожил в Москве. В 1999 году он вернулся на родину.

В следующем номере «Молодой гвардии» выйдут стихи Бориса Воробьева.

ДИК

ПОВЕСТЬ

Глава первая

Собак я любил всегда, но близко сошелся с ними во времена своей жизни на Северных Курилах. Не знаю, как сейчас, а тогда жить там без собак было просто невозможно, ибо Северные Курилы и есть то самое место, где, как говорится в поговорке, десять месяцев зима, а остальное — лето. И какая зима! Ураганные ветры с пургой дуют неделями, всё гудит и дрожит, и белого света не видно. После каждой пурги, бывало, целый день откапывались — дома заносило с крыши.

Но жить и работать надо, а транспорт с октября и по май один — собачьи упряжки. Никакие машины по тамошним дорогам зимой не ходили, потому как не было их, этих дорог. Снег по уши, тягуны по километру да овраги — вот и все дороги. Одно спасение — собаки.

Доставалось псам. Чего только не возили на них — и почту, и ящики с тушенкой, и бочки с соляром, и мешки с мукой, и... черт знает что.

ПРОЗА

По полтонны грузили. А в упряжке десять, от силы двенадцать собак, вот и выходило чуть не по полста килограммов на каждую собачью душу.

А концы? До одного мыса пятьдесят верст, до другого семьдесят, а до третьего — все сто. Беги, собачки, не ленись!

Мне приходилось ездить часто, и скоро я перезнакомился со всеми каюрами. Разный это был народ, и я не скажу, что питал к кому-нибудь особую привязанность. Едем — молчим, говорить некогда, то и дело нужно спрыгивать с нарт и помогать собакам; остановимся — тоже путного разговора не получалось. Отдыхимся, покурим наспех и двигаем дальше. Вроде бы целый день вместе, а расстанемся — и будь здоров: ты сам по себе, я тоже.

Но дело, конечно, не в том, что некогда было присматриваться друг к другу. Душевности не возникало лишь потому, что почти все каюры одинаково грубо и даже жестоко обходились с собаками. А я этого не принимал, спорил и ругался с обидчиками, чем и снискал среди них славу чуть ли не скандалиста.

И вот в пятьдесят четвертом году я встретил Кулакова. Редкостный был каюр. Рыжий, с зелеными глазами, росту — метр с кепкой, а смелости необыкновенной. В каких только переделках не бывал — и под снегом в пургу отлеживался, и с обрывов вместе с собаками срывался, и в полыньи проваливался. Другой раз уж и за живого не числили, ан нет, являлся целехоньким. Только сутки потом спал без просыпу. И упряжка у него под стать была — десять собак, и все одна к одной. Они-то и выручали его часто.

Я как-то сразу сошелся с Кулаковым и в первой же поездке с ним сделал редкое по тем меркам открытие: Кулаков не бил своих собак. А я насмотрелся на это. Да и как не насмотриться, если считалось, что собаки на то и собаки, чтобы бить их. А тут за весь день ни одной расправы, одни поглаживания да «разговоры по душам».

Словом, поразил меня Кулаков, и я стал захаживать к нему. Жил он в доме синоптиков, где у него была своя комнатушка, но всё свободное время проводил на каюрне — варил собакам еду, кормил их, прибирал, чинил собачью упряжь. Я любил наблюдать за тем, как работает Кулаков, иногда помогал ему, но чаще просто сидел и смотрел, потому что Кулаков предпочитал всё делать сам. Характерный был человек, а каюр, повторяю, редкостный. Такими рождаются. Как жокеи, например, или боксеры. Но я уклонился от сути дела, поскольку разговор у нас пойдет о собаке.

В тот день, с которого всё и началось, я пришел на каюрню перед обедом. Кулаков всю орудовал черпаком, перемешивал

вая в большущем котле, вмонтированном в печь, собачью еду — перловку с крупными кусками нерпичьего мяса. Сами собаки лежали вдоль стен, приглядываясь к котлу и принюхиваясь к исходящим от него запахам. Собаки линияли и оттого казались тощими и облезлыми, но непривлекательность внешнего вида не портила им самочувствия, они были оживлены, а их глаза светились озорным блеском. Зима кончалась, а с ней кончалась и тяжелая работа, и собаки знали, что скоро наступит жизнь вольготная и счастливая. Их ждали летние квартиры, обильный стол и длинные дни ничего-неделания, когда можно сколько угодно валяться на травке, ловить блох и устраивать развлекательные потасовки.

Сварив кашу, Кулаков подождал, пока она остынет, и нагрузил ею деревянное корыто — колоду. Подал знак. Собаки без промедления повскакали со своих мест и набросились на еду, а Кулаков подсел ко мне и достал папирасы.

Но покурить нам не удалось. Не успели мы размять папирасы, как в приоткрытую дверь каюрни вдруг просунулась щенячья мордочка. И тут же исчезла.

Кулаков посмотрел на меня.

— Собачкой, что ли, обзавелся? Так зови сюда, чего ей за дверью околачиваться.

— Никем я не обзавелся, небось, из твоих кто.

— Ну да, а то я своих собак не знаю! — сказал Кулаков, поднимаясь и выходя из каюрни. Послышались возня и сдавленный писк, и Кулаков вернулся, неся перед собой за шиворот щенка. Тот висел безвольно, как неживой.

Кулаков опустил щенка на пол. Чувствовалось, что приблудыш отчаянно трусит, очутившись перед лицом чужой своры, но запах пищи пересилил все страхи, и щенок пополз к вожделенной колоде. Собаки, люто ненавидевшие всяких чужаков и безжалостно расправлявшиеся с ними, бросились к щенку. Но тот вмиг опрокинулся на спину и, поджав лапы и хвост, отдался на милость провидения. Никто не знал, как билось в эти секунды сердце изголодавшегося существа, но инцидент на этом и кончился. Порывав для пушей важности, собаки вернулись к еде.

Вид щенка ужаснул меня. Дрожащий каждой жилкой, с рёбрами, выпиравшими, точно прутья каркаса, он, скуля, смотрел на открывшееся ему пиршество глазами, полными слез. Я поднялся было со своего ящика и огляделся, отыскивая черпак, но Кулаков, опередив меня, уже наполнял кашей глубокую алюминиевую миску. Отнеся ее в дальний угол каюрни, он поманил щенка. Дважды приглашать не пришлось. Щенок бочком проскользнул мимо косившихся на

него собак и в минуту опустошил миску. Вылизав ее дочиста, он красноречивым взглядом намекнул о добавке.

— Перебьешься, — сказал Кулаков. — Ты с голодухи слона сейчас схавашь, а потом заворот кишок получишь. Недельку на диете посидишь.

Поняв, что добавки не будет, щенок понюхал и еще раз облизал миску, а потом выбрал в углу местечко потемнее, свернулся там калачиком. Перловка хотя и не самая калорийная из каш, но, сдобренная изрядной порцией нерпичьего мяса, с лихвой восполняет дефицит калорий, о чем лучше всего говорил весь вид щенка. Тепло съеденной каши действовало на него как эфир на усыпляемого, он совел буквально на глазах.

Укрывая щенка старым ватником, Кулаков придирчиво осмотрел его.

— Рахитик, — констатировал он. — Ноги что у таксы, придется лечить.

— Чем? — поинтересовался я.

— Рыбьим жиром, чем же еще. По ложке перед едой — ноги как у балерины станут.

— Чей же он все-таки, как ты думаешь?

— А кто его знает. Тут в сопках одичавшие собаки живут, может, оттуда прибежал. Хорошо, что кобелек, кобельки мне нужны. Через месячишко придет в норму, а к зиме, глядишь, в упряжку поставлю.

И тут я сказал:

— Слушай, Женьк, отдай его мне, а?

Кулаков пожал плечами.

— Бери, мне что — жалко? Только что ты с ним делать будешь? Тебя же по целым дням дома не бывает, аза ним уход нужен. Он, пока не приучится, в каждом углу делать будет. Замучаешься убирать.

— Не замучаюсь, — сказал я оптимистически. — Ты лучше дай-ка мне рыбьего жира на первый случай.

Кулаков раскидал лежавший у стены ворох старых нерпичьих шкур и извлек из-под него бутылку зеленого стекла.

— На, отлей сколько надо. Не забудь: по ложке перед едой. Недели две попьет, а там посмотрим.

Глава вторая

Дома я прежде всего вымыл щенка. Запаршивел он сильно, и я не жалел ни воды, ни мыла. Процедура щенку явно нравилась, он сидел в тазу не брыкаясь и только жмурился от удовольствия, когда я почесывал ему особенно грязные мес-

та. На каюрене он показался мне темным, почти чёрным, но теперь, после каждого нового таза, светлел и наконец приобрёл свой натуральный окрас — светло-серый, с коричневыми вкраплениями.

Щенку было месяца два, вид он имел тщедушный, и в тот вечер я и думать не мог, что через каких-нибудь полгода он превратится в рослого и сильного пса, которому не будет равных среди множества упряжных собак.

Я постелил щенку возле печки. Разомлевший от купания, он лег сразу, без принуждений и скоро сладко засопел, однако ночью я проснулся от жалобных повизгиваний. Сидя возле кровати, щенок скулил и все норовил забраться ко мне. Видно, новая обстановка и темнота пугали его. Пришлось встать и вновь укладывать щенка, но, как только я лег, он опять пришел ко мне и опять заскулил. Конечно, можно было пристроить его себе под бок и спокойно поспать, но я решил с самого начала проявить твердость и не потакать сиюминутным щенячьим капризам. Поэтому я снова отнес щенка к печке и попытался вразумить его, что ночью нужно спать, а не шастать по дому, но все мои увещевания действовали на щенка как горох об стенку: как только я уходил, щенок покидал подстилку и, сев у кровати, начинал клянчить. В конце концов я понял, что надо идти на уступки, иначе ночь будет не в ночь. Я поставил у печки два стула и кое-как устроился на них. Щенок сразу успокоился, и я заснул. Но разве это сон — на стульях? Утром я чувствовал себя разбитым и на будущее решил: отныне никаких послаблений, иначе дальше будет еще хуже.

Попив чаю, я ушел, оставив щенку вдоволь пищи и воды, а когда вернулся, застал в доме полный бедлам. Щенок, это рахитичное, слабое созданище, ухитрился всё перевернуть вверх дном. Валялась на полу клеёнка, которую он стащил со стола, углы одеяла были исключены и изжеваны, в разных местах вперемежку с разбитой посудой лежали мои сапоги и унты, стулья были опрокинуты, но главное — везде виднелись щенячьи кучки и лужицы, все было размазано, все перепачкано.

— Ну ты и фрукт! — сказал я с веселым изумлением, оглядывая картину погрома.

Услышав мой голос, щенок прямо-таки взвился от радости, запрыгал, захлебнулся лаем. И хотя мне предстояла грандиозная приборка, я, видя такое проявление чувств, не мог сердиться. Но и забавлять щенка, как он этого явно хотел, тоже не мог. Нужно было первым делом навести в доме порядок.

Я принялся за работу, но через несколько минут понял, что моего квартиранта нужно каким-то образом изолировать, ибо он лез под руки и совал нос в каждую дырку.

— Иди-ка сюда, — сказал я, открывая дверцу шкафа.

Не ожидая подвоха, щенок с готовностью залез в шкаф, но, когда я закрыл дверцу, он заскребся, а потом залаял и завыл.

Я не обращал на это никакого внимания и продолжал драить полы, но лай и вой становились всё громче и отчаяннее. Надо было выпускать арестанта, иначе он, чего доброго, мог сорвать голосовые связки. Но ограничить его свободу было просто необходимо, без этого приборка грозила затянуться до темной ночи.

Сначала я хотел привязать щенка, но потом вспомнил, что в коридоре валяется ящик из-под макарон, который можно использовать в качестве конуры. Ящик — не шкаф, верхней крышки у него нет, и щенку будет в нем не так страшно, как в темном шкафу.

Сказано — сделано. Я принес ящик и посадил туда щенка. Сначала он вроде успокоился, стал с любопытством обнюхивать углы ящика, а стоило мне отойти, как он тут же захотел выбраться наружу. Но ящик был высоким, у щенка не хватало сноровки выпрыгнуть из него. Единственное, что ему удалось, — встать на задние лапы и в таком положении наблюдать за моими действиями. Меня это вполне устраивало: пока щенок видел меня, он вел себя смирно, и я мог без помех заниматься уборкой. Но скоро щенок устал стоять в неудобной для него позе, и тогда из ящика послышался громкий, жалобный скулеж. Пришлось делать перекур и успокаивать щенка.

Приборку я с грехом пополам закончил, а ночь опять провел на стульях. Днем, забежав на минутку к Кулакову, я рассказал ему о своих мытарствах.

— А ты как думал! — засмеялся он. — Теперь терпи. К месту ты его, конечно, приучай, но не вздумай бить, испортишь пса на всю жизнь. Трусом вырастет.

— И долго терпеть? — спросил я, представив, что и завтра, и послезавтра, и еще неизвестно сколько буду заниматься одним и тем же — подтирать щенячьи лужицы и скоблить полы.

— Месяц как минимум. Щенок — не котенок. Кошки те быстро привыкают к месту, а собаке повзрослеть надо.

И потянулись однообразные вечера. Приходя домой, я первым делом грел воду и потом часа два мыл, подтирал, проветривал. Затея с ящиком сильно облегчала дело, тем более что я

придумал новшество — прорезал в стенках ящика по оконцу, так что теперь щенку не требовалось вставать на задние лапы, чтобы видеть, где я и чем занимаюсь. А это, как оказалось, было для него очень важно: пока я находился в поле его зрения, он вел себя пристойно, лишь переходя по мере надобности от одного окошечка к другому. А я тем временем без помех орудовал шваброй

И все-таки однажды я сорвался.

Днем была тяжелая поездка, я вымок и устал, а дома увидел всё ту же картину непотребства и разрушения. Но dokonало меня другое: не успел я раздеться, как щенок, то ли по естественному желанию, то ли от радости, что я вернулся, присел и сделал лужицу, поглядывая на меня безмятежно и невинно.

— Ах ты поросенок! — в сердцах сказал я. — Вон же стоит песок, а ты свинячишь на пол! — И, не отдавая отчета в том, что делаю, взял щенка за шиворот и ткнул его носом в лужицу.

Боже, что тут началось! Взвизгнув, щенок с такой силой рванулся из моих рук, что я не удержал его, и он опрометью бросился под кровать и затих там. Я опомнился, и мне стало так стыдно, что хоть проваливайся сквозь землю.

— Иди сюда! — позвал я щенка. — Прости меня, слышишь?

Но щенок не откликнулся. Я заглянул под кровать и увидел, что он сидит, забившись в щель между двумя чемоданами. Я вытащил его, посадил к себе на колени и стал гладить, но он не вилял, как обычно, хвостом и не старался лизнуть мою руку, а глядел на нее с опаской, как будто ждал удара.

— Прости меня, — повторил я, — ну прости, ради бога!

Я чувствовал себя негодяем. То, что я сделал, было подлостью; поступить так — всё равно что надругаться над ребенком, и я не знал, как загладить свой грех.

В тот вечер примирения не получилось. Как я ни старался, прежнее доверчивое настроение так и не вернулось к щенку. Его даже не пришлось уговаривать лечь спать, что я обычно делал; он покорно лег на подстилку, и я весь вечер ощущал на себе его настороженный, недоверчивый взгляд. Лишь через несколько дней мне удалось вернуть расположение щенка, но я до сих пор вспоминаю о своей выходке с отвращением и стыдом.

Глава третья

Время шло. Дик — так я назвал щенка — каждый день пил рыбий жир, с аппетитом ел и рос, как говорится, не по дням,

а по часам. Из заморыша он превратился в толстого, неуклюжего подростка, и я, спохватившись, подумал, что, наверное, перекормил его. Но Кулаков, дока по части всего, что касалось собак, успокоил меня, сказав, что это у Дика возрастное и жирок растрясется, как только Дик войдет в силу.

И верно. К середине лета Дик заметно похудел, а к осени превратился в мощного сухотелого пса, глядя на которого даже Кулаков восхищенно крутил головой.

— Собачка! — говорил он, и меня распирало от гордости, потому что это слово Кулаков употреблял редко и выражал им свое величайшее одобрение. — Ну и что ты собираешься с ним делать?

— Поживем — увидим, — отвечал я. Но что должно было означать это «поживем — увидим», я и сам не знал. Мне не приходило в голову делать из Дика какую-то необыкновенную собаку, а потому я не заставлял его разучивать всякие мудреные штучки-дрючки, которыми так гордятся иные владельцы собак. Мне было достаточно того, что Дик жил в моем доме и радовался, когда я приходил в него после целого дня отсутствия, выказывая эту радость непосредственно и чисто-сердечно. Конечно, пока Дик был щенком, он порой донимал проявлением своих чувств, но, возмужав, стал сдержаннее и, встречая меня, уже не бросался ко мне на грудь, не подвывал, как раньше, от возбуждения, а молча прикивал головой к моим коленям и смотрел с обожанием и преданностью.

— Ах ты пёс — ременные уши! — ласково говорил я, поглаживая Дика по загривку, и он, замирая от этих поглаживаний, еще теснее прижимался ко мне.

Однако нельзя сказать, что я вообще не занимался Диком, ничему не учил его. Нет, кое-что мы с ним освоили, но наши достижения были скромными и не рассчитанными на зрителей.

— Дик, — спрашивал я, например, когда приходило время пообедать, — а где твоя миска?

Я не приказывал, не требовал принести эту самую миску, а просто спрашивал, и Дик прекрасно понимал, чего от него хотят, и всегда выполнял просьбу, принося миску в зубах. Он вообще любил, когда с ним разговаривали, это, кстати, любят все собаки, но открыл это не я. Здесь моим учителем был Кулаков. Вот кто умел влезать в собачью душу! Меня изумляла эта его способность. А что касается собак, так те его просто боготворили. Они понимали Кулакова с полуслова, а иногда мне казалось, что и со взгляда. Такую манеру общения я завел и с Диком и с каждым днем убеждался, что именно разговор, а не приказ или команду предпочитает отзывчивая и понятливая натура собаки.

Но я заговорил о том, чему научил Дика. Номер с миской был самой легкой задачей, за ней настала очередь прыгать через веревку. Дик очень быстро освоил прыжки, но тут возникла некая неувязка, которая поставила меня в тупик. С самых первых шагов обнаружилось, что Дик перепрыгивал через веревку лишь в том случае, когда на ней что-нибудь висело — белье, одеяло, половики. Если этого не было, он спокойно пробежал под веревкой, но всем видом выражал, что выполнил задание как требуется.

— Ты глупый, Дик, — говорил я. — Смотри, как надо. — И прыгал через веревку сам. — А теперь давай вместе.

Мы разбегались и прыгали, и Дика при этом нисколько не смущало, что на веревке нет ни белья, ни половиков.

— Молодец! — хвалил я его. — А теперь давай один. Ну!

Дик с маху бросался к веревке... и пробежал под ней. Я раз за разом пробовал приучить его правильно выполнять задание, но результат был всегда один и тот же — Дик перепрыгивал через веревку лишь в том случае, когда на ней что-нибудь висело. Поразмыслив, я понял, в чём тут дело. Висящее белье — это какая-никакая, а преграда, которую нужно было преодолеть, и Дик добросовестно исполнял урок; пустая же веревка его просто не интересовала и, перепрыгивая через нее вместе со мной, он лишь повторял то, что делал я.

Но нашим коронным номером был номер с дровами, который стал таковым по чистой случайности. Как-то, коля дрова, я заметил, что Дикун нравится возиться с поленьями. Он хватал зубами то одно, то другое и носился с ними, как щенок с костью. Тогда-то мне и пришло в голову научить Дика таскать поленья в сарай. Он поймал мою мысль, как говорится, на лету и с той поры колка дров превратилась у нас в занятие коллективное. Это был единственный трюк, смотреть который приходили многие. Я колол, а Дик, повизгивая от нетерпения, ждал, когда полено отлетит в сторону, чтобы тотчас броситься к нему и схватить. Смотреть на это было смешно, потому что Дик никогда не брал полено за середину, а всегда впивался зубами в конец. Задрвав голову, он тащил полено к сараю, но длинный конец перевешивал и выворачивал Дикуну шею, и он злился и рычал, однако не выпускал полена из пасти, пока не заносил его в сарай. Бросив его там, он стремглав бежал обратно, и всё повторялось сначала.

Все эти трюки были развлечением, простодушным занятием, скрашивавшим однообразие нашей жизни, но чем скорее рос Дик, тем чаще я думал о том, к какому делу его приобщить, когда он достигнет рабочего возраста. Кое-кто, может, скажет: а зачем приобщать, ведь собака не лошадь, ей работать необя-

зательно. Так-то оно так, но везде существуют традиции, определяющие жизненный уклад хоть большого города, хоть крохотного поселка. Существовали они и у нас, и, согласно им, все собаки на островах должны были работать. Здесь это было в порядке вещей, можно сказать, неписанным законом. Никто не держал собак просто так, из удовольствия, это считалось баловством, прихотью, и я не собирался быть бельмом на глазу.

Но куда все-таки определить Дика? Попробовать сделать из него охотничью собаку? Однако охоты в таком виде, в каком она существует в лесных краях, на Северных Курилах никогда не было. Здесь и леса-то не росли, а для охоты, скажем, на нерп собаки не требовалось. Утки? Но утками занимались кустари-одиночки вроде меня, это был промысел сугубо личный, где обходились либо вовсе без собак, либо держали специальных. А Дик такой собакой не был. Оставалась одна-единственная вакансия, отвечающая природе и наклонностям Дика, — работа в упряжке. Только она оправдывала существование здесь таких собак, как Дик, но, говоря честно, мне не очень-то хотелось отдавать Дика в упряжку. И не потому, что работа в ней была работой суровой, на пределе сил, нет, я хорошо представлял, как может сложиться жизнь Дика в дальнейшем. Ведь я должен был рано или поздно уехать на материк, и Дик мог попасть в руки бог знает кому. А большинство каюров не внушало мне доверия. Они считали собак грубой тягловой силой и соответственно обращались с ними. Я видел их упряжки. Собаки в них поджимали хвосты при одном лишь виде хозяина, а такой судьбы я Дику не желал. Я мог доверить его только одному человеку — Кулакову. На этом я и порешил. Но прежде чем Дик стал записной ездовой собакой, и ему, и мне пришлось пережить немало грустного и смешного.

Глава четвёртая

Лето на Северных Курилах — короткая и стремительная пора. Июль, август — вот и всё, что отпускает тамошняя природа кустарникам и цветам, травам и злакам. Но и эти два месяца проходят под знаком дождей и туманов, когда лишь умозрительно можно представить, что в мире есть солнце и чистое, голубое небо. Но даже и в таких условиях и за такой мизерный срок растения успевают пробить так и не оттаявшую до конца землю, пойти в рост и вырасти. И как вырасти! До гигантских размеров: если дудка — то в два с лишком метра, а если бутон — так чуть не с голову. Ходить летом напрямик через сопки — сплошное мучение. Травянистые джун-

гли скрывают с головой, стоят как стена, и нужен самый настоящий мачете, чтобы прорубить дорогу.

Но в сентябре рядами падает отжившая и отцветшая трава, а октябрьские пурги, громоздя сугроб на сугроб, за несколько дней меняют декорации, подготавливая сцену к десятимесячному акту зимы. В это время поневоле берет тоска, поскольку знаешь, каково придется зимой. Ни свежей тебе картошки, ни капусты, ни регулярных писем и газет — зимой самолеты по месяцам не прилетали. А если еще и кино-механик даст маху — всю зиму будешь смотреть одно и то же старье. Как однажды, когда в клубе до самой весны крутили два фильма — «Бродягу» и «Возраст любви».

И всё же подступавшая глухая пора обещала быть не такой длинной: как-никак в моем доме появилась еще одна живая душа, Дик. А двое, кем бы ни был твой напарник, — это двое. Это взаимность и, если хотите, диалог, потому что разговаривать с живым существом, будь то собака или кошка, — это совсем не то, что говорить со шкафом или играть в молчанку с самим собой.

Одним словом, мы с Диком жили и не тужили. Не за горами были ноябрьские праздники, и, как подарок к ним, вдруг прилетел самолет. Как он прорвался сквозь занавес непогоды, никто не знал, но рокот его моторов взбудоражил всех. Самолет — это наверняка десяток-другой ящиков с апельсинами-мандаринами, а может, с какой другой экзотикой, но главное — это газеты и письма. При нужде мы могли сидеть на сушеной картошке и консервированных борщах, но перебои с почтой переносились тяжело. И вот самолет прилетел, а Кулакова, который обычно ездил на местный почтамт, носило неизвестно где. Ждать, когда он объявится, было не терпел, и я решил взять дело на себя.

До почты было восемь километров, полтора часа хода, учитывая пересеченность местности и снежные заносы на дороге, и, чтобы скрасить ее, я решил взять с собой Дика. Ему такая разминка была полезна, а то он совсем засиделся дома.

Будь на дворе декабрь, я пошел бы, конечно, на лыжах, но зима еще не устоялась. На дороге был неудобный трехкилометровый отрезок — ровное как стол плато, с которого ветры начисто сдували снег. Он ложился плотно лишь в декабре, а пока плато представляло собой угрюмую каменистую равнину, идти по которой на лыжах мог только большой оригинал. Я им не был и потому отправился в путь на своих двоих.

Сначала все шло прекрасно. Мы с Диком одолели длинный тягун и вышли на плато, но, как это и бывает по закону подлости, на середине нас прихватил снежный заряд.

Человек, не испытавший его на себе, не может и представить, что это такое. Всё равно что шквал на море, когда команды старинных парусников из-за внезапности налета не успевали иной раз спустить паруса: корабли переворачивались и гибли.

Снежный заряд приходит так же неожиданно. Ничто, кажется, не предвещает его, и вдруг, словно из какой-то дыры в небе, начинает дуть ветер. Усиливаясь с каждой минутой, он с каждой минутой несет всё больше и больше снега, и вот уже бешено крутящийся снежный вихрь валит с ног и скрывает все приметы. Но это еще полбеды. Самое опасное, что никогда не знаешь, как долго будет продолжаться эта свистопляска. Бывает, заряд выдыхается за десять минут, хуже — за час, но, бывает, переходит в пургу, которая дует день, два, а то и всю неделю.

Кто мог сказать, какой случай выпал нам? И что теперь делать — идти дальше, возвращаться или пережить заряд на месте? Всё было рискованно, и я, как витязь на распутье, соображал, в какую сторону податься. Возвращаться не хотелось, пережить — тоже, и я в конце концов решил идти, куда шел. Но в том-то и заключается одна из опасностей этих дьявольских зарядов, что буквально через пять минут теряешь всякое направление. Потерял его и я. Ощущение было такое, что тебя положили в бетономешалку, наполненную белой мутью, и крутят, крутят. Север мог быть сейчас и на юге, и на востоке, и где хочешь, но только не на севере. Куда, спрашивается, идти, когда вдобавок ко всему знаешь, что справа — обрыв: стометровая отвесная стена, а внизу — море. Ухнешь — и ни дна тебе, ни крышишки.

Но человек по природе оптимист. В самых жутких случаях он все равно надеется на лучшее, а то и просто на авось. Так и я. «Бог не выдаст, свинья не съест». Ко всему прочему меня сильно поддерживало присутствие Дика. Он не отставал ни на шаг, и мне было радостно сознавать, что рядом со мной — верный друг.

А белая кутерьма всё продолжалась. Поднеся руку к самым глазам, я посмотрел на часы и увидел, что дует уже полчаса. А мне казалось, минут десять, не больше. Я почувствовал тревогу. Неужели заряд перешел в пургу? Тогда мне крышка — я или выбьюсь из сил и замерзну, или заплутаюсь и свалюсь с обрыва в море.

В эти минуты мне, как никогда, требовалась какая-нибудь поддержка, и я обернулся к Дикю, но не увидел его. Что за черт, только что был рядом и вдруг исчез!

— Дик! — крикнул я.

Никакого ответа. Я позвал еще раз и еще, и наконец разглядел в полутьме силуэт собаки.

— Иди сюда, Дик!

Он подбежал, но как-то неохотно, пригибаясь к земле и поджимая хвост. Вот так штука, подумал я. Боится! У самого душа в пятках, а тут еще и он!

— Рядом, Дик!— приказал я. — Рядом!

Он послушался, но скоро снова отстал и, сколько я ни звал, не подошел, а лишь жалобно, по-щенячьи скулил. Меня разозлило его поведение, и я направился к нему, чтобы взять его на поводок, но Дик неожиданно отпрыгнул, а затем пустился бежать — назад, к дому.

— Дик! — заорал я. — Вернись!

Куда там! До меня донёлся лишь вой, каким воет собака, когда за ней по пятам гонится чужая свора.

Я остался один, но не ощутил ни страха, ни растерянности — злость буквально захлестнула меня. Трус! Раскормленный, жалкий трус! Ну, погоди, вернусь — все бока обломаю!

Рассуждая трезво, самое время было повернуть назад и мне, но я же говорю, что злость ослепила меня, лишила всякого чувства осторожности, и я упрямо пошел дальше, помня только об одном — справа обрыв.

Я не знаю, по каким таким законам дул этот проклятый заряд, но кончился он так же неожиданно, как и начался, и я увидел, что и впрямь нахожусь в опасной близости от обрыва. До него было метров десять, не больше, и до меня явственно доносился тяжелый шум бьющегося внизу моря. Выходило, что, как ни настораживал я себя, а всё-таки забрал вправо. Впрочем, так и должно быть, поскольку давно известно, что у большинства людей шаг левой ногой больше, чем шаг правой. Так что я мог запросто свалиться в море, не выдохнись вовремя заряд.

Оставшийся путь я прошел без всяких приключений, а всю обратную дорогу меня подгоняла сладостная мысль о близкой расправе над Диком. Что я сделаю с ним, я еще не знал, но утешал себя тем, что казнь отыщется, едва я увижу этого подлого труса. И уж тут буду беспощаден!

Но всё произошло совсем не так, как я это рисовал в своем распаленном воображении. Я был уверен, что обнаружу Дика у крыльца, где он обычно меня встречал, но там его не оказалось. Я заглянул под крыльцо, обошел вокруг дома. Никого. И тут я встревожился и забыл о всяких планах мести. А вдруг Дик и не прибежал? Потерял со страху дорогу да и свалился с обрыва? Он же никогда не ходил со мной этим путем.

Я не знал, что делать, и уже готов был бежать на поиски Дика, но в этот момент увидел его. Он выглядывал из-за угла

сарая, как воришка, который знает, что его накрыли и сейчас будут сечь. Он раскаивался — об этом говорил весь его вид — и был готов понести наказание.

Ситуация складывалась трагикомическая. С одной стороны, я был зол «как тысяча чертей», а с другой — меня разбирал смех: уж очень потешно выглядела виноватая физиономия Дика. А когда человек начинает выбирать между смешным и серьезным, считайте, что ничего путного он не сделает. Я знал это по себе, однако пар у меня еще оставался, и его требовалось выпустить.

— Трус! — сказал я с презрением, на какое только был способен. — Трус и предатель! Дезертир!

Эти слова были для Дика новыми, и он выслушал их с таким серьезным вниманием, что я отвернулся, чтобы не рассмеяться вслух. Сделай я это, он, чего доброго, вообразил бы, что я расценил его позорное бегство как ловкую шутку. Ну уж нет! Что было, то было. Сбежал, сдрейфил, а теперь рожи строит!

Но что было делать? Экзекуция отменялась, я это понимал, однако нужно было показать Дику, что ничего не забыто, что он презираем. И я два дня игнорировал его. Разумеется, кормил, но делал это с подчеркнутым равнодушием, как бы между прочим. О том, чтобы погладить Дика или сказать ему ласковое слово, не было и речи. Что заслужил, то и получай.

Да, всё так и было, но исподтишка я наблюдал за Диком и сразу отметил, что бойкот действует на него сильнее, чем я думал. Он ел неохотно, ходил с оглядкой и всё больше лежал на своем месте, поглядывая на меня грустными глазами. Я видел, что он страдает, но решил выдержать характер. Сейчас я не сделал бы этого, но тогда еще не знал, что животные переживают, и даже сильнее, чем мы. Они не могут оценивать свои поступки, взвешивать и рассуждать, они живут эмоциями, и длительное страдание может расстроить их психику, а то и вовсе убить.

Словом, мне стало жалко Дика, и однажды, поймав его недоуменно-горестный взгляд, я сдался.

— Иди сюда, Дик!

На секунду он оторопел, словно бы соображал, не ослышался ли, а потом кинулся ко мне, подвывая от переполнившей его радости. Он прямо-таки стонал и, молотя хвостом по бокам, лизал мне руки и лицо.

— Ну всё, всё, — говорил я, ероша жесткий загривок Дика. — Кто старое вспомнит, тому глаз вон.

Удивительное дело: казалось бы, я должен был чувствовать себя таким снисходительно-великодушным, отпуска-

ющим грехи, ну если не господом богом, то по крайней мере его архангелом, однако ничего такого не испытывал. Я был не меньше Дика рад нашему примирению, потому что гнетущая обстановка в доме, которую я сам же и создал, отравляла и без того трудную жизнь. Что же касается Дика, то я уверен: он связал бойкот с фактом своего постыдного бегства и сделал для себя зарубку в памяти.

Глава пятая

Наступившая зима была третьей, которую мне предстояло прожить на Курилах, а точнее, на самом севере Курильского архипелага, протянувшегося на тысячу двести километров по меридиану и насчитывающего пятьдесят шесть мелких и крупных островов. Я не зря уточняю место своей зимовки, потому что Курилы Курилам рознь. Так, на южных островах Курильской гряды, скажем на Кунашире растут бамбук и виноград, а у нас не росла по-настоящему даже картошка — то, что вызревало, нельзя было назвать картошкой. Сплошная мелочь, горох. Впоследствии мне приходилось жить за Полярным кругом на побережье Ледовитого океана, в местах, что и говорить, суровых, но и они не идут в сравнение с Северными Курилами. Таких пург, как там, я нигде больше не видел. Говорят, что сильнее дует только в Антарктиде.

Итак, на носу была третья зима, нелегкая, как и две первые, и особенно для меня. Ведь я жил один, и если днем хватало дел и забот, то вечера иной раз тянулись долго и тоскливо. Развлечений было раз-два и обчелся — книги, радиоприемник «Рекорд», который ловил две программы, один-два раза в неделю кино в поселковом клубе. Конечно, у меня были знакомые, и я ходил в гости, но недаром говорят, что в гостях хорошо, а дома всё-таки лучше. И это действительно так, и всё же, повторяю, дома нет-нет да и брала тоска. Не хватало уюта, холостяцкий быт всё сильнее затягивал меня, и третья зимовка могла бы стать тоже не очень радостной, не появившись в моем доме Дик.

Кто жил в небольших северных поселках, тот знает, какково возвращаться вечером домой, где тебя никто не ждет. Темные окна, занесенное снегом крыльцо. Замерзшими руками открываешь замок иходишь в холодный дом. Одежда мокрая, и надо сначала истопить печку, чтобы обсушиться и приготовить какой-нибудь ужин. А на всё это уходит время, и только часа через два, когда в доме потеплеет и вскипит чайник, почувствуешь себя человеком. И так — каждый день.

И вот всё кончилось, вернее, повернулось другим боком. Теперь, едва я сворачивал на тропинку, ведущую к дому, от крыльца навстречу мне бросался Дик. С размаху прыгал на грудь, норовя лизнуть мои задубевшие от мороза щеки. И собачьи глаза светились такой преданностью и радостью, что забывались все невзгоды дня, и уже не так угнетала мысль, что предстоит долго возиться с печкой, сушить мокрую одежду, готовить еду и наводить в доме порядок. Все эти действия приобрели другой оттенок и делались уже не в силу суровой необходимости, не наспех, как раньше, а добротнo, с сознанием того, что всё делается не только для себя. Если раньше я мог поужинать всухомятку и завалиться спать в нетопленной комнате, бросив всё на произвол, то отныне у меня появились совершенно четкие обязанности, первойшей из которых была обязанность накормить Дика. А от него цепочка тянулась дальше — словно бы получив разгон, я уже не мог остановиться на полпути и принимался за домашние дела, которыми, не будь у меня для этого толчка, наверняка пренебрег бы.

Именно это сознание ответственности, что надо заботиться не только о себе, но и о ком-то другом, держало меня в узде, и только ему я был обязан тем, что поздними вечерами у меня в доме царила полная идиллия: жарко дышала протопившаяся печка, тихонько мурлыкал «Рекорд», а мы с Диком наслаждались покоем и теплом — он на своем месте, на подстилке в углу, а я с книгой на кровати. За щитовыми стенами домика завывал ветер, бил снегом в окна и рвался в дверь, но нас это не тревожило. Мы были две живые души, повстречавшиеся в бесконечном потоке времени, и кратковременность нашего пребывания в нём сближала нас и делала единомышленниками.

А дни летели, складывались в недели и месяцы. Возраст Дика, по моим прикидкам, приближался к году, и надо было ожидать, что скоро его потянет из дому на поиски любовных приключений. Стоял уже февраль, а именно в это время собаками овладевают заботы по продолжению рода, и я не имел ничего против того, если бы Дик обзавелся подружкой, но меня занимал вопрос: а где ее взять? Все собаки на острове жили своими кланами, куда доступ чужим воспрещался безоговорочно. Смельчаков со стороны ожидала не только хорошая трепка, но и даже гибель от клыков соперников, которые, забывая на время о своих собственных расправах, совместно противостояли всякому чужому вмешательству. Правда, в сопках жило немало одичавших собак, и я надеялся, что, когда дойдет до дела, Дик присмотрит себе подружку именно в этом беспорядном и вольном сообществе.

Но пока он не проявлял никакой озабоченности, и все его помыслы были направлены лишь на то, чтобы сопровождать меня в моих прогулках по поселку или увязаться за мной на воскресную охоту. В первом случае я ему не препятствовал, что же касается охоты, то здесь помощника из Дика не получалось. Я охотился в основном за куропатками, это осторожные птицы, к ним не вдруг-то подкрадешься, а у Дика не было никакого терпения. Почуяв куропатов, он с лаем бросался на них и испугивал, вынуждал меня стрелять вдогон. При этом я, как правило, мазал, потому что не имел привычки охотиться с дробовиком, от которого было грохота, как от пушки; дробовику я предпочитал почти бесшумную «мелкашку», а разве попадешь одной-единственной пулей в улетающих птиц? Так что пришлось отваживать Дика от охоты. Не его это было дело. Ни скрасть добычу, ни сделать стойку, как легавая или сеттер, он не умел.

В общем, пока что на долю Дика оставались одни прогулки. И как-то раз я взял его с собой в Козыревский, соседний с нами поселок на берегу Второго Курильского пролива. Я время от времени ходил туда. Во-первых, там был небольшой книжный магазинчик, где нет-нет да и появлялись хорошие книги, а во-вторых, в Козыревском имелась своего рода достопримечательность — просторная столовая, стоявшая особняком на бугре и служившая местом сбора всевозможного люда. В ней неплохо кормили, там можно было выпить стакан вина или согреться горячим чаем, но не только это собирало туда посетителей. Столовая была как бы местным «салонном», где встречались по разным делам, обменивались новостями и просто отдыхали рыбаки и сезонники, каюры и портовые грузчики. Я любил заходить туда — обязательно встретишь какого-нибудь знакомого, узнаешь уйму новостей.

И в тот день я не собирался обходить столовую стороной. Погляжу, какие есть книги в магазине, а потом туда, думал я. Но совершенно забыл при этом об одном обстоятельстве: как раз на входе в Козыревский располагалось поселковое подсобное хозяйство, возле которого постоянно крутилось не меньше десятка собак. Пройти мимо них одному ничего не стоило, собаки привыкли к прохожим и не очень-то обращали на них внимание, но я был не один, рядом бежал Дик, и когда мы поравнялись с домами этого хозяйства, я понял, что сейчас начнется заваруха. Да еще какая: увидев нас, от домов с лаем и рычанием бросилась целая дюжина собак. Я не очень-то боялся их грозного вида, зная, что они не тронут меня, но за Дика перепугался. Это его появление вызвало у собак такую злобу, и они, как неприятельская орда, летели на нас, горя лишь одним желанием — растерзать Дика на куски.

Положение складывалось хуже некуда. Дик должен был или отбиваться, или пуститься в бега. То и другое было одинаково плохо. Драться одному против целой упряжки? Безумие! Я знал, что Дик силен, но не настолько! К тому же у него не было никакого опыта драк, а на него набежали записные бойцы, прошедшие жестокую школу всевозможных схваток и потасовок. Бежать? Это было еще хуже, чем открытая драка. Если в драке был хоть какой-то шанс уцелеть — сила и ловкость здесь значили много, то бегущего, как правило, догоняли, и тогда пощады не было.

Помня позорное поведение Дика осенью, когда он бросил меня на плато, я думал, что он спасует и на этот раз, но Дик в пух и прах разбил все мои опасения. Увидев собак, он вздыбил шерсть на загривке и с рычанием выбежал вперед, как бы загораживая меня. Весь его вид выражал только одно — готовность драться, и едва первая собака добежала до нас, как Дик стремительным броском сбил ее с ног, подмял и принылся с ожесточением трепать. Но тут же его самого сбили и подмяли подоспевшие к месту боя собаки, и я подумал, что сейчас Дику придет конец. Но он выбрался из свалки и тотчас вцепился в другого пса, на глазах разодрал ему тощий бок и схватился с третьим.

Рычание и визг дерущихся собак устрашали; у меня в руках не было ничего, чем бы защититься, но храбрость Дика воодушевила, и я бросился в самую гущу собачьих тел. Я орал не своим голосом, бил собак ногами, хватал за хвосты, но они не обращали на меня никакого внимания. Их целью был только Дик, и они с упорством дорывались до него, а он, крутясь, бешено огрызался, не давая сбить себя с ног.

Но численное превосходство было на стороне наших противников, и казалось, что оно-то и решит дело, однако у собак, как и у людей, во всех схватках верх одерживает стойкость. С каким бы ожесточением ни шла драка, всегда наступает момент, когда одна из сторон дрогнет. И часто — та, которая численно больше и, стало быть, сильнее, но у которой тем не менее не хватило стойкости. Растерянность в таких случаях действует как импульс цепной реакции; стоит дрогнуть одному — паника охватывает всех.

Так случилось и в тот памятный день. Обескураженные неистовым сопротивлением Дика, собаки начали разбегаться, и через минуту на поле боя осталась только одна из них. Она бы тоже была рада-радешенька показать тылы, но это от нее уже не зависело: навалившись на неё всей своей тяжестью, Дик держал ее за горло, по-бульдोजьи жуя челюстями. Осатаневший, он мог задушить собаку, и я бросился ее спасать.

— Хватит, Дик! Отпусти!

Но Дик, как будто не слыша меня, не ослаблял хватки.

— Кому говорят, Дик!

Бесполезно! Слова не доходили до разъяренного пса. Он с такой силой трепал несчастную собаку, что у той голова металась из стороны в сторону и, казалось, вот-вот отвалится. Тогда я попытался силой оттащить Дика от полузадушенной жертвы. Хоть бы что! Дик не собирался разжимать челюсти. Уже разозлившись, я, как на бревно, наступил ногой на собаку, а руками что есть ночи рванул Дика за шиворот. Только это и помогло: кожа на шее собаки буквально затрещала, но она освободилась и кинулась прочь, поджав хвост и подвывая от боли и страха. Давясь шерстью, забившей всю пасть, Дик злобно смотрел ей вслед и старался вырваться из моих объятий, но я держал его крепко. В конце концов он успокоился и принялся зализывать раны.

А зализывать было что: правая передняя лапа у Дика была прокушена, бока в разных местах кровоточили, но хуже всего было с левым ухом: разорванное, оно висело, как тряпка. Идти в Козыревский, когда Дик в таком состоянии, я уже не мог, надо было возвращаться домой и оказать Дику первую помощь.

В поселке я сразу пошел к Кулакову и показал ему Дика. Объяснил, в какую историю влипли.

— Это мура, — сказал Кулаков, осмотрев лапу и бока Дика. — Через неделю всё засохнет. А вот ухо... Может так и остаться висеть. Промывай марганцовкой каждый день, чтоб не гноилось. А лапу не завязывай, он ее и без тебя зализет.

Замечание Кулакова насчет уха меня расстроило. Я не представлял себе Дика с висячим ухом. Вся собачья красота пропадет. Конечно, есть немало собак, у которых уши висят от природы, у тех же сеттеров, но ведь Дик-то не сеттер. В нем есть что-то волчье, и вот на тебе — ухо... А может, обойдется? Разве не может ошибиться даже такой дока, как Кулаков?..

Но Кулаков не ошибся. Через неделю все укусы у Дика действительно зарубцевались и подсохли, а вот ухо никак не хотело выпрямляться. То есть не то чтобы вообще, а до конца, совсем. Видно, нервные окончания были повреждены слишком сильно и восстановиться не могли. Так что, к моему великому огорчению, треть уха у Дика так и осталась висеть. Утешало одно: самого Дика эта небольшая перемена во внешности совершенно не беспокоила, мне кажется, он и не заметил ее, и это было главное. В конце концов во всем этом деле страдал лишь мой эстетический вкус, а вкусы, как известно, меняются, и я надеялся, что со временем изменится и мой.

Приближалось 23 февраля, праздник, день Советской Армии. Я, правда, никогда не был военным, но после института получил билет офицера запаса, и, стало быть, праздник касался и меня. Но строить какие-то определенные планы в отношении того, как его встретить, — этим я себя не утруждал. Встречу, как встречаю все праздники — схожу в клуб, послушаю торжественную часть, посмотрю художественную самодеятельность. Потом, может, загляну к кому-нибудь в гости. А может, не загляну, всё будет зависеть от настроения. В гостях, конечно, накормят всякими домашними кушаньями, но ведь и у себя от голода не помру. Есть две мороженые китайские курицы, фляжка со спиртом, а главное — целый ящик консервированных томатов. Чего еще надо? А через два дня придет «Норильск», и можно будет разжиться шампанским и фруктами.

Но тут надо сделать разъяснения, потому что без них никто и не поймет, что это за «Норильск» такой и при чём здесь фрукты и шампанское.

«Норильск» — это название теплохода, который, меняясь со своим собратом «Тобольском», курсировал в те годы по линии Владивосток—Петропавловск-Камчатский. Наш районный центр, городок Северо-Курильск, глядевший на посёлок с другой стороны пролива, был последним портом, где теплоходы останавливались перед прибытием в Петропавловск, и этого дня островитяне всегда дожидались с нетерпением. Еще бы! На теплоходах имелись роскошные рестораны и буфеты, а в них — всё, что хочешь, что нам, привыкшим к суровому островному пайку, казалось верхом достатка и роскоши. Впрочем, здесь я выказался неточно. В нашем положении, когда мы почти круглый год сидели на всем сушеном и консервированном, самой желанной роскошью были свежие капуста и картошка, которыми, к сожалению, на теплоходах не торговали. Зато фруктов, хорошего вина и фирменных папирос там было бери не хочу. Их в нашем единственном магазине никогда не было, так что теплоходные буфеты являлись для нас хорошим подспорьем.

«Норильск» и «Тобольск» приходили в Северо-Курильск два раза в месяц, и в день их прибытия посты наблюдения уже с утра держали нас в курсе событий, поэтому стоило теплоходу встать на рейд, как к нему с обоих берегов — с нашего и с парамуширского — устремлялись десятки всевозможных плавсредств: катеров, самоходных барж, плашкоутов, моторных баркасов. За два или три часа стоянки буфеты теплохо-

дов распродала всё дочиста, и это вполне устраивало корабельную администрацию, иначе зачем же приходиться в конечный пункт с полным грузом? В выгоде были и мы: до следующего теплохода жители поселка две семидневки ели фрукты и курили «Герцеговину Флор» или «Богатырей».

Тот февраль не был исключением. «Норильск» прибыл по расписанию, и я купил шампанского, целый рюкзак апельсинов и дюжину коробок папирос. И в тот же день решил: двадцать третьего схожу сначала в клуб, а оттуда налажусь в гости, тем более что пойду не с пустыми руками — бутылка шампанского и пакет с апельсинами не такой уж плохой подарок.

Я уже говорил, что Дик у разрешалось сопровождать меня в моих прогулках по поселку, и он не упускал ни одного случая, чтобы не воспользоваться этим правом. Но вход в любое помещение, кроме нашего дома, ему был запрещен. Жди хозяина на улице — это правило распространялось на всех собак.

Так я поступил и в день праздника — оставил Дика у дверей клуба, а сам с легким сердцем пошел слушать доклад, решив, что на самодеятельность не останусь, а забегу после доклада домой, возьму подарки и завалюсь в гости к Толкачевым, которые наверняка будут дома, потому что недавно родившаяся дочка держит их на привязи.

Доклад занял полчаса, потом я минут десять потолкался в фойе, если так можно назвать коридор, где, кроме билльяра, ничего не стояло, поздравил с праздником встреченных знакомых и уж после этого вышел на улицу. Обычно Дик караулил меня возле дверей, но в этот раз его на месте не оказалось. Я достал папиросы, закурил и посмотрел по сторонам, думая, что Дик устроился где-нибудь в другом месте. Но его нигде не было видно, хотя у клуба было светло — над входом ярко горел праздничный транспарант.

— Дик! — позвал я.

Никакого ответа. Я позвал еще раз, посвистел условным свистом, на который Дик всегда прибегал, но сейчас всё оказалось напрасным, Дик не показывался. Неужели ушел домой? Такого никогда не было, но ведь раз на раз не приходится. Кто знает, что ему пришло в голову?

Несколько обиженный, но отнюдь не обеспокоенный, я пошел домой, придумывая, что бы такое сказать Дик, чтобы устыдить. Ну ладно, сбежал однажды, было дело, глупый был, перепугался, но ведь потом насмерть дрался с собаками, защищая меня, и вот опять, можно сказать, сбежал. Что за пёс такой непостоянный?

Но и возле дома Дика не оказалось. Сколько я ни звал его, он не появлялся. Тут уж я, как говорят, задергался. Дик не

мог исчезнуть ни с того ни с сего, с ним случилась беда, под-сказывало мне шестое чувство. Но какая беда? Украли, пока я был в клубе? Как могли украсть, когда Дик никого чужого к себе не подпускает: чуть что, сразу клыки показывает? Нет, его голыми руками не возьмешь, тут что-то другое.

Забыв про всякий праздник, я побежал обратно к клубу. Обошел вокруг него, пытаюсь найти какие-нибудь приметы, которые бы показали, что могло стрястись с Диком, но ничего не нашел. Везде было множество собачьих и людских следов, но не было и признаков какой-либо свалки или борьбы, во время которой могли захватить Дика. Я в растерянности топтался возле дверей, не зная, что делать. Куда идти, где искать собаку на ночь глядя? Мелькнула мысль вызвать из клуба Кулакова, которого я видел час назад возле бильярда, и попросить у него помощи, но, слава богу, хватило ума не делать этого. При чем здесь Кулаков? У тебя пропала собака, а человек ради этого должен куда-то мчаться сломя голову? У него самого таких собак хоть отбавляй, крутится с ними как белка в колесе.

Не оставалось ничего другого, как только идти домой и ждать. Может, Дик придет, может, увязался за какой-нибудь собачьей дамочкой и сейчас изъясняется ей в нежных чувствах.

Эта мысль меня взбудрила. Действительно, чего всполошился? Как будто Дик и в самом деле не может позволить себе никаких развлечений! Что ему, только и ждать меня круглыми сутками? Набегается и придет.

Всё выглядело убедительно, и я решил не суетиться раньше времени, а, предоставив события их естественному течению, сходить, как было задумано, в гости. До ночи еще далеко, а к ночи Дик непременно вернется.

Но я по-дурацки устроен: если уж что взлетит в голову, буду думать, пока мозги не сверну. И вот вместо того, чтобы сидеть тихо и спокойно в гостях и наслаждаться общением с хорошими людьми, я весь вечер был как на иголках, отвечал невпопад и делал глупейшие ходы, когда стал играть в шахматы с хозяином дома. Я неотступно думал о Дике, представляя, как он, вернувшись и не застав меня дома, бежит туда-сюда под окнами и ждет меня.

Эта мысль погнала меня раньше времени домой, но там никто не ждал меня и под окнами не бегал. Я прождал допоздна, а потом лёг спать, но всю ночь ворочался и прислушивался, не заскулит ли на улице Дик, не начнет ли царапаться в дверь.

С утра пораньше я пошел к Кулакову. Надо было принимать какие-то меры по розыску Дика, и я надеялся, что Кулаков подскажет мне верный ход.

— Ты чего такой? — спросил Кулаков. — Головка, что ли, после праздника болит?

— Да ну тебя с твоей головкой! Дик пропал.

— Как пропал?

— Очень просто. Из клуба вчера выхожу, а его нет. Туда-сюда — никаких концов. Думал, загулял, прибежит к ночи. Фигушки. Куда подевался — ума не приложу.

— Да и нечего прикладывать. К какой-нибудь крале в сопки подался, ну и что? Денька два-три побегает, а там заявится, вот увидишь.

— Хорошо, если к крале. А если нет? Вдруг увели? На него многие зарятся, даже деньги мне предлагали, продай, говорят. Может, нашелся какой ловкач, обратал?

— Вряд ли. Щенка украсть еще можно, а взрослую собаку как? Приманить разве. Так Дик не пойдет на приманку.

— Не пойдет, — согласился я.

— Тогда и говорить нечего, жди. Он у тебя по первому разу в такие дела встревает, а по первому разу всегда сладко.

Разговор с Кулаковым меня успокоил, однако прошел один срок, за ним другой, а о Дике не было ни слуху ни духу. В конце недели и Кулаков признал, что дело нечисто, и обещал спрашивать насчет Дика у каюров. Я со своей стороны спрашивал о нём у всех встречных и поперечных, но все только разводили руками — не знаем, не видели. Оставалось одно — искать. Но где? На острове было достаточно всяких поселков, и в каждом были свои упряжки, да не одна, а штук по пять, а то и больше, смотря какой поселок. Попробуй-ка, обойди все. Тут и зимы не хватит.

Но могло быть и хуже. Дика могли переправить на другой остров, на тот же Парамушир. Хорошо, если в Северо-Курильске осядет, а если увезут куда подальше? Тогда и днем с огнем не сыщешь. Но искать всё равно надо было, и я искал, обходя один за другим пока что ближние, прибрежные поселки. И всё пока было впустую, а там начался март, и всякие поиски пришлось вообще отложить.

Март на Северных Курилах — это страх и ужас. Дует и в другое время, но так, как в марте, не дует никогда. Двадцать—двадцать пять дней пурга — это для марта норма. Конечно, в один день пуржит сильнее, в другой — слабее, но всё равно пуржит. А в пургу из дома лучше не высовываться, можешь и не вернуться. Бывали случаи, люди замерзали возле самых домов.

Я тяжелее обычного переживал тот март. Если раньше, до Дика, безвылазное мартовское сидение было как бы привычным, то теперь оно стало пуще всякого плена. Слишком рез-

ким был переход от живого общения пусть даже с собакой к полному одиночеству. Не очень-то легко сидеть, никуда не выходя, по три-четыре дня. Да к тому же в темном доме, поскольку окна заносило так, словно их забивали фанерой. На улице день, а ты сидишь, как в пещере. Свечка или аккумуляторная лампочка — вот и вся радость. Электричество давали только с шести вечера и до одиннадцати. Веселенькая жизнь! А на улице — сплошные содом и гоморра. Ложишься спать — пурга, встаешь — то же самое, с той лишь разницей, какая пурга. Дует с Охотского — в доме промерзень, ветер ледяной, топи не топи — всё выдувает. Повернуло с океанской стороны, с востока, — тоже не сахар, снег с дождем. Глядишь, а уже полило с потолка, и надо подставлять ведра. Были, конечно, и затишья, но их хватало только на то, чтобы откопаться, очистить от снега окна и прорыть траншею к сараю, где дрова и уголь. Даже к знакомым сходить не успевали, телефон — вот и всё общение.

В такой жизни мне очень не хватало Дика, и хотя со дня его исчезновения прошло чуть ли не полтора месяца, я не терял надежды напасть на его след. Я и мысли не допускал, что Дик погиб. Не могла просто так погибнуть такая собака. И в сопки уйти не могла. Собаки бегут туда не от хорошей жизни, а Дик ужаловаться на жизнь было грешно. Нет, его украли, в этом я был твердо убежден. Вот только кто и как?

Глава седьмая

Но всё тайное рано или поздно становится явным. В это верят далеко не все, а между тем это объективный закон жизни. Случайностей в ней нет, всё закономерно, но пути от тайного к явному чаще всего настолько сложны и запутаны, что мы не видим их внутренней логики, и когда тайное вдруг происходит, все относят это едва ли не к чуду.

Я нашел Дика. Случайно или нет — судите сами.

Начнем с того, что мне понадобились новые брюки Конечно, по курильскому климату, когда летом всё время дождь, а зимой постоянно пурга, предпочтительнее ходить в спецодежде, но всё же надобность в обновлениях время от времени возникала — не станешь же год за годом ходить в одних и тех же брюках и рубахе. К тому же праздники, именины и дни рождения отмечают везде, а на торжество не явишься в брюках из «чертовой кожи». Но как быть, если в нашем магазинчике отродясь не продавали приличных брюк? Ясно всякому — шей на заказ. Именно это я и вознамерился сделать, а потом, купив отрез габардина, отправился в ГАП.

Вообще-то ГАП — это поселок Денисовка, но Денисовкой его никто не называл, ГАП да и только. Кто придумал эту аббревиатуру и что она означала — я так и не узнал, хотя и спрашивал об этом у старожитов. Но даже их память не сохранила ничего такого, что так или иначе относилось бы к истории возникновения столь странного названия. А между тем именно в этом поселке жил классный портной. Он обшивал всех, и к нему-то я и наладился.

Отмахав двенадцать километров, я пришел в ГАП. Мартовские непогоды везде оставили свой след, но в ГАПе, где, дай бог, насчитывалось десяток домов, они похозяйничали с особым размахом, так что в первую минуту я даже не узнал посёлка, настолько он был завален снегом. Тут и там из него торчали лишь печные трубы, и только дом, в котором размещался поссовет, был откопан и имел жилой вид. С дальнего конца к нему впритык стоял небольшой флигель, где и работал в своей крохотной мастерской портной.

От крыльца навстречу мне бросились три собаки, обляяли меня, но, видя, что я не обращаю на них никакого внимания, умолкли и вернулись на свои места. Я же поднялся на крыльцо и, пройдя по узкому коридору, нашел нужную мне дверь.

Я был хорошо знаком с портным, он шил мне и раньше, и у него была даже записана моя мерка, но для верности — а вдруг я поправился или, наоборот, похудел — он снял размеры заново и сказал, что брюки будут готовы через три дня. Меня это устраивало, и я пообещал прийти за ними без опоздания. Мы поговорили о том о сём, и я собрался восвояси. Портной вышел вместе со мной на крыльцо, и тут мы встали покурить.

Погода в тот день стояла на редкость тихая, нет-нет да и проглядывало солнце, и тогда снега вокруг искрились таким блеском, что становилось больно глазам. Мы стояли и не спеша курили. Портной, найдя в моем лице внимательно слушателя, говорил о своих делах и заботах, жаловался, что не может нигде купить приличной саржи на подкладки, а еще хуже обстоят дела с бортовкой и волосом; я для пушей важности кивал головой и поддакивал, как вдруг за углом дома, где помещались всякие хозяйственные постройки, громко загремела цепь и послышалось собачье поскуливание.

Собака на цепи? Такое на острове было не в обычае, собаки здесь разгуливали вольно и привязывались только летом, когда каюры собирали их всех вместе на летних квартирах, где обучался молодняк и заготавливалась рыба на зиму. Тогда, чтобы не было грызни, собак сажали на цепь; сейчас же такая мера могла быть вызвана лишь исключительными обстоятельствами.

Все это я отметил про себя машинально, еще не подозревая ни о чём. Лишь поинтересовался у портного, кому это и за-чем понадобилось держать собаку на цепи.

— Да кому, Ваське Голохвастову, нашему бульдозеристу. Еще в феврале привел откуда-то собаку и держит. Каждый день лается с ней, — ответил портной, не замечая невольного каламбура. — Не признает его собака-то. Уж он и так к ней, и эдак, а она ни в какую.

Бог ты мой, подумал я, неужели?!

Озадачив портного, я кубарем скатился с крыльца и побежал к сараям. Завернул за угол и чуть не закричал от радости: возле конуры, отощавший, неухоженный, стоял Дик. Должно быть, он узнал мой голос и, натянув цепь в струнку, рвался из ошейника.

Портной ничего не понимал, однако спустился с крыльца и подошел ко мне.

— Дик, Дикуша! — позвал я.

Поняв, что не обознался, Дик так рванул цепь, что конура струнулась с места, и Дик поволок ее за собой, как салазки.

Я подбежал к нему, и он с радостным завыванием прыгнул мне на грудь и принялся лизать мое лицо, по-прежнему подывая от переполнивших его чувств.

— Никак твоя? — спросил портной, наконец-то разобравшись, в чём дело.

— Моя — ответил я и попросил: — Слушай Иван, а ты не можешь позвать этого самого Ваську?

— А чего ж не могу — могу.

— Будь другом.

Разумеется, я и сам мог отстегнуть Дика, но мне хотелось, чтобы это сделал вор. А потом я скажу ему пару ласковых.

Портной ушел и минут через пять вернулся с Васькой. Увидев его, я распалился еще больше: оказалось, что я его знаю. Мы не раз встречались с ним — и в столовой в Козыревском, и на почте, и на пирсе, где он, как и я, частенько обменивал у рыбаков махорку на рыбу, крабов и кальмаров. Правда, мы не знали друг друга по имени, но бульдозерист неоднократно видел меня с Диком и знал, что собака моя, и всё же не постеснялся украсть.

— Привет! — сказал Васька, явно смущенный встречей. Чего другого, а такого поворота он никак не ожидал и теперь хотел прикрыть свою растерянность наглостью. Ох как мне хотелось врезать ему в рожу!

— Отвязывай собаку! — велел я, не отвечая на приветствие.

Бульдозерист как-то странно усмехнулся, но с места не двинулся.

— Тебе что, уши заложило?

— Сказал тоже — отвязывай! Да он не подпускает к себе, как я его отвязу?

— Как привязал, так и отвязывай!

— Ну да! Что я, чокнутый? Мы его втроем еле-еле посадили.

Я понял, что мой замысел не удался: Ваську уже ни за что не заставишь подойти к Дикю.

— А ты не только вор, а еще и трус!

Какое из этих слов больше оскорбило Ваську, не знаю, но он, раздув ноздри, сказал с угрозой:

— Ты не очень-то здесь расходишь!

— А то что?

— А ничего. Забирай собаку и вали.

— Ах ты... — сказал я, шагнув к Ваське, но между нами втиснулся портной.

— Ну ладно, ладно... Чего как петухи?

Портной был человеком в годах, воевал, и мне было неловко оттолкнуть его или сказать, чтоб не мешал; я остыл и, потеряв к Ваське всякий интерес, подошел к Дикю и стал расстегивать ошейник. И тут подумал, что интересно бы узнать, как бульдозеристу удалось захватить Дика.

— Слушай, — сказал я — ты бы хоть рассказал, как повернул дело. — Васька был, видно, человек отходчивый, к тому же хотел оправдаться, потому что обвинение в воровстве — это, я вам скажу, дело серьезное.

— Пойдем, — поманил он меня, направляясь к одному из сараев. Несколько недоумевая, я последовал за ним. Что еще за секреты? А Васька, открыв сарай, вошел внутрь.

— Шагай сюда! — позвал он оттуда.

Нагнувшись, я протиснулся в узенькую дверь и увидел лежащую на сене собаку, под боком у которой копошились голые и серые, как мыши, щенята. Увидев чужого, собака зарычала, но Васька успокоил ее.

— Видал? Позавчера принесла. А папаня-то знаешь кто?

Можно было и не спрашивать, и так всё было ясно. Да и по срокам всё сходилось — Дик пропал в конце февраля, а теперь конец апреля. Как раз два месяца, собаки дольше и не носят.

Я присел на корточки и стал разглядывать щенят, а Васька тем временем рассказывал, на какую приманку попался Дик. Оказывается, в тот вечер, двадцать третьего февраля, Васька с двумя дружками возвращался из нашего поселка к себе. С ними была Дамка, и когда они проходили мимо клуба, откуда ни возьмись выскочил Дик. И естественно — к Дамке. Васька узнал Дика и попробовал отогнать его, боясь,

что тот увяжется за ними, но Дик не обращал внимания на крики и замахиивания. Да и Дамка не имела ничего против заигрываний. Словом, пока суд да дело, собаки повязались, и вот тут-то у Васьки и мелькнула грешная мысль увести Дика. Быстренько накинули ему на шею ремень, а другим, чтобы не кусался, перетянули пасть. Так и довели до ГАПа.

— На что ж надеялись? — спросил я. — Знали же, что буду искать.

— Искать! Искать-то можно, а вот найдешь ли?

— Нашел, как видишь.

— Повезло, вот и нашел. А только не воровал я его. Сам не знаю, как всё получилось. Черт под руку толкнул. За такую собаку я бы и тыщи не пожалел.

Не знаю, хотел ли подольститься ко мне Васька или говорил правду, но его последние слова смягчили меня. Кто его знает, может, и впрямь лукавый попутал. Может, и не хотел человек, да всё, как назло, сошлось. А собак, видать, понастоящему любит — Дамка-то вон какая гладкая. Да и Дика при себе держал, а ведь мог и продать. Слава богу, что не продал, хоть тут поступил по совести.

Глава восьмая

Итак, мы снова были вместе. И оба словно бы наверстывая упущенное, старались как можно меньше разлучаться, находя в совместном общении всё больше и больше радостей и удовольствий. Каждый день приносил какие-нибудь новые открытия, приоткрывал завесу над тайной отношений между мной и Диком. Эта тайна существовала всегда, но раньше я не очень-то пытался проникнуть в нее, убежденный, что проникать-то особенно и не во что. Верно: собаки очень понятливы и при настойчивой дрессировке способны научиться многому, и всё это давным-давно научно обосновано. Умелое применение теории условных рефлексов, метод кнута и пряника — вот с помощью чего достигаются те результаты, которыми нас удивляют собаки. И не только они. Есть же поговорка: «Зайца били — он научился спички чиркать». Так и собаки — создавай нужные условия, поощряй и наказывай, и они будут делать всё, что захочешь.

Но жизнь бок о бок с Диком показала, что всё не так-то просто, как думается, что мы в своей людской самонадеянности живем, как в шорах, не замечая многого, так и прущего в глаза. И тут мне хочется поговорить о том, что давно наболело и к чему всем нам самое время подойти с новыми мерками.

А дело в том, что мы очень плохо знаем животных. Можно сказать, совсем не знаем. «Братья меньшие» — называем мы их и можем снисходительно погладить по голове. А можем и ударить. И нас не мучает при этом совесть — братья-то братья, но ведь меньшие, глупые, куда им до нас!

А им совсем не нужна наша снисходительность. И тем более — наша жестокость. Им нужно равноправие. И понимание, которое, как нам кажется, у нас есть и которое, как выясняется, есть лишь наша собственная выдумка, одно стремление выдать желаемое за действительное.

У меня несколько лет живет кошка. Обыкновенная беспородная кошка. Я ее пою, кормлю и совершенно искренне думаю, что ей от меня ничего больше и не надо. А кошка-то, оказывается, тоже живет не хлебом единым. Каждый день она подходит ко мне и начинает «говорить». И по-другому это не назовешь. Обращаясь ко мне, кошка не мяукает, нет — она издает странные отрывистые звуки, словно бы пытается сказать мне о чем-то по слогам, и при этом так смотрит в глаза, что я начинаю чувствовать себя полным дурачком. Я не понимаю ее, не знаю ни одного ее «слова» — я, человек разумный. А она-то меня понимает! Понимает не только отдельные слова, но и целые фразы.

Или другой пример. У одного моего знакомого был ирландский сеттер, который каждый день исполнял роль... домашнего врача. Ну, скажут некоторые, автор договорился! А между тем автор чист, как на духу. Мой знакомый, о котором идет речь, — ветеран войны, и его по сей день мучают боли в раненой ноге. Куда только ни обращались, чем только ни лечили ногу — не помогало. Единственное, что облегчало боли, — теплые ванны, И вот раз, когда этот человек сидел и держал ногу в тазу, подошел сеттер. Подождал, посмотрел, потом стал обнюхивать ногу, а затем — лизать. Но совсем не в том месте, где болело, а выше. И что же вы думаете? Боль стала проходить и скоро совсем утихла! С того дня сеттер, едва заслышав плеск наливаемой в таз воды, вставал со своего места и принимался за «процедуру».

Ладно кошки и собаки — а если змеи?! Я знаю другого человека, который своими глазами видел, как четырехлетняя девочка каждый день безбоязненно играла по соседству со змеей. И не с какой-нибудь, а с гюрзой! И та не только не трогала девочку, но и не уползала, не пыталась скрыться, хотя любое постороннее присутствие змей раздражает и пугает.

А мы думаем, что они глупые. Нет, это мы слишком самоуверенны. И потому так ослабла в нас связь с природой, с животным миром. Когда-то она была прочнее. Киплинг не

сам придумал знаменитую фразу: «Мы одной крови — ты и я», — она есть в древнеиндийских ведах. В те же времена было сказано и другое: «Как умирает человек, так умирают и животные. Единый дух у всех...»

Да, единый дух у всех. Сейчас я нисколько не сомневаюсь в этом, а тогда, тридцать лет назад, только-только подходил к пониманию поведения животных, их умственных способностей и эмоциональных пределов. И тут меня многому научил Дик. Он поражал своей понятливостью, своей способностью угадывать мои желания и вместе со мной переживать мои настроения. Именно тогда я и оценил всю мудрость Кулакова, ни разу не поднявшего руки ни на одну собаку, а действующего лишь вразумлением. Он понимал и чувствовал собак, как чувствует музыкальный настройщик особенности каждого инструмента. Для него таким инструментом была упряжка, а струнами в ней были собаки, и Кулаков знал, какую струну и когда надо тронуть, чтобы чуть-чуть наметившееся расстройство не испортило всего звучания.

— А ты сегодня опять сачковал, — говорил он, бывало, тому или иному псу. Говорил спокойно, без всякой угрозы в голосе, но с укоризной, и эта его интонация мгновенно улавливалась провинившимся. Он начинал ерзать, глядеть в сторону и вообще готов был провалиться сквозь землю. — Чего ерзаешь-то? — усмехался Кулаков. — Работать надо, а не на чужом горбу ездить!

И самое удивительное, что остальные собаки, только что лежавшие спокойно, начинали вдруг коситься на того, кому читалась нотация. Они словно бы понимали, что он в чем-то обманул их и его надо наказать. И взгляды собак становились всё пристальнее, все недовольнее, а виновник всеобщего внимания уже не просто ерзал, но поджимал хвост, и в глазах у него появлялся испуг.

Но Кулаков никогда не доводил дело до критической точки.

— Учти, — говорил он мне, — нельзя ничем выделять ни одну собаку — ни хорошим, ни плохим. Будешь всё время ругать какую — рано или поздно ее загрызут. Заведешь любимчика — тоже разделаются.

Мне эти советы вряд ли могли пригодиться, я не собирался записываться в каюры, но правило Кулакова разговаривать с собаками стало и моим правилом. Нравилось оно и Дику, тем более что никаких нотаций ему читать не приходилось. Просто между нами велся обычный разговор, какой ведется между хорошими знакомыми. Правда, в нашем случае один из собеседников был только рассказчик, а другой — только слушатель, но зато какой! Дик был весь внимание,

ловил каждое мое слово, и всякая перемена интонации тотчас находила отражение у него в глазах — он понимал всё. И одними голыми рефлексами не объяснишь эту собачью способность слушать и сопереживать, для этого нужно кое-что поважнее рефлексов. Тут больше всего подходит слово «одухотворенность», то есть такое жизненное состояние, которым природа наделила существа мыслящие. И не ошибаемся ли мы, полагая, что способность мыслить — лишь наша исключительная привилегия? Ведь логические цепочки умеют выстраивать и животные, причем такие цепочки, какие, «не подумав», не выстроишь. К сожалению, наша оценка таких действий ни в коем случае не может считаться абсолютно правильной — в подавляющем большинстве она есть результат опыта, когда разными хитроумными способами животных как бы подводят к тому, чего от них желают добиться. В естественной же среде животное, не понукаемое никем, а сообразующееся лишь с реальной обстановкой, способно выполнять задачи, которые экспериментаторам и не снились. Но это происходит вне нашего поля зрения, мы никогда не узнаем, что и как там было на самом деле, и это отсутствие полной информации искажает действительную картину и приучает нас мыслить консервативно. И вот, столкнувшись с каким-либо удивительным фактом в поведении животных, мы уже кричим: «Этого не может быть!» Но, как говорил один мудрец, наш разум в конце концов осознает, что есть бесконечное число вещей, превышающих его понимание...

...Наступившим летом мы с Диком много ходили. И по делам, и просто так, ради прогулки. За время своей жизни на острове я облазил его вдоль и поперек и теперь водил Дика повсюду, вспоминая заодно разные случаи, связанные с тем или иным местом. Во время этих походов у нас и появилась новая забава, которую я назвал «игрой в прятки». Дело в том, что черепаший темп наших передвижений никак не устраивал Дика. Пока я одолевал какой-нибудь подъем, он успевал несколько раз подняться и снова спуститься ко мне, всем видом показывая, что так медленно ходить нельзя. Вдобавок вокруг было много всяких соблазнов — как не разрыть мышиную нору или не погнаться за выпорхнувшей из травы птицей, так что нередко Дик далеко отставал или, наоборот, далеко обгонял меня, но рано или поздно прибегал, когда ему начинало казаться, что я потерялся.

Именно в такой момент, когда Дика не было рядом, я и решил однажды спрятаться от него. Сделав, как заяц, скидку, то есть отпрыгнув от тропинки подальше, чтобы запутать след, я добежал до зарослей кедрача и спрятался там, погля-

дывая, однако, на дорогу. Минут через пять на ней показался Дик, мчавшийся что есть духу. Я ожидал, что в пылу бега он не заметит моей хитрости и пробежит мимо, но не тут-то было. Он действительно чуть не проскочил, но тут же закрутился на месте, а затем кинулся в мою сторону. И хотя я сидел не двигаясь, Дик уверенно продирался сквозь кедрач и через минуту, довольный и радостный, уже лизал мне лицо.

Кому эта игра приносила больше удовольствия, мне или Дик, сказать трудно. Да и не в этом дело. Главное, что мы оба радовались, а когда мне приходилось срочно куда-нибудь идти, такие развлечения скрашивали утомительную и длинную дорогу, поскольку иной раз предстояло отмерить и сорок, и пятьдесят километров, и я в эти дни выдыхался, как марафонец, чего нельзя было сказать про Дика. В свои полтора года он был необычайно вынослив и силен, заметно опережая по физическому развитию своих ровесников, работающих в упряжке. Я в те годы тоже не числился в слабеньких, весил восемьдесят с лишним килограммов, но Дик спокойно выдерживал меня, когда я, испытывая его силу, садился на него верхом. Только выгнет спину и весь напряжется. А уж пытаться отнять у него какую-нибудь тряпку было делом совершенно безнадежным. Он вцеплялся в нее и вырывал из рук так, что сбивал меня с позиции, как бы я ни упирался. Один раз я для интереса взвесил Дика и присвистнул: почти пятьдесят килограммов! Вес для собаки, что и говорить, немалый, но Дик отнюдь не выглядел раскормленным. Нет, он оставался сухим и мускулистым. И был, повторяю, необычайно силен. Эта его сила и спасла меня тем летом.

Мы возвращались тогда с мыса Почтарева. Считалось, что от него до нашего поселка сорок километров, хотя вряд ли кто измерял этот путь. Я неоднократно ходил на мыс — летом, как правило, пешком, потому что машин у нас было раз два и обчелся, зимой — на лыжах или на собаках. Они пробегали эти сорок километров за два-три часа, в зависимости от того, сколько груза везли; на лыжах приходилось идти часа четыре, ну а пешком и того больше.

Мы вышли с утра. Дорога вилась вдоль берега, и неумолчный, глухой шум прибоя заглушал все остальные звуки. На отлив, среди камней, лежал ржавый корпус самоходной баржи, оставшейся здесь со времен войны, — ведь именно здесь, на трехкилометровом отрезке берега между мысами Кокутан и Котомари, а ныне Курбатова и Почтарева, высаживался в августе сорок пятого года наш десант. Живя на острове четвертый год, я не мог не знать истории этого десанта, был даже знаком с его участником, — отставным мичманом, и, слу-

шая его рассказы о тех событиях, всегда поражался тому невозможному, что сделала всего-то тысяча людей за полдня 18 августа. Да, тысяча, потому что именно столько насчитывал первый бросок десанта, которым командовали майоры Шутов и Почтарев и который решил, по сути, дело. Японские войска на острове превосходили десант по крайней мере раз в пятнадцать, имели шестьдесят танков и мощную оборону, и тем не менее к четырем часам дня выкинули белый флаг. Натиск десантников был неудержим. И никакими мерками не измеришь их самоотверженность — пятеро десантников, сдерживая прорыв танков, бросились под них с гранатами, двое закрыли собой амбразуры.

За двенадцать лет, что прошли с войны, осели в землю доты и блиндажи на берегу, обрушились и заросли кустами и травой окопы и капониры, и только пробитая снарядами старая баржа напоминала о ярости кипевшей здесь когда-то схватки. Казалось, стоит остановиться, и прошлое оживет, и станут слышны дыхание и пульсация того последнего боя...

Попрямой до поселка оставалось километров пять, он уже виднелся вдаль, в глубоком распадке между сопками, когда я решил словчить. А что делать, когда дорога, обходя болотистые непропуски, виляла в глубь острова и делала порядочный крюк? Его-то я и захотел «спрямить», представив себе дело простым образом: спущусь с обрыва к урезу воды и пройду по отливу не больше трех километров, вместо того чтобы делать все шесть. Выигрыш здесь был явным, но имелось одно обстоятельство, не рассчитав которого я мог оказаться в ловушке, — уже начался прилив, и мне требовалось проскочить затопляемый участок как можно быстрее, иначе вода могла догнать меня. А на берег тогда уже не выскочишь — десятиметровая стена, не берег.

Я постоял, соображая. Расклад вроде бы получался в мою пользу: спущусь вниз, а там скорехонько по песочку. Правда, примерно на полпути этот самый песочек кончался, и начиналась полуторакилометровая каменная осыпь, сплошное нагромождение гранитных глыб и гольшей, но это меня не смутило. Успею, пробегу, подумал я, глядя на прибывающую воду и соизмеряя ее и мои возможности. Если и догонит, то в самом конце, не страшно.

Дик, как всегда, что-то вынюхивал в стороне, я окликнул его, и мы спустились на отлив. Узкая полоска песка, набухая водой, темнела, волны, набегая, начисто слизывали наши следы. Дик с удовольствием шлепал по воде, да и я не боялся промокнуть — на ногах были резиновые сапоги с высокими отворотами. Поднимись вода даже до колен, ноги остались бы сухими.

Не суетясь, но поспешая, мы уверенно продвигались вперед и наконец уперлись в осыпь. И только тут мне стало ясно, что ее одним махом не одолеешь — сплошной каменный хаос, покрытый водорослями и тиной и скользкий, как лед. Приходилось всё время балансировать и выбирать место, куда бы поставить ногу. Еще не поздно было повернуть на старую дорогу, но это отступление казалось мне постыдным, и я прямо шел дальше.

А вода тем временем всё прибывала. Сначала ее было по щиколотку, потом она достигла колен, бурля и завихряясь в воронки. Пришлось поднять отвороты сапог, что сразу затруднило ходьбу — ноги в коленях сделались как деревянные.

До конца осыпи, до того места, где можно было снова подняться на берег, оставалось метров триста, когда я понял, что влип. И влип крепко. Вода лилась в сапоги, дошла уже до пояса. А Северные Курилы — это не Южный берег Крыма. Даже в июле температура воды там не превышает десяти-двенадцати градусов. В такой водичке долго не побарахтаешься, минут пятнадцать-двадцать, а там и дух зайдет. Но как одолеть эти проклятые триста метров?! Сапоги, как гири, скинуть бы их, но тогда и вовсе не дойдешь — камни, как ножи, голой ногой не наступишь. То ли от холода, то ли от страха, а наверное, от того и от другого меня начал бить колотун. Надо было что-то делать, делать решительно и быстро — с минуты на минуту вода могла оторвать меня от дна и закрутить в своих водоворотах. И тогда — крышка.

Я бросил отчаянный взгляд на Дика. Он уже давно плыл, подняв над водой голову с крепко прижатыми ушами.

— Ко мне, Дик!

Он повернул на зов и принялся плавать вокруг меня, и по его тревожным глазам я понял: он догадывается, что мне нужна помощь. А я уже изнемогал. Холод все сильнее сковывал меня и усиливал страх, но я приказал себе не паниковать. Встав поустойчивее, я снял с брюк ремень и поймал Дика за шиворот. Опоясал ему грудь ремнем, пропустив его наподобие алыка промеж передних лап собаки. Петля получилась надежной, и я, ухватившись за конец ремня, скомандовал:

— Вперед, Дик! Вперед!

Дик никогда не ходил в упряжке, но в нём текла кровь ездовых собак, и он, почувствовав на себе лямку, бешено замолотил лапами по воде и потащил, потащил меня за собой. Теперь главным для меня было не споткнуться, не упасть...

Наверху, повалившись на спину и задрав ноги, я вылил воду из сапог. Хотел разуться и выжать портянки, но они, сбившись в подьеме, заклинили сапоги, и я никак не мог

стянуть их. Этому мешал и все усиливающийся колотун. Я слишком долго бултыхался в воде и отдал столько тепла, что теперь, на ветерке, у меня зуб не попадал на зуб. Да что говорить про зубы, когда тряслось всё тело. Я был как эпилептик, и чем дольше сидел, тем сильнее меня скручивало. Надо было двигаться, идти, бежать — только таким путем я мог согреться. Собрав все силы, я поднялся. Дик был рядом, я взялся за ремень, и мы побежали. Раза два или три я падал и лежал, как выброшенная на песок рыба, и тогда Дик лизал мне лицо горячим шершавым языком.

Хорошо, что в поселке нам никто не попался навстречу, наверняка бы подумали, что я рехнулся: бежит, как пьяный, не разбирая дороги, мокрый и расхристанный. Ну а те, что видели нас в окна, видимо, решили, что я отрабатываю с Диком какой-то новый трюк.

Дома я наконец-то снял сапоги, разрезав их. Потом разделся догола и достал фляжку со спиртом. Пока я бежал, колотун прошел, но теперь я чувствовал страшную, смертельную усталость. Было такое ощущение, что меня долго и жестоко били палками. Болело все — руки, ноги, плечи, спина. Хотелось только одного — лечь и закрыть глаза. Всё же я с горем пополам растер себя спиртом, глотнул несколько раз прямо из горлышка, а потом, достав меховое одеяло, завернулся в него и рухнул на койку. И сразу же уснул.

Как потом оказалось, я проспал больше суток, а когда очнулся, увидел лежащего рядом с кроватью Дика. Он смотрел на меня с явным недоумением, словно хотел сказать: ты что, парень, умер, что ли? Жду, жду, а ты...

— Дик! Собака ты моя, собака!..

Услышав мой голос, Дик встал и подошел к кровати. Положил голову на одеяло.

— Иди сюда! — сказал я.

Он не поверил моим словам. Как же так, говорил его взгляд, на кровать?!

И только когда я позвал его во второй раз, он решился вспрыгнуть ко мне. Я обнял его за шею, испытывая к нему величайшую нежность. Если бы не он, мне не удалось бы выбраться из той западни, в которую я угодил по своей же дурости, и я гладил Дика и целовал, пока не спохватился, что он не ел уже больше суток. Да и сам я после своего полусна-полуобморока чувствовал такой голод, что готов был съесть быка. Но быка в наших запасах не было, а была только тушенка, и мы отправились на кухню и воздали должное этому незаменимому блюду, которое не единожды выручало нас в нашей сирой холостяцкой жизни.

С наступлением лета жизнь в поселке стала тише и спокойнее. Раньше в нём постоянно слышался собачий лай и происходили драки между собаками, но уже целый месяц ничего не было — в конце мая каюры увели свои упряжки на летние квартиры.

Кто и когда ввел в местный обиход этот военный термин, я не знаю, но никому из островитян не нужно было объяснять, что это такое, все так и говорили — летние квартиры. А располагались они за восемь километров от поселка, на озере. Точнее, там было целых три озера, соединяющихся между собой протоками, но назывались они по главному — Беттобу. В войну на нем базировались японские гидросамолеты, а позднее каюры облюбовали его для своих нужд. Там они жили вместе с собаками до осени, обучали молодняк и заготавливали на зиму рыбу — солили, вялили и сушили для себя. Соленая шла на корм собакам.

Места для каждой упряжки на озере были застолблены раз и навсегда, а потому никаких споров при размещении не велось, всякий каюр устраивался там, где квартировал и в прошлое лето, и в позапрошлом.

Трудно сказать, сколько собак собиралось на озере, но я думаю не меньше двух сотен. Драки тут были бы неизбежны, и, чтобы пресечь такую возможность, каюры привязывали собак. Даже годовых сажали на цепь, отвязывая лишь на время обучения. Учили молодых по-разному, главным здесь было, чтобы собака привыкла к алыку, то есть к лямке, и каждый каюр ради этого изошрялся по-своему — кто впрягал новичков в легкие санки, кто, беря собаку на поводок, бегал с ней самые настоящие кроссы, а кто не делал ни того, ни другого, полагая, что обучение — пустая трата времени. Сидит себе собака на цепи и пусть сидит, потому как ошейник с цепью — это почти что алык. Привыкнет к цепи — зимой привыкнет и к алыку.

Не берусь судить, какой из способов был самым действенным, все собаки рано или поздно научались тому, что от них требовалось. Хочу сказать лишь о методе Кулакова, который и тут был оригинален. Он привязывал к лямке увесистую чурку, набрасывал лямку на собаку, и та месяц-другой бежала с этим грузом. Как сказал мне Кулаков, такой способ обучения распространен на Чукотке, и он лишь позаимствовал его, убедившись на опыте, что вариант с чуркой — не худший. Привыкнув к чурке, собака, когда приходило время, легко привыкала и к постромкам.

Я любил бывать на озере, знал всех каюров, но, конечно, отдавал предпочтение Кулакову. Мы вместе ловили рыбу, разделяли и обрабатывали ее, вместе занимались с собаками. Их у Куликова было два десятка, и дел хватало. Бывало, во-зисься целый день, а работе и конца не видно. И это постоянное пребывание среди собак научило меня понимать многие тонкости их поведения, их нравы и склонности. Я и раньше не думал, что все собаки одинаковы, а теперь просто поражаюсь многообразию их характеров и натур. Кого только среди собак не было! Так, коренник Бурун, обычно покладистый, в ляжке зверел и без разбора бросался на встречных и поперечных; Варнак мог нашкодить не хуже самой заурядной кошки, а второй коренник, Кучум, несмотря на свою поистине медвежью силу, отличался невиданным среди собак миролюбием. Были собаки-угрюмы вроде бородатого Чука, который всё время о чем-то думал и оживлялся только при виде колоды с кашей. Был, наконец, Маленький — странная, изворотливая и коварная собака, доставлявшая всем немало хлопот. Угольно-черный, с вечно красноватыми, словно от недосыпа, глазами, умный и злой, как сатана, Маленький являлся непременным участником всех собачьих интриг, организатором и вдохновителем всех смут, заговоров и путчей. Он всегда что-то высматривал. Его озабоченную морду можно было увидеть за любым углом, из-за которого он выглядывал, как заправский филёр, а от его навязчивого, пристального взгляда становилось не по себе. Я бы не удивился, обнаружив у Маленького рога — очень уж он смахивал на князя тьмы в одном из своих обличий, коим, как известно, несть числа, или, на худой конец, на одного из тех, кто знается с ним. В Средние века такую собаку наверняка сожгли бы на костре.

Но в природе всё уравновешено, и антиподы существуют в ней на каждом шагу. Был антипод Маленькому и в упряжке — пёс по кличке Веселый. Кто назвал его так — об этом не знал даже Кулаков, но назвал не зря, ибо Веселый обладал редкой для собак особенностью «улыбаться». Всякий раз, когда проносили его имя, он не вилял хвостом и не лебезил, а приподнимал и смешно растягивал верхнюю губу, будто и в самом деле улыбался — открыто и добро, как могут улыбаться только открытые и добрые натуры. Сравнивая собак, я неоднократно пытался представить себе «улыбающегося» Маленького, но как ни старался, на его морде всё равно проглядывала мефистофельская сущность — интриган и адепт зла.

Продолжая разговор о Веселом, я должен сказать, что невольно сыграл в его судьбе роковую роль. Дело в том, что из собак упряжки Веселый первым признал меня, и я полюбил

отзывчивого и прямодушного пса, отличал его и подсовывал ему лучшие куски. Кулаков, заметив это, предупредил:

— Ты эти штучки брось. Хочешь, чтоб его загрызли?

— За что? — удивился я.

— А это ты вон у них спроси, — кивнул Кулаков на собак.

Я внял предупреждению, но, как выяснилось, было уже поздно. Собаки успели причислить Веселого к любимчикам и затаили месть. И во время одной из кормежек была разыграна поистине иезуитская сцена. Ее «постановщик», Маленький, сделал вид, что не поделил кусок с Куцым, и собаки, рыча, схватились. В одну секунду Маленький был повержен. Вскочив, он очертя голову бросился прямо под ноги Веселому, который ел по другую сторону колоды. Маленький явно искал защиты, и именно так его понял Веселый. Он оторвался от каши и показал Куцему клыки. Это было равносильно тому, как если бы разозленному человеку подставили под нос кукиш. Куцый буквально захлебнулся от ярости и набросился на Веселого. Но тот при всем своем добром нраве был неплохим бойцом и встретил противника как надо. И в этот момент в спину Веселому впился, как клещ, Маленький. Другие собаки, будто ждавшие сигнала, побросали еду и вмешались в схватку. Веселый был сбит с ног, и только грозный окрик Кулакова остановил расправу.

Я был ошеломлен внезапностью и вероломством нападения и даже не успел стронуться с места, чтобы помочь Веселому, а когда опомнился, драки как не бывало. Собаки вновь уткнулись в колоду, исподтишка поглядывая на Веселого, который в стороне зализывал прокушенную лапу.

— Пропал пес, — хмуро сказал Кулаков. — Придется запродавать, тут ему всё равно жизни не будет.

— А может, обойдется? — сказал я.

— Ну да, обойдется! Рано или поздно ему устроят «темную». Здесь есть такие спецы по этому делу — закачаешься. Всё так обставят, что и концов не найдешь.

Так Кулаков лишился Веселого, которого через несколько дней обменял на другую собаку.

Колоритными фигурами в упряжке были и два ее жоака — Пират и Боксик. Первый полностью оправдывал свою кличку: мощный, отличавшийся абсолютным бесстрашием, он был для всех собак, как говорится, и царь, и бог, и воинский начальник. Правда, Пират чуть-чуть прихрамывал, но это не мешало ему наводить в упряжке порядок и дисциплину. Ретивых, которые пытались держаться независимо, он трепал с такой беспощадностью, что их приходилось у него отнимать.

Боксик, несмотря на свое уменьшительно-ласкательное имя, тоже был хорош. Про таких говорят: палец в рот не клади. Собаки его, как и Пирата, боялись, но для Боксика этого было мало. Его ущемляла главенствующая роль Пирата: он чувствовал, что Кулаков, хотя и относится ровно к ним обоим, в душе благоволит Пирату, и это не давало Боксику покоя. Он давно бы схватился с Пиратом, если бы не Кулаков, зорко следивший за жожаками и в корне пресекавший все их попытки выяснить отношения. Однако даже он не мог сгладить вражду между ними, и рано или поздно она могла вылиться в открытое столкновение.

Но и при такой пестроте личных свойств и качеств собаки ухитрялись уживаться и не доводить дело до крайностей. Инциденты, конечно, случались: например расправы с неугодными, но всякая такая расправа была действием коллективным, а не произволом одиночек (поддержание порядка жожаком в счет не шло, это было его исключительное право, и собаки признавали его). А жертвами коллективных расправ были обычно те, кто так или иначе нарушил неписанные правила стаи, кто желал хитростью или прямым обманом извлечь выгоду из общего равноправия. Против таких «голосовали» все, и в особо тяжелых случаях виновному выносили смертный приговор. Никакому обжалованию он не подлежал, и несчастного могло спасти лишь бегство из родных мест, потому что даже людское заступничество не помогало — как бы ни охраняли приговоренного, собаки всегда находили возможность расправиться с ним. Тут вступала в действие круговая порука, когда никто не подавал и виду, но все жили только одним — непреходящим желанием подкараулить, выследить неугодного и свести с ним счеты.

Не меньше, чем законы упряжки, занимало меня и другое — загадка собачьего воя. Я слышал его сотни раз, но так и не мог понять его причины. Правда, однажды вычитал, что собаки воют, дескать, от холода, и ничего загадочного в их вое нет. Никогда не соглашусь с таким заявлением, хотя можно допустить, что иной раз собаки действительно мерзнут, и уж тут хочешь не хочешь, а завоешь. Но это зимой. А летом? Летом-то отчего им выть, от жары, что ли? Нет, здесь всё гораздо сложнее, стоит только понаблюдать. Одна лишь внезапность, с какой собаки начинают свой «концерт», уже ставит в тупик. В самом деле: минуту назад лежали смирно, вроде бы дремали, и вдруг какая-нибудь из них внезапно, без всяких приготовлений, задирает морду и начинает выть. К ней незамедлительно присоединяется другая, третья, и вот уже вся свора воет на разные голоса. Через минуту собачий

хор гремит во всю мощь, слитно и грозно, и только искушенное ухо способно различить в нём басы старых собак, звучные баритоны трехлеток и неокрепшие дисканты одногодков и прочей щенячьей мелюзги. Сравнение с хором, причем с хорошо спевшимся, здесь подходит лучше всего: двадцать собак воют с такой страстью, с таким упоением, с каким исполняет мессу или хорал заслуженная капелла, когда не требуется даже взмаха дирижерской палочки, когда успех целиком и полностью зависит только от одухотворенности исполнителей.

Но больше всего меня удивляла концовка: как бы долго ни выли собаки, они всегда умолкали разом, будто им подавался некий знак. Примеров такой синхронности в природе хоть отбавляй. Одновременно, как по команде, выпрыгивают из воды дельфины; одновременно поворачивает в стремительном полете птичья стая, например скворчиная, несмотря на то, что в ней тысячи птиц, и невозможно представить, чтобы все они знали, когда надо делать поворот. Однако делают. Как? Получают условный сигнал? Но кто его подает? Какая-нибудь одна птица? А если эта птица погибнет в самом начале пути, тогда как? Или вектор направления птицам задает именно стайный полет? Не так ли обстоит дело и у собак? Какая-то одновременная связь между ними существует, но мы ничего не знаем ни о ее природе, ни о механизме действия...

Нынешним летом я собирался навеститься к Кулакову на озеро и всё не мог, но в один из дней всё же наведался. Разумеется, с Диком. Увидев его, собаки пришли в неописуемую ярость. Расшатывая колья, к которым были привязаны, они выдирались из ошейников, и я представлял, какая заварушка началась бы, сорвись собаки. Но ошейники были прочные, а Кулаков быстро навел спокойствие. Конечно, оно было только видимое, собаки глухо ворчали и не спускали с Дика глаз, а он, вздыбив загривок, тоже порыкивал и кругами ходил возле меня. Чтобы не раздражать собак, я увел Дика в сарай, служивший Кулакову коптильней, а сам принялся за дела. В тот день Кулаков чинил упряжь, и мы просидели с ним часа три, тачая алыки и приноравливая их к потягу — длинному тонкому тросу, к которому они прикрепляются. Моя помощь была кстати, и довольный Кулаков одарил меня на прощание румяным рыбьим балыком.

В следующий выходной мы с Диком снова были у Кулакова, и я думал, что всё повторится в точности — мы Кулаковым поработаем, а Дик посидит взаперти, но Кулаков озадачил меня.

— Не надо, — сказал он, когда я хотел увести Дика в сарай. — Пойдем лучше покурим.

Он явно что-то надумал, потому что покурить можно было и здесь. Пожав плечами, я пошел следом за ним. О том, куда он направляется, я скоро догадался — к оврагу на берегу озера, а вот зачем, убей бог, не знал.

Мы спустились в овраг. На дне его протекала речушка, на которой была устроена запруда; вода возле нее была зеркальной, в ней стремительно шныряла серебристая форель, а в кустах по обе стороны речушки на все лады заливались птицы. Около запруды мы и сели, и Кулаков достал папиросы — свой излюбленный «Беломор». Я тоже закурил, делая вид, что ничуть не удивлен непонятным поведением Кулакова. На самом же деле я сгорал от любопытства.

Мы затаились раз и другой, после чего Кулаков спросил: — У тебя договор когда кончается?

— В мае — ответил я, удивившись такому вопросу.

— И куда же пойдешь?

— Сначала в Ленинград, в контору, а потом к матери в Калининскую область. Два года дома не был. За один год возьму компенсацию, а за другой отгуляю. Может, на юг съезжу. А там видно будет.

— А Дик? С собой возьмешь?

Ох и Кулаков, ох и дока! Вон куда удочку закинул! Ему, оказывается, надо знать, куда я дену Дика!

Вопрос этот был решен давно — Дик останется здесь, с собой его не потащишь. Мало ли как распорядится судьба. Меня могут оставить работать в том же Ленинграде, где Дику, привыкшему к воле, жизнь будет не в жизнь. Но сказать Кулакову сию же минуту, что отдаю, мол, Дика тебе, у меня язык не поворачивался. Слишком неожиданно возник разговор. И всё же надо было отвечать, а не прятать, как страус, голову в песок.

— А Дика, дорогой мой Женька, тебе оставлю.

Кулаков шелчком отбросил окурочек.

— А раз оставишь, ко мне с ним больше не ходи. Один — хоть каждый день, а с ним нет. Ты думаешь, чего мы сюда приперлись? Не хочу, чтобы собаки видели Дика с тобой. Нечего им лишний раз на него злиться. Так что или сразу отдавай его, или держи дома. А будешь приводить — собаки его потом ни за что не примут. Понял?

Еще бы не понять. Приводя Дика, занимаясь с ним на виду у собак, я тем самым ставил его как бы в исключительное положение, и это было собакам против шерсти. Они сидят прикованные, а кто-то разгуливает перед самым их носом да

еще и огрызается! Могла повториться история с Веселым, и для пользы дела Дика, конечно, следовало бы оставить у Кулакова сразу, но я при всем желании не мог решиться на это. Свыкнуться с мыслью, что Дика так и так придется отдать, нужно было постепенно, исподволь. Резкая перемена не принесет ничего хорошего ни мне, ни Дику. Особенно ему. Посади его сейчас на цепь — да он тоской изойдет, я его знаю. Он и теперь-то понимает, что говорят о нём, — вон как уши навострил. Нет, сейчас я его не отдам. Доживем до зимы — дело другое. Зимой начнется работа, и Дик будет не так скучать, а пока пусть живет у меня и ни о чем не думает.

Обо всем этом я и сказал Кулакову, и он согласился со мной. Как говорится, мы ударили по рукам, и уж тут чего терзаться? И тем не менее разговор растревожил мне всю душу. До этого разлука с Диком представлялась мне чем-то почти нереальным, во всяком случае такой отдаленной, что даже и не волновала. И вдруг выяснилось, что нам осталось жить вместе всего три месяца. Да какое три, два с половиной — полавгуста, сентябрь и октябрь. Думая об этом, я принимался ругать себя. Для чего, спрашивается, отдавать Дика зимой? Почему не подождать до весны, до мая? Уеду, и пусть делают, что хотят. Но я тут же возражал себе, оправдывал свое решение суровой необходимостью и тем, что за зиму еще сильнее привяжусь к Дику, и тогда расставание будет слишком тяжелым.

В общем я делал вид, что уступаю под давлением необоримых обстоятельств. На самом же деле их не было, так как лучше всего было забрать Дика с собой на материк, а не бросать на произвол судьбы, оставляя пусть даже у хорошего, но чужого для него человека. Так было бы порядочнее всего, но вот этой порядочности мне и не хватило в тот раз. Я смалодушничал, представив себе, сколько разной волокиты придется претерпеть, пока доберешься с Диком до нового места, пока устроишься там. И, оправдываясь перед собой, твердил, что здесь Дику будет лучше, что Кулаков не даст его в обиду, и так далее в том же духе. И кто знает, как бы всё сложилось в конце концов, если бы не Дик. Когда пришло время ставить последнюю точку, он показал мне, как надо поступать, когда речь идет о самом главном — о преданности и любви.

Глава десятая

Любому известно, как долго тянется время, когда ждешь чего-нибудь приятного, радостного, и как оно летит в ожида-

нии печальных перемен. Кажется, только начался понедельник, а уже подошла суббота, а там и еще неделя промелькнула, а за ней и весь месяц прошел.

Точно так же пролетело и наше с Диком время, и не успели мы оглянуться, как подкатил ноябрь. Пора было ладить нарты, и, стало быть, пришло время отдавать Дика. Кулаков целыми днями возился с собаками и не напоминал мне ни о чем, но слово надо было держать, и, как-то встретив Кулакова, я сказал, что завтра приведу Дика.

— Сам зайду, — ответил Кулаков. Даже в последний момент он не хотел, чтобы собаки видели меня вместе с Диком.

— Ты прямо как надзиратель! — возмутился я. — Что ж мне теперь, вообще не видеть Дика?

— Никто и не говорит, что вообще. Но месяц потерпеть придется. Пока пообнюхается.

А на следующий день Кулаков заявился ко мне во всеоружии — с ошейником и с поводком.

— А ошейник-то зачем? Что у него, своего нету?

— Про свое пусть забудет. И про тушенку тоже. У нас для всех один харч — рыба да каша.

И вот тут-то я наконец полностью осознал, что расстанюсь с Диком. До этого всё это казалось чем-то несерьезным, чуть ли не игрой, которую можно закончить в любой момент, но теперь всё определилось и встало на свои места. Я живо представил себе будущую жизнь Дика — тяжелую ежедневную работу, жадное пожирание пищи, земляной пол каюрни, на котором Дику отныне придется спать, и мне стало жалко его до слез. Да он и сам уже понял, что в его жизни назревает какая-то перемена, и глядел на Кулакова настороженно. А тот, подойдя к Дику, присел перед ним на корточки.

— Ну что, Дик, пойдём?

Слово «пойдем» было хорошо известно Дику, оно всякий раз сулило интересную прогулку и знакомство с массой новых вещей, но это слово всегда произносил я, а теперь Дика приглашал с собой просто знакомый человек, а не хозяин. И Дик озадачился. Ища поддержки, он взглянул на меня, словно спрашивал: куда идти и зачем?

Действительно, подумал я, зачем? Разве нам плохо вдвоем? Сейчас сварим какой-никакой ужин, поедим, а потом включим «Рекорд» и будем слушать музыку и заниматься своими делами. А вместо этого Дику предстоит идти в холодную каюрню и провести там всю ночь под враждебными взглядами собак. И так — все последующие ночи.

Это показалось мне таким нелепым, что я чуть было не сказал Кулакову, уже расстегивающему на Дике ошейник, что

передумал и Дик останется у меня. Но вовремя опомнился и, чтобы скрыть свое замешательство, тоже подошел к Дику.

— Пойдем, Дик, пойдем.

Это было другое дело, на этот раз приказ исходил от меня, и Дик с готовностью завертел хвостом и без всякого сопротивления позволил Кулакову надеть новый ошейник.

Я хотел сам отвести Дика на каюрню, но на улице Кулаков отобрал у меня поводок.

— Уговор дороже денег. Через месяц заглядывай, а пока даже и близко не подходи. Не порть дело.

Он дернул за поводок, и Дик, уверенный, что и я пойду с ним, послушно затрусил рядом с Кулаковым, но, видя, что я не трогаюсь с места, заартачился и стал вырываться. Пришлось подойти и успокоить Дика.

— Иди, Дик, иди, — внушал я, и он хотя и неохотно, но подчинился, однако всё время оглядывался, надеясь, что я не оставлю его. Глядеть на это было тяжело, я отвернулся и пошел домой.

Рассказывать о жизни, которая наступила, не хочется. Весь мой быт снова разладился, и не было никакого желания налаживать его. Бывало, готовя еду для Дика, я варил что-нибудь и для себя, теперь же опять перешел на сухомятку, и единственной горячей пищей был только чай. Время тянулось скучно и однообразно, слава богу, что была работа, а то хоть кричи караул. Правда, теперь меня поддерживало и еще одно — ожидание весны. Весной кончался срок моей работы на Курилах, и я с нетерпением ждал дня, когда сяду на пароход или в самолет и разом освобожусь от всех переживаний. Каждому свое в этом мире: Дику — оставаться и работать в упряжке, а мне — устраиваться где-нибудь на новом месте, где всё забудется.

Но пока ничего позабыть было нельзя, и через неделю я поинтересовался у Кулакова, как там Дик.

— Нормально, — ответил Кулаков, но в его голосе мне слышалась какая-то озабоченность.

— Ты не темни, — сказал я. — В чем дело?

Кулаков почесал в затылке.

— Да, кажись, нашла кость на кость. Пират с Боксиком, сам знаешь, воли никому не дают, а Дик на них ноль внимания. А тут еще этот карла, Маленький, воду мутит, так и старается всех сравить. В общем, глаз да глаз нужен.

— Не привыкнет Дик, — сказал я. — Может, забрать мне его, а?

— Не привыкнет? Да в том-то и дело, что ему не надо и привыкать. Он не успел и прийти, как свои порядки наво-

дить начал. С характером пёс. Посмотрю, какой в нарте будет. Если не лентяй, вожаком сделаю.

Сам того не зная, Кулаков лил мне масло на душу. Дик — вожак! Это тебе не просто упряжная собака. Вожаков берегут все. Их не бьют даже самые отпетые драчуны из каюров. Вожаку почет и уважение, и если случится, что Дик попадет от Кулакова к кому другому, то и там может надеяться на сносную жизнь.

Новость сильно приободрила меня. Я опасался, что на новом месте Дик будет чувствовать себя не в своей тарелке, чего доброго, захандрит и захиреет, а оказывается, всё повернулось наоборот, и дело теперь заключается лишь в том, как Дик проявит себя в работе. На этот счет у меня не было никаких сомнений — Дик не мог оказаться лентяем. У него темперамента хватит на троих, а такие никогда не бывают лентяями. Лишь бы Кулаков не держал его долго в учениках.

Но это Кулаков понимал лучше меня, и уже на вторую неделю я увидел Дика в упряжке. Для начала Кулаков поставил его коренником, и я знал почему. Коренник всегда под рукой у каюра, его старание или нежелание тянуть как следует лямку на виду, и можно в любой момент, не вставая с нарт, поощрить его или, наоборот, подхлестнуть. Поэтому в тот день я с нетерпением дождался Кулакова, чтобы спросить, оправдывает Дик его надежды или нет.

— Во пес! Артельный, — ответил Кулаков, когда мы наконец-то свиделись.

Лучшей похвалы для ездовой собаки и не требуется. Артельная — значит чувствующая общий настрой, не шадящая себя в работе, готовая умереть в лямке. И это не громкие слова. Как и охотничьи собаки, которые до гроба верны своей главной страсти — охоте, ездовые псы так же преданны своему тяжелейшему труду. Стоит надеть на них алык, как они преображаются, и уже нет ни равнодушных, ни ленивых — все охвачены азартом и рабочей злостью. Выдернут ломик, удерживающий нарты, — и упряжка вихрем срывается с места. В струнку натянуты алыки, низко пригнуты головы, вверх-вниз, как поршни машин, ходят собачьи лопатки. Штурмом, с воем и лаем, берутся тягуны — длинные, пологие подъемы, и только ветер в лицо, запах разгоряченных собачьих тел в ноздри да скрип полозьев. И этот стремительный бег среди заснеженных, угрюмых сопок, когда лишь успевай подправлять ломиком нарты на поворотах, роднит тебя с собаками, с их первобытным упоением безлюдьем и простором; и ты уже не ты, а кто-то другой, словно выхваченный из прошлого и одетый в звериные шкуры; и этот «кто-то», не

слыша себя, кричит в диком торжестве, подбадривая несущуюся сломя голову упряжку.

Трудно с чем-нибудь сравнить езду на нартах. Разве что со свободным полетом — то же ощущение абсолютной воли и причастности к природным силам, которых не чувствуешь, глядя на мир из окна поезда или через иллюминатор самолета.

Похвальное слово Кулакова о Дике отдалось во мне сладкой музыкой. Теперь я был полностью уверен в том, что Дик не останется изнеженной одомашненной собакой, а займет подобающее место в упряжке. Может быть, место жоака, хотя, зная Пирата и Боксика, я не представлял, каким образом можно потеснить этих собак. Но раз Кулаков заикнулся об этом, значит, способы есть.

Рассудив так, я приготовился ждать и не вмешиваться в естественный ход событий, не подозревая, что эти события уже подошли к своей критической точке.

Я только что вернулся из дальней поездки, когда ко мне пришел Кулаков.

— Пойдем-ка, картинку покажу.

Говоря по совести, идти никуда не хотелось, хотелось побыстрее переодеться в сухое и вскипятить чай, но тон Кулакова меня заинтриговал. Что еще за картинку он собирается показать?

Мы пришли к каюрне, и я увидел возле дверей какую-то странную собаку. Вид у нее был такой, словно ее всю измочалили и выбросили.

— Во, полюбуйся! — сказал Кулаков.

Я наклонился к собаке и только тогда узнал ее. Это был Маленький. Весь извалянный и искусанный, он производил жалкое впечатление.

— Это кто ж его так?

— Кто, выкормыш твой.

— Дик?!

— А ты думал, я, что ли?

Из-за склочного характера и постоянного стремления к разного рода провокациям я не питал к Маленькому особой симпатии, но его нынешнее бедственное положение могло разжалобить хоть кого.

— Чего ж ты его на улицу выставил, — укорил я Кулакова. — Ему ж отлежаться надо.

— Потому и выставил, что домой сейчас отведу. Недельку у меня поживет, пока не очухается.

— Да-а... Как же ты пролопоушил?

— А вот так! Всё как в Греции получилось: только начал на поводки сажать, тут и вспомнил, что крупа кончилась, утром

кашу не из чего варить. Ну и пошел на склад. Полмешка взял и назад. Подхожу, слышу — грызутся. Я в дверь. Так и есть. Маленький визжит, как поросенок, а Дик его метелит.

— А другие собаки? Так и смотрели?

— Другие! Хорошо, что хоть Пирата с Боксиком успел привязать. Не привязал бы — они бы Дика ухойдакали. А Маленький сам достукался. Сколько раз нарывался — то плечом Дика заденет, то оскалится при всех. Вот и нарвался.

— Нарваться-то нарвался, а как бы теперь Дику «темную» не устроили. Ведь Маленький не простит ему.

— Не бойся, не устроят. Этот Маленький давно всем надоел. Вечно всех подзуживал, так что собаки даже довольны, что Дик всыпал Маленькому.

— А Пират с Боксиком? Сам же сказал, что ухойдакали бы.

— Ты думаешь, за Маленького? Как же, будут они из-за него свой лоб подставлять! У них другой интерес, они сразу почувяли, что Дик для них соперник. А что он с другими делает — на это им наплевать. Все дела еще впереди, Боб.

— Какие дела?

— Да всякие, — ответил Кулаков уклончиво.

— Нет, ты уж скажи какие! Дик тебе не козел отпущения. Ты опять уйдешь за своей крупой, а ему в это время кишки выпустят. Я его не для этого отдавал.

Кулаков рассмеялся:

— Скажет тоже — кишки! Да он сам их кому хочешь выпустит! А дела известные — буду Дика в жоаки готовить. По всем статьям подходит. Пират с Боксиком тоже не из последних, но Дик лучше. На загляденье будет жоак.

Глава одиннадцатая

Истек месяц, назначенный Кулаковым для обживания Дика в упряжке, и теперь я каждый день ждал, когда мне объявят, что карантин кончился и можно приходиться на каюрюню. Я и в мыслях не допускал, что Дик забыл меня за этот месяц (Васька держал его целых два!), и представлял себе радость нашей встречи. Конечно, нельзя было рассчитывать, что Дик остался прежним, миролюбивым и беззаботным, — жизнь среди собак должна была сделать его самостоятельнее и жестче, и это показывали его поступки, о которых мне нет-нет да и сообщал Кулаков, но я не думал, что активное участие во внутренних собачьих делах чересчур отразится на характере Дика. Меня больше заботило другое: зная пуританские правила Кулакова, я опасался, что он ограничит мое общение с Диком. Скажет: приходи раз в месяц, и никаких гвоз-

дей. А меня такие тюремные свидания не устраивали. Но именно так едва и не случилось.

— Заждался? — спросил Кулаков, когда наконец-то с опозданием на целую неделю пришел ко мне.

— А ты как думал?

— Ну ладно, не раздувай ноздри, — миролюбиво сказал Кулаков. — Работы по горло было, всю неделю, как проклятый, мотался. Собаки совсем обезножели.

Вид у Кулакова был и в самом деле заезженный: глаза ввалились, кожа на лице побурела от ветра. Чувствовалось, что он очень хочет спать.

— Может, чайку поставить? — предложил я.

— Давай.

Печка у меня еще не прогорела, я подкинул на уголья несколько поленьев и поставил на плиту чайник. Между делом спросил:

— Дик-то как там?

— А чего ему? Нормально.

«Нормально» было любимым словечком Кулакова. Им он характеризовал любую ситуацию, даже безнадежную.

— Повидаться бы пора, сто лет не виделись.

Кулаков усмехнулся, достал папиросы, прикурил от уголька. И выдал то, чего я заранее ждал.

— Насчет Дика, Боб, я тебе вот что скажу: не порть собаку. У Дика сейчас всё в ажуре, а ты придешь и полезешь целоваться. Не нужно ему это, пусть живет, как все.

— Ничего себе! — сказал я. — Распорядился! А раньше что говорил?

— Ну говорил! Откуда я знал, что всё так получится? Разве я думал, что твой Дик в вожак метит?

— Да никуда он не метит! Ты сам его на вожжах тащишь! А он ходит коренником и пусть ходит. Что у тебя, вожakov нету?

Перемена в умонастроении Кулакова, сначала обещавшего допускать меня к Дику, а теперь ставившего рогатки, разозлила меня, и я был готов отказаться от желания видеть Дика во главе упряжки, нежели совсем не видеть его.

Но и Кулаков был человек с характером.

— Тогда забирай его совсем, — заявил он. — В коренники я кого хочешь поставлю, от коренника много не требуется — знай тяни.

Вот рыжий черт! Забирай! Знает, что мне заднего хода нет, и выкаблучивает. Не могу я взять Дика назад, не могу! Ну, возьму, так весной все равно отдать придется. Зачем, спрашивается, огород городить?

А между тем судьба давала мне случай разом покончить со всеми проблемами. Надо было забрать Дика из упряжки, до-

жить с ним в нашем доме до весны, а весной увезти его на материк. И всё. Просто и благородно. Но я опять спасовал, решившись лишь кое-что выторговать.

— Ладно, не лезь в бутылку, — сказал я Кулакову. — Если уж заиклился, делай из Дика кого угодно, хоть жожака, хоть атамана, но раз-то в неделю могу я наведаться?

— В две, — быстро сказал Кулаков.

— Черт с тобой, в две. Завтра же и приду для начала.

— Можешь и завтра. Только предупреждаю: не лезь к нему.

— А тогда как же, посмотреть, и всё?

— Ну и что? Посидим, поговорим — мало, что ли?

— «Посидим, поговорим!»! — передразнил я Кулакова. — Зануда ты, а не человек! От такого зануды Дик сбежит, помни мое слово.

— Не сбежит, не боись. У тебя вон чайник сейчас убежит — это точно! — засмеялся Кулаков.

Его ничто не брало, никакие доводы. Его интересовало только одно — дело, и ради этого он и спорил со мной, и я подумал, что именно эта его целеустремленность и помогла ему стать каюром, о котором ходят легенды. Мои эмоции были ему понятны, но он был выше их, потому что был профессионалом, а я — всего-навсего дилетантом, которого можно выслушать, но не обязательно принимать всерьез. Слава богу, что я не страдал излишком самолюбия и не обижался на непререкаемость Кулакова во всем, что касалось собак; он же со своей стороны прощал мне излишнюю горячность, и эти черты наших характеров помогали нам оставаться друзьями при всех обстоятельствах.

Как и обещал, на следующий день я заявился на каюрню. Собаки поначалу не признали меня (что ни говори, а месяц — это срок) и подняли было лай, но быстро разобрались, кто есть кто, и снова улеглись в своих углах. Не лёг только Дик. Насторожив уши, он, не отрываясь, смотрел на меня, и в его глазах перемещались удивление, радость, неверие. О чём говорила эта смесь столь разных выражений? Только об одном: хотя мое появление и было для Дика неожиданным, оно в то же время явилось тем, чего он ждал изо дня в день. Ничто — ни новая обстановка, ни сложности обживания, ни скрытая борьба за первенство ни на миг не заслонили этого ожидания, и можно было лишь догадываться, какие чувства обуревали в ту минуту преданную душу Дика.

Я понял, что обещания не подходят к Дику, которые я дал Кулакову, — глупость, обещания безответственного человека, черная неблагодарность по отношению к существу, не могущему на словах высказать ни жалобы, ни протеста, а

живущего лишь надеждой на встречу с тем, кому сызмальства были отданы все привязанности и все страсти одной-единственной любви, какой только и любят животные.

— Ты как хочешь, Женька, а я подойду — сказал я.

Кулаков бросил на меня свирепый взгляд, но я, взглядом же, успокоил своего непреклонного друга. У меня возник план, как сделать всё так, чтобы и овцы остались целы, и волки были сыты. И, не давая Кулакову времени на раздумье, я направился к углу, где лежал Пират. В этом-то и заключался смысл моего плана: я решил обласкать всех собак по очереди, продемонстрировав тем самым уважение к равенству и демократии, и добратся в конце концов до Дика.

— Пират, Пиратушка, — сказал я, присаживаясь перед вожаком на корточки и глядя его по голове.

Пират вильнул хвостом и поднял на меня глаза, стараясь понять, чего я хочу.

Кулаков, оценивший мой замысел, с интересом следил за моими действиями, а я тем временем, переходя от одной собаки к другой, всё ближе подбирался к Дику. Он по-прежнему не сводил с меня глаз, тоненько поскуливая от нетерпения. И когда я наконец подошел к нему, сунулся холодным носом в мои ладони и стал торопливо лизать их, словно боялся, что я вот-вот уберу руки.

— Ну что ты, что ты, Дик, — бормотал я растроганно, склонившись над ним и трогая его лоб, брови, загривок и поврежденное ухо. Я жадно разглядывал Дика и нашел, что он чуть-чуть похудел, но что это никак не отразилось на его мощи. Наоборот, от ежедневной тяжелой работы его мышцы налились новой силой и перекачивались под кожей. Грубее стала и его шерсть — ведь Дик постоянно находился на воздухе, и за месяц с лишним ветер и снег продубили его основательно.

Кулаков за спиной предупреждающе покашливал, давая понять, что наша семейная сцена слишком затянулась. Не стоило нервировать Кулакова и дальше, и я отошел от Дика.

Я пробыл на каюрене до вечера. Помог Кулакову подремонтировать нарты, а потом мы вместе накормили собак, и я, конечно, не упустил случая, чтобы лишний раз не погладить Дика. Собаки отнеслись к этому благосклонно. Оказав им внимание, я умиротворил их, и они словно бы и не заметили, что кому-то этого внимания досталось больше. Настроение у меня было лучше некуда, я шутил с Кулаковым, но он слушал меня рассеянно, думая о чем-то своем. Я не стал больше приставать к нему. Мы пожали друг другу руки и разошлись по домам. На улице пуржило, и я с грехом пополам добрался до своего жилья. Чай, накрытый подушкой, был вполне го-

рячим, и я выпил стаканчик. Потом с удовольствием забрался под меховое одеяло. За окном всё сильнее дул ветер, я слушал его высокий посвист и думал сразу о многих вещах. И наконец незаметно уснул.

До Нового года оставалась всего неделя, и хотя снега снова завалили поселок, зимний солнцеворот был уже позади, и дни, пусть и по капле, но прибывали. Начавшаяся было пурга так и не набрала силу, погода установилась на редкость спокойной, чего нельзя было сказать об атмосфере в кулаковской упряжке. Там, говоря образно, указатель ветра достиг отметки «шторма», и центром всех возмущений был треугольник ПБД: Пират—Боксик—Дик. Каждый из них горел желанием доказать свое превосходство, но особенно, как ни странно, старался Боксик. С ним произошла неожиданная метаморфоза: если раньше он вполне уживался с Пиратом, принимал его первенство, то с появлением в упряжке Дика его словно прорвало, и он с головой влез в междоусобицу. Положенье нужно было немедленно нормализовать, и Кулаков понял это своим звериным чутьем.

Он пришел ко мне в середине недели — непривычно серьезный, я бы даже сказал, торжественный, как будто принес мне вызов на дуэль или приглашение на свадьбу.

— У тебя как завтра со временем? — спросил он.

Со временем у меня было туго. Год кончался, и все последние дни я сидел над отчетом, о чем и сказал Кулакову.

— Ерунда, — заявил он безапелляционно. — Час выкроишь. Завтра вожака будем выбирать.

Я миг позабыл о всяких отчетах. Как выбирают вожака в упряжке, этого мне видеть не приходилось, хотя я и знался со многими каюрами. А событие это необычайно интересное, тем более что широкая публика не знает ни технической стороны дела, ни, что гораздо важнее, его натуральной подоплеки.

В самом деле: как все-таки выбирают вожака, по каким признакам и качествам? Специальной литературы на этот счет я не читал и думаю, что ее и нет; что же касается художественной, то здесь самый главный авторитет для всех — Джек Лондон. Его вожаки — это всегда самые сильные, самые выносливые, а главное — самые умные собаки. Казалось бы, последнее неоспоримо, и я глубоко уважаю Лондона как писателя, однако беру на себя смелость с ним не согласиться. Утверждая, что вожак должен быть самым умным, Джек Лондон ошибался. Вернее — не знал всех тонкостей собачьей организации. Упряжка — это стая, а в стае всегда верховодит не тот, кто самый умный, а кто самый сильный. Иначе ему при всём своем уме не навести в стае порядок. Исключение

составляют только волки, у которых главным нередко бывает волчица. Но волки по своему умственному развитию стоят, может быть, на самой верхней ступеньке животной иерархии, и такие исключения для них в порядке вещей.

Да и сам способ отбора вожака у собак свидетельствует против Лондона. Способ этот прост, но прост потому, что за ним стоит многолетний опыт. А опыт говорит: выбирай сильнейшего. И каюры так и делают — долго, иногда по несколько месяцев, присматриваются к собакам и наконец выбирают среди них двух-трех самых сильных. Это — кандидаты в вожаки, которых в один прекрасный день стравливают между собой. Если кандидатов двое, всё решается в одном поединке, если трое (а больше, как правило, не бывает), то победителя первой схватки после отдыха стравливают с оставшимся претендентом. Кто выиграет бой — тот и вожак. И осечек здесь не бывает, упряжка подчиняется победителю беспрекословно. Конечно, хорошо, когда вожак соединяет в себе оба качества — и силу, и ум, но такое бывает редко.

У Дика было то и другое, недаром Кулаков сразу оценил его, и вот пришло время, когда Дик должен был доказать, что в нем не ошиблись.

Мы договорились с Кулаковым, что завтра я помогу ему привести собак в нужное место, и он ушел, а я принялся гадать, чем-то всё кончится. Слов нет, Дик был силен и умел драться, но я знал и его противников. Оба они были первоклассными бойцами и могли постоять за себя. Кроме того, Дик был моложе Пирата и Боксика и не имел турнирного опыта, который необходим в подобных ситуациях. Но с другой стороны, именно молодость Дика могла принести ему успех в схватке, особенно если она затянется, — ведь даже и опытный, но более зрелый пес иногда проигрывает своему молодому сопернику.

Как видите, везде выпирали сплошные «но», а вдобавок было по-человечески жалко Дика. Никто не знал, чем кончится дело. Правда, когда дерутся равные по силам собаки, драка никогда не кончается смертью кого-либо из соперников, однако раны наносятся серьезные. А у Дика и так было повреждено ухо. Чего доброго, раздерут и другое. Но что было делать? Путь отступления я не видел, да и не хотел их. Любой такой путь — это трусость, которая ляжет на Дика позорным пятном. А собаки с такой репутацией не нужны никому. Значит, сказал я, выход один — драться. И пусть победит сильнейший.

Когда утром я пришел на каюрню, Кулаков уже поджидал меня. Затевать гладиаторские игры на виду у поселка мы не

собирались, а потому решили уйти подальше от глаз, в сопки. Но сначала требовалось соблюсти правила — определить, кто из собак войдет в первую пару. Взять да и сказать: эта и эта — такое в здешней практике не допускалось, застрельщики определялись с помощью жребия. Его мы и должны были бросить, а точнее, вытянуть, поскольку решили разыграть его на спичках.

Отвернувшись, Кулаков немного поколдовал, а я тем временем внутренне настроил себя не мандражировать, тянуть с толком, с чувством, с расстановкой.

— Давай, — сказал Кулаков, протягивая мне руку, в которой были зажаты спички. — Длинная — Пират, покороче — Боксик, маленькая — Дик.

Три коричневые головки выглядели совершенно одинаково, но я так и впился в них взглядом, подбадривая себя тем, что, может быть, обману судьбу. Надо только вытянуть длинную спичку и ту, которая покороче. Тогда первыми будут драться Пират с Боксиком, и у Дика сохранится больше сил. Но как угадать? Выжидая, я буквально гипнотизировал Кулакова, ведь он знал, где какая спичка, и я надеялся, что он выдаст себя каким-нибудь произвольным движением. Но Кулаков был бесстрастен, как пень. Наконец, решившись, я потянул. Длинная! Та-ак, первая часть задачи решена, не ошибиться бы дальше. Две спички. Какую, какую тянуть?! Вот эту! Я дотронулся до спички и тут же увидел ухмылку Кулакова. Он конечно же разгадал мои намерения и знал, что я ошибся: спичка, которую я вытянул, оказалась самой короткой. Ну что ж, всё определилось, первыми будут драться Пират и Дик.

— Бери Дика и давай к доту, — сказал Кулаков. — А я Пирата с Боксиком приведу.

К доту так к доту. Этот бетонированный двухамбразурный колпак, оставшийся с времен войны, находился в полукилометре от поселка, и там мы могли стравить собак без любопытных.

Минут через двадцать я был на месте, вскоре пришел и Кулаков, и мы, привязав собак к кустам, принялись утаптывать снег под площадку для боя. Потом отвязали Пирата и Дика.

Предстоящий поединок был обычным делом, можно сказать, жизненной необходимостью, и всё же я чувствовал себя почти что злодеем. Я сам, своими руками, подводил Дика к черте, за которой его, может быть, ждало увечье. Но помешать развитию событий я уже не мог. Об этом нужно было думать раньше, а не тешить себя тщеславной мыслью о том,

что Дик будет вожаком. Еще неизвестно, будет ли, а если и будет, ему-то что от этого? У него же нет осознанной необходимости стать вожаком, это мы навязываем ему свою волю.

А собаки тем временем поняли, зачем их сюда привели, и каждая по-своему проявляла себя. Пират внушал неподдельный страх. Мощный, с широкой грудью и чуть кривоватыми ногами, он рвался у Кулакова из рук и всё время облизывался, словно ему не терпелось вцепиться в противника. Ошейник сдавливал горло Пирата, и он, как астматик, дышал тяжело и хрипло.

Дик вел себя сдержаннее, но тоже весь напрягся и оцетинился.

— Спускай! — велел Кулаков

Мы враз отстегнули поводки, и собаки с рычанием бросились друг на друга. Встав на задние лапы, они бешено кусались и старались опрокинуть противника, однако силы были равны, и никому не удавалось взять верх. Но одно из преимуществ Дика вывилось сразу: его густая шерсть надежнее защищала от укусов, в то время как более гладкошерстный Пират был уязвимее. И это скоро сказалось: зубы Дика всё чаще доставали Пирата, и тому приходилось всячески изворачиваться, чтобы избежать очередного укуса. Но Пират недаром носил свое имя. Не обращая внимания на раны, он усиливал и усиливал натиск и наконец сбил Дика. Я охнул. Упавшая собака — почти побежденная. Редко какой удастся встать, когда противник давит своим весом. А именно это и делал Пират, выискивая момент, чтобы захватить горло Дика и тем кончить бой.

И вот тут-то Дик показал, на что способен. Неимоверным усилием он стряхнул с себя Пирата и сам вцепился ему в загривок. Я уже видел этот прием во время драки Дика с козыревскими собаками и теперь ждал, сумеет ли Пират освободиться от такого захвата.

Пират, конечно, попробовал. Он делал мощные рывки, пытаясь сбросить с себя Дика, но тот висел, как пиявка, пригибая Пирата всё ниже и ниже. От обоюдных усилий собаки уже не рычали, и это молчаливое противостояние выглядело особенно зловеще. За ним угадывался не просто поединок, но поединок насмерть.

И здесь сказалось второе преимущество Дика, на которое я втайне рассчитывал, — его молодость. Схватка шла уже минут двадцать, а Дик не подавал никаких признаков усталости, чего нельзя было сказать про Пирата: он явно изнемогал, да и покалеченная лапа, видно, давала знать о себе. И вот Пират, по-прежнему сопротивляясь изо всех сил, нако-

нец не выдержал, и Дик подмял его. И это была победа, потому что и я, и Кулаков видели: Пирату не подняться. Надо было разнимать собак.

— Тубо, Дик! — крикнул Кулаков.

Наверное, он приучал Дика к этой команде, раз подал ее, но только Дик никак на нее не отреагировал. Эту его особенность я подметил давно: по характеру вовсе не злобный, он, входя в ярость, переставал что-либо слышать. Так было и раньше, когда я, например, не мог заставить его отдать тряпку, в которую он вцеплялся, то же самое происходило и сейчас, и я знал, что Дик ни за что не отпустит Пирата, придется оттаскивать силой.

Я повернулся к Кулакову:

— У тебя нож есть?

— Есть, а что?

— Давай сюда.

Кулаков ничего не понимал, однако нож дал. Я подошел к кустам и вырезал короткую и крепкую палку.

— Твое «тубо» ему как мертвому припарки, — объяснил я Кулакову. — Надо зубы разжать. Ты держи его, а я разожму.

Только так мы и сладили с Диком. Освобожденный Пират поднялся и, оглядываясь, ушел в кусты.

— Ну и хват! — сказал Кулаков, имея в виду Дика. — Это надо же, самого Пирата заделал!

— Не ожидал?

— По правде, нет. Пират с кем только не дрался и всех бил.

— Так, может, и не будем Дика с Боксиком стравливать?

— Э-э, нет! — замотал головой Кулаков. — Делать дело — так до конца. Если сейчас не стравим, они так и будут грызться. А мне один хозяин нужен.

Но Боксик не продержался и пяти минут, и я думаю, что дело было не в недостатке у него сил. Просто он был деморализован — ведь Дик одержал победу над Пиратом у него на глазах, и это подействовало на Боксика отрезвляюще. Он позабыл о своих недавних амбициях.

Вот так всё и решилось. Еще час назад Дик был рядовой упряжной собакой, теперь же он стал вожаком, вершителем чужих судеб, в дела которого отныне не мог вмешиваться даже Кулаков.

Глава двенадцатая

Всю зиму Дик бесшумно исполнял свою новую роль, и Кулаков не мог нарадоваться на него. Всяким беспорядкам в упряжке пришел конец. Собаки, которые и при Пирате не

очень-то своевольничали, быстро оценили силу и хватку нового вожака и подчинились ему безоговорочно. Что же касается Пирата, то он, как говорится, не желал терять лица, и хотя не лез в драку, но не упускал случая показать свою независимость. Но это была скорее старорежимная отрыжка, а не попытка открытого неповиновения. На что мог надеяться Пират? Его жизненный пик уже прошел, тогда как Дик только-только подходил к этому рубежу, и в обозримом будущем вряд ли какая собака могла бросить ему вызов.

Но больше всего меня радовала отмена запретов, которые в свое время установил Кулаков. После того, как Дик стал вожаком, нечего было опасаться оговора собак: вожак — лицо неприкосновенное, и Кулаков закрыл глаза на то, что еще недавно ему казалось недопустимым. Отныне я мог в любой день приходиться на каюрню и сколько угодно общаться с Диком, не боясь, что Кулаков меня одернет. И я пользовался этим, но меру знал, а также не забывал почтить вниманием и других собак. Такая политика себя оправдывала, тем более что самого опасного смутьяна, Маленького, Кулаков куда-то сплавил, и у нас воцарился самый настоящий «золотой век» — ни открытых драк, ни тайных козней. Живи — не хочу.

И мы жили, но время, время! Как ни долго тянулась зима, но и она прошла, и наконец-то наступил май. Я радовался, но и грустил. Душа ликовала при мысли, что скоро можно будет взять билет на самолет и улететь подальше от этих осточертевших туманов, ветров и пург, но пять лет на Курилах — это пять лет на Курилах! От прошлого нельзя было откреститься без грусти и печали: пять лет зимовок вместили в себя целый пласт жизни, в которой были неповторимые моменты радости, открытий и осознаний. Да, жизнь на Курилах была трудна, но она не только не разъединяла живущих там, а, наоборот, сплачивала их, делала терпимее, добрее, бескорыстнее, и я до сих пор вспоминаю то время с любовью и нежностью.

И всё же надо было уезжать. С одним из самолетов прибыл мой сменщик, я сдал дела, и теперь ничто не задерживало меня на острове. Ничто, кроме погоды. Конечно, май это не февраль и тем более не март, однако тоже не сахар. Нет-нет да и налетали снежные заряды, но гораздо хуже было другое — туман. Остров лежал на водоразделе: с океанской стороны его обдували более или менее теплые ветры, в то время как из Охотского моря, как из ледяного погреба, постоянно тянуло холодом, и эти воздушные массы, смешиваясь над Первым Курильским проливом, буквально душили нас своими туманами. Они висели над островом целыми днями, и мы жили в их промозглом месиве, как в вечных сумерках.

Я каждый день звонил на аэродром и узнавал, когда будет самолет, и каждый раз наш аэродромный бог Гена — радист, он же начальник «аэропорта», механик и кассир, отвечал мне своим глухим басом: «А черт его знает, когда!» То Петропавловск отменял рейс, то мы не могли никого принять.

Такая волынка могла тянуться сколько угодно, но мне повезло: подвернулась «оказия». В словаре Даля так называется случай, спопутность для какого-нибудь дела или посылки; у Лермонтова в «Герое нашего времени» «оказия» — это прикрытие, с которыми ходили обозы во времена кавказской войны; у нас же так называлось всякое судно, на котором можно было добраться до Петропавловска. И только до него, потому что суда, идущие в обратном направлении, скажем, во Владивосток, «оказией» не считались: хотя и во Владивостоке можно было сесть на самолет или поезд, никому не хотелось болтаться около недели в море, все старались попасть в Петропавловск, до которого морем нужно было идти не больше суток.

Этого хотел и я и, узнав об «оказии», тотчас отправился на пирс, чтобы договориться о месте на судне. Им оказался рыболовный бот — не судно, а суденышко, напоминавшее каравеллы Колумба. Сейчас боты, наверное, уже и не встретить, рыболовецкий флот оснащен новыми судами, а тогда, в пятидесятых годах, боты промышляли во всех дальневосточных морях. Пусть вблизи берегов, но промышляли. Работать на них было тяжело и опасно — крохотные, водоизмещением тонн в восемьдесят или в сто, они, когда их загружали рыбой, оседали в воду по самую палубу, так что в свежую погоду волны свободно перекатывались через них. А свежая погода на Востоке — явление постоянное, начнет бросать — только держись. Три раза подкинет, один раз поймает, как говорили моряки. А рыбку надо не только поймать, но и обработать и загрузить в бочки, и всё это по колено в воде и в рыбьей чешуе, от одного запаха которой можно было обалдеть. Вот что такое работа на малых рыболовецких судах.

К нам бот зашел за пресной водой, и капитан сказал, что захватит меня до Петропавловска, но предупредил, чтобы я поторопился — они уйдут, как только наберут воду.

Меня такой расклад устраивал. В запасе было больше часа, и я не боялся опоздать. Чемодан был давно собран, и оставалось лишь проститься с Кулаковым и Диком. Забежав домой, я взял чемодан и пошел на каюрню.

По случаю окончания зимнего сезона Кулаков проводил субботник — убирал возле каюрни; около нее же, радуясь возможности подышать свежим майским воздухом, распо-

ложились и собаки. Честно отработав всю зиму, они теперь наслаждались отдыхом и, наверное, осуждали Кулакова, всю орудовавшего лопатой и граблями и мешавшего собакам полностью отдаться настроению покоя и созерцательства.

Увидев меня с чемоданом и зная, что никакого самолета нет и в помине, Кулаков не удержался и съязвил:

— Никак, пешочком собрался?

— Угадал, — в тон ему ответил я. — Чем просто так загорать, лучше уж пешочком.

— Ну а без трепа? Куда это ты с чемоданом-то?

— А без трепа — оказия пришла. Уже договорился, через час отбываю.

Кулаков прислонил грабли к стене.

— Тогда давай покурим на дорожку.

Мы сели на валявшиеся рядом ящики. Разминая папиросу, я всё время ловил на себе взгляд Дика, который, когда я подошел, поднялся мне навстречу и теперь ждал, что я позову его.

— Ну, иди, иди, не стесняйся, — сказал я. Он подошел и по своей привычке положил голову мне на колени. Я стал гладить Дика, а он всё косился на чемодан, как будто никогда не видел его, и наконец, не выдержав, потянулся к нему носом и обнюхал. Догадывался ли он о том, что означает, когда близкий ему человек появляется перед ним с чемоданом, или действовал по врожденной склонности обнюхивать все предметы? Как показали дальнейшие события — догадывался.

— Ты напиши, когда устроишься, — сказал Кулаков.

— Конечно, напишу, — заверил я. — А ты сам-то думаешь на материк?

Кулаков пожал плечами.

— Хорошо там, где нас нет.

— А то приезжай ко мне, — сказал я. — Вот устроюсь, и приезжай.

— Поживем — увидим...

Мы курили, перебрасывались ничего не значащими словами, а время шло, и надо было закругляться. Я прижал к себе Дика, потёрся носом о его лоб. Потом поднялся и взял чемодан. Дик смотрел на меня с беспокойством и, как всегда в таких случаях, тихонько поскуливал.

— Ты привяжи его на всякий случай, — сказал я Кулакову.

— Привяжу. Сейчас покормлю, а там всех привяжу.

— Ну, тогда бывай. Устроюсь — сообщу.

Мы пожали друг другу руки, и я пошел на пирс.

Прибыл я вовремя, на боте уже убирали шланги и готовились к отходу.

— Иди в кубрик, — сказал мне капитан, — там есть свободная койка.

По крутому, скользкому от рыбьей чешуи трапу я спустился вниз, отыскал кубрик, в котором никого не было, поставил чемодан. Над головой раздавался топот ног и слышался голос боцмана, кричавшего кому-то, чтобы он не ловил мух, потом в самом чреве бота заурчала машина, и в иллюминатор стало видно, как, отдаляясь, проплыла мимо бетонная, обросшая зелеными водорослями стена пирса.

Сидеть в такой момент в кубрике не хотелось, и я поднялся наверх. Бот малым ходом шел в сторону открытого моря. Прислонившись к теплому кожуху машинного отделения, я стоял и смотрел на удалявшийся остров. Всё было знакомо на берегу — каждая тропка, каждый камень, и хотелось, чтобы кто-нибудь махнул рукой с берега.

Выпуская из трубы синие кольца дыма, бот повернул до курса и прибавил ход. Всё хуже различались на пирсе фигуры людей и трещины на отвесном береговом утесе, всё сильнее ощущалось мощное дыхание фарватера, где, как мокрые спины морских животных, перекатывались сероглянцевые волны.

И вдруг... Сердце громко застучало, и меня обдало жаром: на дороге, ведущей к пирсу, я увидел несущуюся что есть сил собаку. Низко пригнув голову, словно идя по следу, она кубарем катилась по разъезженной тракторами колее, не разбирая ни ухабов, ни рытвин с водой.

Дик!

Эх, Кулаков, Кулаков... Я же говорил — привяжи! Не мог сделать простого дела, и теперь Дик будет бегать по берегу до ночи, и какой-нибудь ловкач опять поймает его.

Но я тут же успокоил себя, подумав, что зря расстраиваюсь, Кулаков наверняка спохватится и побежит разыскивать Дика. А уж куда, догадаться не трудно — конечно на пирс. Так что нечего хвататься за голову.

Однако то, что произошло через минуту, повергло меня в отчаяние.

Выскочив с разгона на пирс, Дик беспомощно заметался по нему. След, приведший его сюда, неожиданно оборвался, и он напрасно разыскивал его, обнюхивая ноздреватый бетон пирса. Но вид отдалявшегося бота, наверное, каким-то образом связался в сознании Дика с моим внезапным исчезновением, потому что он подбежал к концу пирса и отчаянно залаял. И вдруг — я чуть не закричал от неожиданности — бросился в воду. За шумом волн плеска не было слышно, лишь взметнулись вверх брызги.

Я сломя голову побежал на корму бота.

— Назад, Дик! Домой, домой! — кричал я, не соображая, что на таком расстоянии Дик вряд ли поймет мою команду. Скорее наоборот — услышав свое имя, подумает, что его зовут.

В сумятице серой воды Дика не было видно, но время от времени очередная крупная волна поднимала его на свой гребень, и тогда можно было различить темную, еле видимую точку — собачью голову.

Вцепившись в леер, я последними словами ругал всё и вся на свете, а больше всего Кулакова, который оказался таким разиней. Мерно рокотала машина бота, он резво бежал по проливу, а позади, тщетно пытаюсь догнать его, плыл и плыл Дик.

Я лихорадочно искал выход из создавшегося положения. Если не помочь Дику, он утонет. В приступе своей преданности он будет плыть, пока не выдохнется. К капитану! Упросить, умолить его повернуть бот или спустить шлюпку!

Прыгая через ступеньки трапа, я одним махом поднялся на мостик и распахнул дверь рубки. Капитан и матрос — рулевой удивленно посмотрели на меня.

— В чем дело? — резко спросил капитан.

Я перевел дух.

— Товарищ капитан! — Я глядел ему прямо в глаза, а рукой, не оборачиваясь, показывал за спину. — Там плывет собака! Спасите ее, товарищ капитан!

Капитан смотрел на меня как на полоумного.

— Какая собака?!

— Моя собака! Кулаков, шляпа, проворонил, и теперь она плывет!

Капитан явно ничего не понимал, всё, что я говорил, казалось ему абракадаброй, а мое вторжение в рубку не на шутку разозлило его. Ничего себе пассажир: едет без билета, можно сказать, зайцем да еще и сцены у фонтана устраивает!

— Вот что, парень, — сказал он, прищуриваясь, — валика ты отсюда, как и пришел. Посторонним здесь делать нечего!

И тогда я, торопясь и сбиваясь, боясь, что капитан сейчас вышвырнет меня, объяснил ему суть дела. Наверное, вид у меня был хуже некуда, потому что капитан не сделал того, чего я боялся, то есть не вышвырнул меня, а, отстранив решительным движением, вышел на крыло мостика и поднес к глазам бинокль. Минуту и другую смотрел, потом опустил бинокль.

— Действительно, плывет! — В его голосе явно проступало удивление.

— Товарищ капитан! — вновь взмолился я. — Помогите! Спустите шлюпку, товарищ капитан?

И тут капитан рассвирепел.

— Да не могу я, не могу, понимаешь? У меня полные трюма, понимаешь! Штормовое предупреждение получено, понимаешь! Я и к вам-то зашел, чтобы воды только взять, ни капли воды не осталось! А ты с собакой! Вернется твоя собака, никуда не денется!

— Не вернется, — сказал я. — Вы ее не знаете.

— Тьфу! — плюнул капитан. Он опять посмотрел в бинокль и, не сказав больше ни слова, исчез в рубке.

Минуты шли. Я до рези в глазах всматривался в воду. Иногда мне казалось, что я вижу Дика, но я не был в этом уверен — слишком быстро увеличивалось расстояние между нами. Развязка приближалась, и я с отчаянием подумал, что сейчас прыгну в воду и поплыву к Дику и тогда упрямый капитан непременно спустит шлюпку. И пусть меня судят потом, но я не дам утонуть Дику.

Я был в таком состоянии, что прыгнул бы, но тут снова хлопнула дверь рубки, и на мостик вышел капитан. Поднес к глазам бинокль. Когда он опустил его и повернулся ко мне, его лицо выражало искреннее изумление.

— Плывет! — сказал он. — Это же надо! — И протянул мне бинокль.

Приближенные большим увеличением, волны казались водяными горами. Сначала я никак не мог зафиксировать бинокль — качка и мое душевное состояние мешали мне, но я справился с тем и с другим и наконец разглядел Дика. Видна была только его голова — оскаленная пасть, плотно прижатые уши. Он изо всех сил боролся с волнами, но чувствовалось, что его хватит ненадолго, что первая же крупная волна увлечет его на дно. Я не мог больше смотреть.

— А, черт! — сказал капитан. Он не вошел, а как-то юркнул в рубку, и я услышал звонки машинного телеграфа. Задрав, бот по крутой дуге стал разворачиваться на обратный курс. Неожиданный маневр, видно, озадачил механика, потому что он высунулся из машинного люка и что-то закричал капитану. Но тот не ответил ему, напряженно всматриваясь в воду.

Теперь всё зависело от скорости. Успеем ли мы вовремя к тому месту, где всё еще боролся с волнами Дик? Мне казалось, что не успеем, и я снова заикнулся о шлюпке, но капитан отмахнулся от меня.

— Со шлюпкой как раз и проваландаемся. Пока спустим, пока догребем.

Конечно, он был прав, но у меня не хватало терпения спокойно на всё это смотреть. Я спустился на палубу и встал возле самого борта, готовый подхватить Дика, как только он окажется рядом. Здесь же, на палубе, сгрудились и те из команды, кто не был занят делами: все уже знали о необычном происшествии и теперь старались предугадать его исход. Большинство склонялось к тому, что мы не успеем спасти Дика, и эти предсказания переворачивали мне душу.

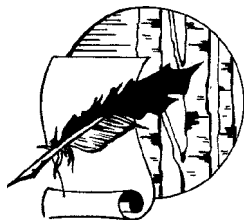
— Кореш, отойди-ка от борта, — посоветовал мне боцман. — А то еще сверзишься. Если успеем — вытащим собаку и без тебя.

Но я отмахнулся от боцмана. Во всём, что произошло, я был главной причиной и потому не мог передоверить дело спасения Дика в чужие руки.

Бот подоспел к Дикю в самую последнюю минуту. Он уже захлебывался, когда судно легло в дрейф. Дик был рядом, в каком-нибудь метре; нагруженный бот сидел в воде глубоко, и я, перегнувшись через борт, схватил Дика за ошейник. Но Дик был слишком тяжел, и мне вряд ли удалось бы вытащить его, если бы не боцман. Он оказался тут как тут, и мы в четыре руки подняли Дика на палубу. Совершенно измученный, он всё же нашел в себе силы отряхнуться от воды, а затем кинулся мне на грудь. Я обнимал его, целовал и, ей-богу, плакал...

В Петропавловске я упрямил летчиков с рейсового Ту-104 взять Дика на борт. Летчики особо не сопротивлялись — Дик так понравился им, что они даже не вспомнили про намордник, в котором, по правилам, должна перевозиться такая большая собака. Через одиннадцать часов полета мы были в Москве, откуда я дал «молнию» Кулакову, в которой сообщал, что с Диком всё в порядке, и обещал рассказать о подробностях в письме.

Вот и вся история про Дика. Он прожил у меня до самой смерти и после него я больше не заводил собак.

Людмила ЩИПАХИНА

ОЗНОБ

ВДОВА РОССИЯ

Беспомощен и робок каждый шаг...
Как не пропасть? И как не оступиться?
Уж обобрал тебя совсем чужак...
И свой порой — не даст воды напиться.

Распроданы озёра и леса.
Чего ж ты ждёшь? И чем пренебрегаешь?
Опять с надеждой смотришь в небеса
И тихо перестройку проклинаешь.

В седины дней склонилась голова.
Судьба согнулась, как спина от груза.
Россия — безутешная вдова
Погибшего Советского Союза.

ГОЛОС

Еле слышен сквозь гомон настырный,
Сквозь валютный разгул ветровой
Скрытой истины голос всемирный,
Справедливости зов вековой.

Он в пучине столетий не тонет,
Будоражит сердца и умы...
Этот голос то плачет, то стонет,
То хрипит за решеткой тюрьмы.

В мёртвой зоне, где тесно и душно,
Голос тих, и опасен, и глух.
Но не зря затаённо и дружно
У людей напрягается слух.

Ловит он сквозь помехи эфира
Современо-библейскую весть:
Заповедные истины мира —
Братство, равенство, совесть и честь!

Покаяньем от горьких уроков
Содрогнётся небесная синь.
Да исполнится воля Пророков!
Да услышится голос!
...Аминь.

ТЕЛЕШОУ

И каждый вечер снова,
Уже который год,
Лихие телешоу
Зомбируют народ.

Смешные экспертизы
С анализом родства...
Ну, право слово, — шизы
На пике торжества!

Чудес шальное поле,
Обильный каравай.
Смотри — и будешь в доле!
Поженемся, давай!

Разгул лихой свободы
Заканчивает день.
И своды, и разводы...
Такая хренотень!

Но смотрит население.
И рейтингов — не счесть!
Есть в этом — упоенье...
...И обалденье — есть!

ОНИ И МЫ

Штампую решенья и даты,
С душой, провалившейся в ад,
Они заседают, где надо,
Присвоив продажный мандат.

Карьерные эти везенья
Окутаны в денежный мрак.
Невидимый *орден презренья*
Приколот на модный пиджак.

От *них* мы по-рабски зависим,
Хоть *им* наши беды не в счёт.
Дворцы *их* взмываются к высям
И нефть по карманам течёт...

Хоть ростом не больше напёрстка,
А духом — не выше тюрьмы,
Они — лишь сплочённая горстка...
А сила несметная — мы.

ЗОЛОТОЙ МИЛЛИАРД

Золотой миллиард золотую судьбу
Запечатал в свои хромосомы...
Он вселенские горести видел в гробу!
А из плача — построил хоромы.

За столом торжества восседает кагал.
Теснота у кормящего блюда.
И сибирскую нефть в золочёный бокал
Наливает российский Иуда...

Пошляки от искусства впадают в экстаз,
Продлевая убожество суток.
Бриллиантовой страстью оплачен заказ
На ушах дорогих проституток.

Беспощадные вихри смертей и потерь.
Зная тайные коды и фразы,
Золотой миллиард охраняет, как зверь,
Золотые свои унитазы.

Только зренью мешает виденье вдали.
Там убогие, или святые
Пребывают, как мусор, на кромке земли...
Хоть и души у них — золотые.

НА НОЧЬ ГЛЯДЯ...

Словно сизым окутанный дымом,
Трижды плюнув на наше крыльцо,
Ходит некто по землям родимым,
В телевизоре корчит лицо.

Ходит некто с прищуренным глазом.
На мужчину похож со спины.
Пахнет в воздухе нефтью и газом.
А погодой рулят — паханы.

Не в застенках, не в поле, не в гетто,
А у самых Кремлёвских ворот
Этот вечно незнаемый некто
В секс-притон приглашает народ.

Он твердит про финансовый фактор.
Все слова его — ложь и подлог.
Этот некто — и хитрый редактор,
И, конечно, — отличный стрелок.

Но сегодня он спутал дороги
И вступил за последний предел...
Этот некто — не учит уроки.
Этот некто — уже надоел!

И Иван, светлородный Иваныч,
Грозно крикнул в туманную даль:
«Ты молился ли, пакостник, на ночь?»
Не молился, паскуда?! А жаль...»

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Какие права человека,
Коль нет ни сберкнижки, ни чека?
Какие такие права?
Права захватила братва!
Жульё, олигархов орава
Без совести, чести и права.
Все блага подлунного мира
В кровавых руках рекетира.
Все банки, заводы и шахты.
И все белоснежные яхты...

Коль не завладел капиталом,
Притихни и думай о малом...
Ты — праведный, честный и нищий
Утешься подкинутой пищей,
Придуманной хитростью века —
Борьбой за права человека!

МЫ

Порой, как в преддверии ада,
Живём в перекрёстке проблем...
Мы, жалкие дети распада,
Не верим ни этим, ни тем...

В эпоху чужого насилья,
Когда расплзается тьма,
Обломаны бывшие крылья.
Облганы наши слова.

И в этом распроданном мире
Не нужен наш праведный труд.
Кого-то замочат в сортире.
Кого-то в подъезде взорвут...

Живём осторожно, не ропшем.
Боимся ослушаться власть.
...На торжище этом всеобщем
Мы — самая лишняя часть.

* * *

...Шли, падая возле дороги.
Шли, харкая кровью под ноги.
Шли день. И шли ночь до рассвета.
Шли осень, шли зиму, шли лето...

По тропам, оврагам, по полю
Шли, зубы сжимая до боли.
Голодные слюни глотали.
Упрямые клятвы шептали...

Шли, цену пути понимая.
Шли, беды на грудь принимая.
Шли, панике не поддаваясь.
Шли падая и поднимаясь.

Какая вселенская сила
Простёрлась, над вами радея?
«Ах, что вас ведёт?» — я спросила.
И мне отвечали — «Идея»...

ОСЕННЕЕ

Под осенним крылом небосвода,
Там, где полдень в деревьях увяз,
Захлестнула меня непогода
Ваших хмурых, непристальных глаз...

Может быть, не предвидя ошибку,
И в беспечности этой — правы,
Так опасно скупую улыбку
Обронили нечаянно вы...

И неясную жажду ответа
Вы зажгли, не заботясь о том...
Словно с неба упала комета
И меня зацепила хвостом.

Содрогнулся простуженно воздух.
В бесконечность ушли поезда.
И на Западе — тускло и поздно —
Загорелась ночная звезда.

Ощущенье подземного гула
Прокатилось по облику дня.
Вечным холодом с юга подуло
И осыпало снегом меня.

В никуда полетел ниоткуда
Света дивного огненный снап.
...Это, может быть, просто простуда...
Это, может быть, просто — озноб...

КОМПРОМИСС...

Если слышен гром угроз
Если нам утёрли нос,
Мы — во всём покаемся...
Наш порыв — замолк и скис.

Мы идём на компромисс!
Просто — соглашаемся...

Компромисс — он «дипломат»,
Приоткроет двери в ад,
Где живут чудовища.
Страшно дать крутой ответ,
Страшно крикнуть слово «нет!» —
Потерять сокровища...

Знает истину народ:
Смелость — города берёт!
Гонит неприятеля!
Но над Родиной повис
Этот жалкий компромисс...
Нет подлец предателя!

ГАЗОВЫЕ ЗАРИСОВКИ

Видно, мир зашёл в тупик?
Взрывы. Плач. И детский крик.
Я хочу спросить у вас —
Сколько будет стоить газ?

Сколько будет стоить газ —
Пусть ответит вам фугас,
Пепел выжженной травы,
Смерть соседа, боль вдовы.

Горе беженцев. Позор.
За бугром визгливый ор.
Ложь сплошная — дел и фраз.
Сколько будет стоить газ?

Калькулятор не соврёт.
Кто не верит — тот умрёт.
Кто-то выкрикнет приказ!..
Сколько будет стоить газ?

Закрывайте вентиль бед!
Ждём. И требуем ответ!
Он зависит и от нас...
Сколь будет стоить газ?

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Снег падал, хоть зима кончалась.
Светилось небо — голубым...
И лужа зыбкая качалась,
Как растревожившийся дым.

Уже земля была горячей.
Уже вскрывались устья рек.
Но падал — лёгкий и незрячий —
Невероятно белый снег.

Его у луж клевали птицы,
Приняв за спелое зерно.
Он падал на платки, на лица,
На сквер, на крыши — всё равно...

Трава проклюнулась в газонах.
Стакан с фиалками вспотел.
И пахло йодом и озоном.
А снег — летел, летел, летел...

Слепил глаза и бился в стёкла.
Вдоль улиц вился невпопад.
Белел бульвар, дорога мокла,
Отряхивался старый сад...

Что хочет этот снег болезный?
Уж все чураются его!
Так неразумно, бесполезно
Лететь... и больше ничего!

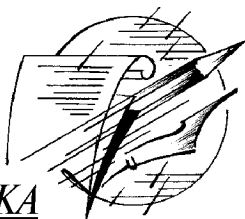
Всё лихорадочней, заметней
Он торопил упрямый бег.
Никто не знал, что он — последний...
А это был — последний снег..

г. Москва

ТРЕТИЙ РИМ ПРОТИВ НОВОГО КАРФАГЕНА

«Русскими варварами» Европу запугивают уже шестое столетие. Вот и теперь мы наблюдаем со стороны Великобритании невероятно злобные и наглые нападки на нашу страну. Даже в условиях развязанной против России ожесточенной информационной войны они поражают своей бешеной злобой и истеричностью, а высказывания первых лиц Англии настолько вызывающи и оскорбительны, что скорее напоминают ругань базарных торговцев, чем поведение государственных деятелей и дипломатов. Полностью игнорируются нормы международного права, Россию забрасывают тяжелейшими обвинениями, не пытаясь руководствоваться не только презумпцией невиновности, но и простым здравым смыслом и обычной логикой.

Мистер Шерлок Холмс в две минуты определил бы, кто стоит за отравлениями в Солсбери, гибелью Литвиненко, Березовского и пр. беглецов из России, распростившихся с жизнью на «туманном» Альбионе. «Это элементарно, Ватсон!», — сказал бы он. Но нашу страну вновь пытаются объявить империей зла, которая якобы угрожает войной всему

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

цивилизированному сообществу. Если раньше русофобию прикрывали борьбой с тоталитарным коммунистическим режимом, то сегодня прямо говорят о том, что во всем на свете виноват весь русский народ. Русские для Запада — «агрессивный тоталитарный народ», который не способен признать и принять демократические ценности.

Действительно, не желает наш народ принимать такие «ценности» свободы и демократии, как права содомитов устраивать парады, эвтаназию и родителей №1 и №2. Европейцев подобная русская нетолерантность и такое проявление «средневековой дикости» искренне возмущают и служат им доказательством того, что Россия никогда не сможет влиться в дружную семью «цивилизированных народов». Русские угрожают всему демократическому сообществу самим фактом своего существования. Мы видим, что попытки России вести с Западом диалог, используя логику и честные правила игры, невозможны. Доказать свою невиновность и завоевать доверие этого т.н. мирового сообщества русские могут только одним способом: исчезнув с лица земли.

Исторический опыт учит, что как только на Западе начинают усиленно пугать свои народы русской угрозой, значит, готовится очередная попытка объединенной Европы посетить нашу землю, чтобы принести в Россию настоящий порядок, а заодно избавить Россию от слишком большой, на их взгляд, территории.

Первая информационная война и попытки сплотить Европу в противостоянии с Россией были сделаны еще в XVI веке во время Ливонской войны. С тех пор европейцев регулярно запугивают «ордами диких московитов». И чтобы предотвратить угрозу неизбежного нашествия «русских варваров» на мирные европейские страны, раз в столетие объединенная Европа высылает свои полки на восток. Где они благополучно находят себе место, «среди нечуждых им гробов».

Причиной последнего нашествия объединенной третьим рейхом Европы на Россию принято считать извечное стремление Германии совершить «дранг нах Остен». Во Второй мировой войне Великобритания и США были союзниками нашей страны в борьбе с нацизмом. Но мы знаем, кто на самом деле вскормил Гитлера и помог создать нацистский рейх для будущей войны с Советским Союзом. Мы помним, как Англия поддерживала гитлеровские планы завоевания жизненного пространства на востоке. Помним, как европейские демократии последовательно скармливали этому рейху Австрию и Чехословакию, а затем и своего союзника Польшу, направляя и подталкивая нацистскую Германию к войне с

Россией. Второй раз за XX столетие англосаксам удалось столкнуть в ожесточенной и кровопролитной войне русских и германцев. В начале войны Германии против СССР вице-президент США Трумен откровенно заявлял: «Если будут побеждать немцы, стоит помогать русским, если верх будут брать русские, надо помогать немцам — и пусть они убивают друг друга как можно больше!»

Для России врага, опаснее, чем англосаксы, нет и не будет. Великобритания и США стоят за двумя страшными мировыми войнами. И судя по всему, готовы развязать третью. Сегодня нельзя забывать слова, сказанные еще в XIX в. знаменитым премьер-министром Британской империи лордом Пальмерстоном: «Как тяжело жить, когда с Россией никто не воюет».

Британия организовала заговор и убийство русского Императора Павла I. Центром заговора против Императора Николая II была резиденция посла Великобритании в Петербурге Джорджа Бьюкенена. В умении плести интриги, организовывать заговоры, разжигать войны и стравливать народы, в искусстве загребать жар чужими руками с англичанами никто не сравнится. Можно вспомнить, как Англия вооружала к началу XX века Японию. На кредиты США строился японский военно-морской флот. А затем Великобритания и США подтолкнули Японию к войне с Российской империей. Можно вспомнить, как после Русско-турецкой войны за освобождение славян 1877—1878 гг. Великобритания на Берлинском конгрессе сделала всё, чтобы лишить Россию плодов победы.

Историю отношений между Россией и Великобританией очень точно определил знаменитый русский военный разведчик и геополитик генерал-майор Алексей Ефимович Едrixин (псевдоним — Вандам). Алексей Ефимович объяснил, что англосаксов очень опасно иметь своим врагом, но еще опасней иметь их своим другом: «Хуже войны с англосаксом может быть только дружба с ним». Поэтому злобная анти-руссийская истерика, которую демонстрируют Тереза Мэй и Борис Джонсон, да и весь британский истеблишмент, для нас менее опасны, чем дружеские объятия и комплименты англосаксонской элиты. Хотя нельзя не заметить явное вырождение к началу XXI века правящего класса Великобритании. Достаточно сравнить откровенного врага России, но великого политика Уинстона Черчилля и «верного пуделя Бушамладшего» Тони Блэра, железную леди Маргарет Тэтчер и Терезу Мэй, напоминающую злобную волшебницу Гингеми,

сэра Остина Чемберлена и бездарного рыжего клоуна из провинциального цирка Бориса Джонсона. Но можно утверждать: кто бы ни стоял у власти в Лондоне (английская королева — всего лишь декоративная фигура), каким бы ни было качество британских элит, у России не будет более опасного и непримиримого врага, чем англосаксонские державы Великобритании и США.

Отношения между Российской и Британской империями, СССР и Великобританией и США принято объяснять извечным противостоянием «цивилизации моря», которую представляют Великобритания и США и «цивилизации суши», которую представляет Россия. Атлантисты постоянно пытаются овладеть Хартлендом — «сердцем Евразии» или «осью истории», которыми, по словам геополитика Хэлфорда Маккиндера, и является территория России. Британский геополитик писал, что морские державы и приморские страны, окружающие континентальный «Хартленд» полумесяцем, находятся в постоянном противостоянии со странами континентальными.

Маккиндер считал, что Хартленд является «великой природной крепостью» людей суши и опасен для доминирования Британской империи из-за его огромных запасов природных ресурсов, из-за его недоступности для основы могущества Великобритании и любой прочей морской державы — военно-морского и торгового флотов. Однако Маккиндер был уверен, что Колумбова эпоха доминирования морских держав подходит к концу. В дальнейшем геополитическая роль Хартленда будет возрастать по мере развития сети трансконтинентальных железных дорог, которые составят конкуренцию флотам морских держав и могут привести к превосходству континентальных держав над морскими. Из этого делается вывод, что для противостояния с Хартлендом всем странам цивилизации моря и внутреннего полумесяца надо объединиться под эгидой Британской империи. Идеи Маккиндера творчески развивали многие западные геополитики, от Хаусхофера до Бжезинского, который откровенно заявил, что «новый мировой порядок будет строиться против России, за счет России и на развалинах России».

«Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); кто контролирует Мировой остров, тот командует миром» — эта максима Маккиндера стала аксиомой и руководством к действию для всех политиков Великобритании и США. В этом, а вовсе не в противостоянии демократических стран и коммунистического

СССР причины создания военных блоков НАТО, СЕНТО, СЕАТО, окружавших историческую Россию — Хартленд. Поэтому весьма странно удивляться, что после крушения Советского Союза и исчезновения Варшавского блока Северо-Атлантический альянс не был распущен, но приблизившись к границам России, стал окружать нашу страну военными базами как удушающим кольцом анаконды.

Но причины противостояния России и англосаксонских держав Великобритании и США имеют не только геополитическую и геостратегическую основу. В основе этого противостояния лежат непримиримые духовные противоречия.

США любят сравнивать себя с Римом, даже здания конгресса назвали Капитолием, по аналогии с Капитолийским холмом, на котором располагался римский сенат. Американцы уверены, что им выпала миссия нести свободу и демократию всем народам мира, как римляне некогда приносили свою культуру и порядок на земли варварских племен.

Но у США гораздо больше сходства не с суровым древним Римом, а с заклятым врагом римлян — финикийской торговой морской державой Карфагеном, сосредоточившим в своих руках огромные богатства и контроль над торговыми путями античного Средиземноморья.

В далеком XVI веке, когда не только не было США, но никто в Европе даже не подозревал о существовании Американского континента, Россию назвали Третьим Римом. Православная Церковь считает, что Первый Рим пал, уклонившись в латинскую ересь. После падения под ударами турок Второго Рима — империи Ромеев Великое княжество Московское осталось единственным свободным православным государством. Старец Филофей написал пророческие слова: «Два Рима пали, Москва — Третий Рим, а четвертому не быть». В 1547 году молодой Государь Иоанн Васильевич в Успенском соборе Московского Кремля венчался на Царство по чину Императоров Византии. Россия приняла на себя Крест служения Православной Империи. Для всех православных народов, находившихся в то время под чужеземным игом, Россия стала преемницей Византии.

Пролетели столетия, но и в XXI веке Россия по-прежнему Третий Рим, а Великобританию и США с полным правом можно считать современным Карфагеном. И потому противостояние между Россией, Великобританией и США неизбежно.

История борьбы в античную эпоху Рима и Карфагена хорошо известна. Со школьной скамьи мы знаем о Пуничес-

ких войнах, помним слова, которыми завершал все свои выступления на заседаниях сената римский полководец Катон Старший: «Карфаген должен быть разрушен!» Но мало кто представляет, что противостояние между Римом и Карфагеном было не только соперничеством между двумя могущественными языческими державами древнего мира за доминирование в Средиземноморье и за торговые пути. Чтобы понять причины этого смертельного противостояния, необходимо знать, чем отличались культуры и традиции Рима и Карфагена. Попробуем вспомнить, что представлял собой Карфаген и как могла развиваться история Европы, если бы финикийцы-карфагеняне победили Рим. И попытаемся доказать, что у Британской империи очень много общего с древним Карфагеном.

Карфаген — могущественное и богатейшее государство древнего мира. Город основан в Северной Африке как торговая колония купцов из финикийских городов Тира и Сидона. В первое время предприимчивые финикийские торговцы платили дань царям соседних племен. Но вскоре благодаря ловкой политике, подвижному уму и хитрости подчинили себе все окрестные народы. Финикийцы были замечательными мореплавателями и, как все семитские народы, обладали природными способностями и склонностью к торговым делам. Постепенно многочисленные колонии Карфагена появились не только в Северной Африке, но и по всему Средиземноморью.

Карфаген сумел распространить свою власть на все финикийские колонии и живущие на этих землях туземные племена. На Иберийском полуострове для Карфагена добывали драгоценные металлы, вывозили шерсть, рыбу, ловили у испанских берегов пурпурные раковины. Испанские владения Тира, имевшие своим центром богатый Гадес, подчинились Карфагену — или добровольно, или по принуждению. Подчинились и финикийские колонии на Балеарских и Питиузских островах. Богатство всех этих торговых городов и сокровища испанских рудников стекались теперь в Карфаген. Покорились карфагенянам и финикийские колонии на итальянских островах, в Сардинии, Корсике, Сицилии, на Мальте. Туземные племена платили Карфагену дань, в город стекалось огромное количество серебра, самых разнообразных товаров. Могущество и богатство Карфагена неуклонно росло.

Вспомним историю Великобритании. Разве распространение влияния Карфагена в Средиземноморье не напоминает захват англичанами заморских колоний во всех частях

света и рост могущества Британской империи за счет грабежа туземцев и выкачивания ресурсов из этих стран?

После того как финикийцы упрочили свою власть и распространили свою культуру на окрестные земледельческие и пастушеские племена, образовался новый народ — ливофиникийцы.

Ливофиникийцы и нумидийские племена платили Карфагену подати, снабжали город продовольствием, были моряками, работниками и носильщиками, из местных племен карфагеняне набирали наемников в свое войско. Огромные доходы от выгодной торговли позволяли Карфагену содержать многочисленную наемную армию. Ливофиникийцы составляли пехоту, нумидийские племена поставляли наемную конницу, наемников набирали из всех племен и народов Средиземноморья, от греков и кельтов до иберов Испании и лигурийцев. В войсках Карфагена сражались и отважные кельты-галлы, знаменитые болеарские пращники, стремительная легкая конница кочевников-нумидийцев. Армия была оснащена самыми современными на то время боевыми орудиями, баллистами и катапультами, использовались боевые слоны. И, конечно же, Карфаген обладал мощным флотом.

Великобритания — владычица морей также обладала самым большим флотом и так же, как Карфаген, всегда использовала в войнах наемную армию. Иными были воинские традиции в Древней Греции и Риме. В отличие от финикийского Карфагена в городах-полисах Эллады правом голоса на ареопаге обладал только тот мужчина, который в случае войны занимал свое место в боевом строю фаланги. Во время расцвета Рима каждый свободный гражданин должен был нести воинскую службу в прославленных римских легионах. Защита Отечества была священным долгом для римских граждан. В период упадка Рима в легионы стали набирать наемников — германцев и галлов, — что и привело со временем к гибели Римской империи под ударами варваров.

В США и Великобритании сегодня тоже наемные армии. В России защита Отечества — священный долг гражданина.

Алчность и неумное стремление к наживе карфагенских торговцев часто вызывали возмущение и приводили к восстаниям подвластных Карфагену племен. Восстания подавлялись с особенной жестокостью и свирепостью. Карфагеняне даже для той эпохи проявляли поразительную безжалостность к народам, попавшим под их власть.

Вспомним подавление англичанами восстания сипаев в Индии, жестокое истребление ирландцев, первые в мире концлагеря, созданные британцами во время англо-бурской войны. Методичное и жестокое уничтожение Оливером Кромвелем населения Ирландии, во время которого было убито больше половины населения страны, а десятки тысяч были отправлены на галеры или рабами в колонии — самый настоящий геноцид. А первые концлагеря, в которые англичане сгоняли всё население Трансвааля и Оранжевой республики, в том числе женщин и детей, — предшественники нацистского Освенцима. Бесчеловечность и цинизм англичан по отношению к другим народам не имеют предела.

В XIX веке Великобритания наладила поставку опиума в Китай, взамен вывозила золото, драгоценности. Поставки в Китай наркотиков приносили Англии огромную прибыль. Миллионы китайцев превращались в несчастных инвалидов, погибали от наркотиков. Когда император Китая, чтобы спасти миллионы своих подданных от медленной смерти, запретил торговать на территории страны опиумом, Англия объявила войну Китаю. В ходе опиумных войн Китай потерпел поражение, и англичане отвоевали себе право торговать опиумом и продолжать наживаться на смерти миллионов китайцев. Огромную прибыль от торговли опиумом получала и королевская семья Великобритании. Британский консул в Китае Джефф Херст объяснил, что кроме прибыли от торговли наркотиками Англия преследует и стратегические цели: «Пока Китай остаётся нацией наркоманов, нам не стоит бояться того, что эта страна превратится в серьёзную военную державу, так как эта привычка высасывает из них жизненную силу». Фактически Британская империя в опиумных войнах выступила как преступное государство-наркомафия.

В годы британского правления в Индии миллионы людей в стране умирали от голода. Сегодня современный Карфаген в лице США и Великобритании ради своих коммерческих интересов разгромил Ирак и Ливию, предав смерти сотни тысяч мирных жителей, и пытается уничтожить Сирию руками террористов из созданного и вскормленного новым Карфагеном псевдоисламского халифата. За годы пребывания армии США в Афганистане в стране в десятки раз выросли посевы опиума. Наркотики потоком идут в Европу и Россию.

В алчности и жестокости цивилизованные англичане ничем не уступают торговцам языческого Карфагена.

Карфагеняне не только были превосходными мореходами, но обладали предприимчивостью, прибыль получали не

только торговлей, но и пиратством, беспощадным грабежом заморских колоний и жестокостью в обращении с туземцами.

У жителей Карфагена были и достоинства. Карфагеняне были людьми одаренными, умными, обладали сильной волей. Но эти качества сочетались у них с неудержимым стремлением к власти и господству над другими народами.

Каждый, кто знаком с историей Великобритании, не может не заметить поразительного сходства жителей Британских островов с карфагенянами. У англичан также было немало качеств, достойных уважения. Как и карфагенян, жителей Британии отважная предприимчивость привела к великим открытиям, нашла торговые пути в далекие неведомые страны. С полным основанием можно сказать о британцах, что они одарены сильным умом и что их практический ум усовершенствовал многие изобретения и содействовал тем развитию человеческой культуры. Но, как и карфагеняне, британцы обладают сильной волей и неудержимым стремлением властвовать над другими народами. И точно так же британцы на протяжении своей истории стремились и силой, и хитростью устранить другие народы от участия в их торговле и нередко занимались пиратством. В Британии королева Елизавета I даже возводила наиболее удачливых пиратов в рыцарское достоинство.

Словами «пуническая добросовестность» или «пуническая честность» в древности называли вопиющее коварство и вероломство. Но не менее известны миру вероломство и коварство Великобритании. Вспомним знаменитые слова лорда Пальмерстона: «У Англии нет ни постоянных союзников, ни постоянных врагов. У Англии есть только постоянные интересы».

Но всё же существует очень важное отличие Великобритании от Карфагена. В Карфагене было развито поклонение тёмным культам, приносились человеческие жертвы идолам, которые даже среди божеств языческих племен отличались особенной кровожадностью. Особенностью религии Карфагена было приношение детей в жертву Молоху и Ваалу. Согласно словам Диодора Сицилийского, в 310 году до н.э. во время атаки города, чтобы умиротворить Ваала Хаммона, карфагеняне принесли в жертву более 200 детей из знатных семей. В 1921 году археологи обнаружили место, где были найдены несколько рядов урн с обуглившимися останками как животных (их приносили в жертву вместо людей), так и маленьких детей. Место назвали Тофет. Захоронения находились под стелами, на которых были записаны просьбы, сопровождавшие жертвоприношения. Подсчитано, что в этом

месте находятся останки более 20 000 детей, принесённых в жертву всего лишь за 200 лет.

Разумеется, невозможно сравнивать христианскую страну, «добрую старую викторианскую Англию», известную строгими пуританскими нравами, с мрачным языческим Карфагеном с его кровавыми культами. Ни в коем случае не собираюсь ставить знак равенства между финикийцами и жителями Британских островов. Во-первых, хотя до Британии в древности добирались финикийские купцы и устраивали там свои торговые фактории, но острова первыми заселили пикты, о происхождении которых спорят, затем в Британию переселились племена кельтов — скотты-шотландцы, бритты, а за ними на остров пришли германцы — англ и саксы, в эпоху походов викингов появились поселения датчан и норвежцев. От кельтов и германцев британцы унаследовали воинственность, храбрость, от викингов им достались умение строить корабли, мужество и упорство мореходов, покорявших суровые северные моря, и страсть к открытию новых земель. Британцам никто не сможет отказать в твердости характера, отваге, железной воле и нестигаемом упорстве в достижении цели, замечательном хладнокровии и выдержке, стойкости и мужестве. Именно эти качества, которые воспевал Джек Лондон, позволили британцам создать империю, «над которой не заходит солнце». Но самое главное отличие англичан от карфагенян — финикийцы поклонялись кровожадному Молоху и Астарте, а британцы — христианский народ. И русские, и англичане особенно почитают святого Георгия Победоносца. В Англии считают святого Георга небесным покровителем народа. Сегодня одним из символов России является георгиевская лента. В Шотландии, как и в России, считают небесным покровителем страны святого апостола Андрея Первозванного. В Британии просияли многие святые подвижники первых веков христианства, британцы дали миру немало святых неразделенной Церкви, англичане — короля Эдуарда, ирландцы — святого Патрика. Британцы — народ, создавший великую христианскую культуру. Имена таких христианских писателей, как великий Уильям Шекспир, Вальтер Скотт, Чарльз Диккенс, Гилберт Честертон, Клайв Льюис очень дороги нам, их творчество близко православным русским людям. Мы любим Роберта Бернса и Джорджа Байрона, Артура Конан-Дойла и Бернарда Шоу, любимся полотнами Томаса Гейнсборо, Уильяма Тернера и прерафаэлитов. С детских лет мы зачитывались легендами о короле Артуре и благородных рыцарях Круглого стола, восхищались доблестным рыцарем Айвенго и

Квентином Дорвардом, храбрым Ричардом Львиное Сердце и славным Робин Гудом. Сами англичане не раз отмечали явное сходство русских со своими соседями и соотечественниками, подданными Соединенного Королевства — шотландцами и ирландцами. Русские очень хорошо чувствуют английскую культуру. Не случайно русские экранизации Шекспира «Гамлет» и «Король Лир» Григория Козинцева считаются лучшими в мире. Англичане самым высоким образом оценили и Шерлока Холмса Василия Ливанова и доктора Ватсона Виталия Соломина.

Никто не станет оспаривать огромный вклад народов Великобритании в мировую культуру, английские ученые совершили множество великих научных открытий. Английские путешественники известны упорством, неукротимым нравом и прославились многими географическими открытиями, английские поселенцы заселили Северную Америку, Австралию, Новую Зеландию, основывали колонии в Африке. Английские инженеры известны многими изобретениями, не случайно Британию называли «мастерской мира». До 1945 г. Британская империя считалась самой обширной и могущественной державой мира.

Так почему же мы считаем возможным нынешнюю Великобританию, известную любовью к своей королеве и приверженностью старинным традициям, одну из последних сохранившихся в Европе монархий, называть современным Карфагеном? И в чём причины столь явного сходства истории Британской империи и древнего Карфагена, алчности и жестокости англичан, в которых они не уступают поклонникам Молоха и Астарты из финикийского Карфагена? Ведь не только в том, что Британия остров и так же, как Карфаген, принадлежит к «цивилизации моря», обреченной по теории Маккиндера противостоять континентальным державам «цивилизации суши»? Для того чтобы в этом разобраться, необходимо обратиться к истории двух итальянских городов-государств, которые с полным правом можно считать Карфагеном средневековой Европы, — Венеции и Генуи.

В Средние века Англия была обычной европейской католической страной, как и Франция, Испания, Швеция, Польша. Большинство стран Северной и Центральной Европы, а также часть Италии входили в Священную Римскую Империю Германской нации. На все королевства, герцогства, княжества распространялась духовная власть римского первосвященника. Несмотря на то, что латинский Рим был заклятым врагом Православной Церкви, все эти страны, не-

сомненно, были христианскими, а европейские короли, герцоги и князья — христианскими государями.

Но в конце XVI века в Нидерланды и на Британские острова перебралась из Венеции, как сегодня бы сказали, финансовая элита Европы. И началось превращение христианского Английского королевства в торгашеский Карфаген.

В то время Венецианская республика была оплотом ростовщичества и работорговли в Европе. В XII веке Венеция, город на островах лагуны синей Андриатики, и Генуя, город на берегу Лигурийского моря, становятся самыми богатыми морскими купеческими городами-государствами. Все мужское население городов объединяет одна цель — поиск новых торговых путей и стран, где можно выгодно торговать. В торговые компании объединяются и землевладельцы-нобилы, знатные патриции и купцы, ремесленники Венеции и Генуи. Предприимчивость и ловкость ближневосточных торговцев сочетается в генуэзцах и венецианцах с упорством и мужеством норманнов, целеустремленностью и настойчивостью римлян. Обладающие мощным флотом Генуя и Венеция особенно обогащаются во время Крестовых походов.

С началом IV Крестового похода на острове Лидо близ Венеции были собраны отряды рыцарей из Италии, Франции, Лотарингии, Германии, Англии. Венецианцы и генуэзцы по договору должны были на своих кораблях перевезти воинов в Святую Землю. В ожидании похода рыцари брали у купцов займы золото и серебро и скоро оказались должны Венеции немалую сумму. Полуслепой венецианский дож, старый хитрец Энрико Додоло подсказал рыцарям, как они могут расплатиться с долгами.

По благословению Рима флот с крестоносным воинством направился не в Палестину, а к Константинополю. Разгром, учиненный в Константинополе рыцарями-крестоносцами, превзошел своей жестокостью погром Рима вандалами. «Латиняне наконец-то утолили ненависть к византийцам грабежом и жестокой резней мужчин, женщин и детей», — пишет очевидец. «Латиняне не щадили ни веры, ни пола, ни возраста», — спокойно подтверждает папа Иоанн III. В пламени пожаров гибли удивительные произведения византийских мастеров, было разбито множество прекрасных античных статуй, сохранных ромеями, горели бесценные рукописи константинопольских библиотек. Латиняне безжалостно грабили и оскверняли храмы православных греков — еретиков-«схизматиков», как называли православных в Риме.

Громили раки с мощами святых, обдирали золото и серебро с икон. Разрубленные на куски серебряные ковчеги, ок-

лады с икон, прекрасной работы священные сосуды, чаши и потиры переплавляли на кострах в слитки золота и серебра. Всё, что не могли увезти, с яростью уничтожали и жгли.

Из Константинополя было вывезено множество святынь. В Риме это назвали священным грабежом. Бесценные христианские реликвии и святыни, мощи многих угодников Божиих, хранящиеся сегодня в соборах Франции и Италии, похищены в 1204 году из разгромленного Константинополя. Многие рыцари относились к святыням без особого благоговения. Рыцарь Ансельм де Кабль, захватив Терновый Венец Спасителя, заложил величайшую святыню венецианским купцам. Венецианцы сумели оценить святыню в золотых монетах и продали Терновый Венец с запекшейся Святой Кровью Христовой королю Франции Людовику IX...

Но главной добычей крестоносцы и венецианцы считали, конечно, золото. Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, в хронике «Завоевание Константинополя» пишет с восторгом: «Со времени сотворения мира не было никогда в одном городе захвачено столько добычи!» Крестоносец Роббер де Клари хвастливо заявляет: «И в 40 самых богатых городах не нашлось бы столько добра, сколько было найдено в Константинополе». Венецианские и генуэзские купцы скупали у рыцарей награбленное, радостно потирая руки и подсчитывая баснословную прибыль. Из захваченного золота в Венеции чеканили собственную золотую монету — цехины.

На сокровищах из разграбленной и разгромленной столицы Восточно-Римской империи строилось благополучие Венеции и Генуи. Награбленное в Константинополе золото стало основой для стремительного роста богатства двух городов, известных центров торговли и ростовщичества.

Не только невероятное количество золота и серебра радовало купцов Венеции и Генуи. Был уничтожен главный соперник в торговле на Средиземном и Черном морях — Византия. Венеция и Генуя прибирают к своим рукам всю торговлю Европы с Востоком. Отныне из стран Леванта (Сирии, Ливана, Египта), «левантийские товары» (пряности, шелк, жемчуг, драгоценные камни) поставляли в Европу лишь венецианские и генуэзские купцы. Прибрали они к рукам и торговлю на Черном море.

Венеция и Генуя становятся могущественными государствами. Флот Венеции состоит из 3000 кораблей. В роскошных мраморных палаццо заседают дожи Венеции — самые богатые из европейских владык. Генуэзцы и венецианцы, одержимые страстью к наживе, не только предприимчивые и

оборотистые купцы, но и хитрые менялы денег, жестокие, жадные и безжалостные ростовщики. В христианских странах давать деньги в рост считалось греховным занятием. Этим занимались иудейские общины. Из-за жадности ростовщиков нередко вспыхивали в европейских странах народные волнения. В иудейских общинах придуманы были «бумажные» деньги — расписки о долгах-займах. По этим распискам-векселям в любом городе Европы иудейская община могла расплатиться золотом. Золото и ростовщичество были оружием иудейских общин в христианских странах. И генуэзцы вместе с венецианцами в совершенстве научились владеть этим оружием. Венеция и Генуя становятся столицами европейских ростовщиков. Венецию называют «хозяйкой всего золота христианского мира». Банки выдают ссуды европейским государям, под залог земель, откуп налогов, церковную десятину. Все европейские государи, чеканящие собственные монеты, зависят от Генуи и Венеции. Банкиры-ростовщики наживают огромные состояния.

Из Каффы и Солдаи-Сурожа генуэзцы вывозят зерно и русские меха, мёд и воск, кожу, лен, перекопскую соль, соленую рыбу, икру. Восточные караваны привозят пряности, шелк, драгоценные камни. Но особую прибыль приносит генуэзцам торговля людьми. Ордынцы пригоняют в Каффу толпы пленников, захваченных в походах. Итальянские купцы, наживаясь, перепродают рабов в страны Аравии, в Египет. В генуэзских документах того времени предметами торговли названы «земли, товары, люди». Купцы из Венеции и Генуи спокойно продают пленных христиан в рабство в мусульманские страны. Тысячи и тысячи угнанных степняками во время бесчисленных «татарских ратей» из разгромленных русских городов и селений пленников прошли через невольничьи рынки Каффы. После того, как Крымское ханство становится вассалом Османской Порты, венецианцы наладили тесное взаимовыгодное сотрудничество с турецкими работорговцами. Венеция и Генуя были самыми крупными центрами работорговли.

В новое время уже английские работорговцы, словно продолжая традиции венецианцев, миллионами завозили африканских рабов в Северную Америку. По пути через Атлантику в набитых «живым товаром» тесных трюмах умирали тысячи чернокожих невольников. Но для британцев они были не людьми, а товаром.

Венеция называлась республикой. Но на самом деле в Венеции властью обладали лишь очень богатые кланы олигархов, которые были тесно связаны с банкирами и ростовщи-

ками. Именно они выбирали правителя — дожа, формировали высший совет города-государства.

В средневековой Венеции воплотился дух древнего Карфагена — государства торговцев и финансистов. Этот дух алчности и наживы венецианские банкиры принесли в Англию в XVI в.

С началом эпохи географических открытий были проложены новые морские пути на Восток, была открыта Америка, португальцы открыли путь в Индию вокруг Африки. В Европу на португальских и испанских каравеллах стали прибывать невиданные прежде сокровища из Америки и Индии, золото, серебро, пряности. Средиземноморские торговые пути не выдерживали конкуренции. Но мы видим, что в это время самыми богатыми государствами Европы становятся почему-то не Испания и Португалия, а Нидерланды, Антверпен был самым процветающим городом Европы тех времен.

Объясняется это очень просто. Из Венеции банкиры, которые контролировали все финансовые потоки Европы, перебираются в протестантские страны. Для банкиров, среди которых было немало евреев-маранов, оказалось гораздо легче найти общий язык с лютеранами и кальвинистами, чем с католиками. Тем более, что у банкиров из Венеции и Генуи были налажены тесные связи с иудейской диаспорой Северной и Центральной Европы, среди которой было немало влиятельных людей.

Несмотря на ненависть простых людей к ростовщикам и вспыхивающие народные волнения, которые порой приводили к изгнанию евреев, иудейские банкиры финансировали многих князей и монархов и пользовались большим влиянием при дворах европейских правителей.

Естественно, с перемещением банкиров из Венеции на север Европы вместе с ними в эти страны пришли значительные капиталы. И в это же время в Европе начинается Реформация. Лютер в Германии, Кальвин в Швейцарии начинают борьбу с римо-католической церковью, одна за другой возникают различные секты. Лютеране, кальвинисты и католики ожесточенно режут друг друга, кровавые религиозные войны опустошают страны, входившие в Священную империю Германской нации, во Франции с остервенением убивают друг друга католики и гугеноты. Население Германии после этих войн сократилось на две трети.

Переселение в Англию т.н. Венецианской партии совпадает с разрывом короля Генриха VIII с католической церк-

вью. Генрих VIII закрывает монастыри, конфискует церковное имущество, оскверняет мощи святых, жестоко расправляется со своими противниками. Сторонник английской реформации и ближайший сподвижник короля Томас Кромвель тесно связан с венецианскими финансистами, перебравшимися в Англию.

Венецианскую партию и английских купцов-протестантов прочно связывают общие интересы и стремление к стяжательству, ведь протестанты уверены, что богатство — признак того, что человек угоден Богу.

Нельзя сказать, что все в Англии принимали венецианцев с большой любовью. Наиболее точно изобразил венецианского ростовщика в образе Шейлока Вильям Шекспир в своей пьесе «Венецианский купец». Но взаимовыгодные интересы заставляют многих представителей английского дворянства забыть о кодексе рыцарской чести.

Географическое положение Британских островов дает возможность свободного выхода в Атлантику. С помощью капиталов венецианских банкиров в Британии создают Венецианскую компанию. Вскоре под контролем венецианцев в Британии создается Левантийская торговая компания, которая, используя старые связи, укрепляется в Восточном Средиземноморье, получая важные привилегии у своих давних партнеров по торговле невольниками — турок-османов.

Затем обе эти компании сливаются, и на их основе в 1600 году создается знаменитая Британская Ост-Индская компания. Компания начинает энергично осваивать сказочные для европейцев богатства Индии, закладывая основы могущества Британской империи.

Именно в это время Великобритания превращается в мощную торгово-финансовую империю, чье благополучие, как некогда благополучие древнего Карфагена, будет выстроено на сильном и многочисленном морском флоте и безжалостном грабеже колоний. Ресурсы колоний и рабский труд на мануфактурах и в работных домах бедных слоев английского общества, в том числе и детей, способствовали быстрому развитию промышленности, Британия становится «мастерской мира».

Индию с тех пор называют жемчужиной британской короны. Активная эксплуатация древней страны белыми сахибами в пробковых шлемах прекратится лишь в 1947 г. с обретением Индией независимости.

Союз венецианских банкиров-маранов и части родовой английской аристократии закрепляется перекрестными бра-

ками. В Англии возникает правящий слой, сплоченный общими интересами, среди которых главным является страсть к наживе и поиск новых колоний. О том, кто на самом деле управлял в то время Англией и продолжает управлять в наши дни, лучше всех сказал еще в XVI веке Государь Иоанн Васильевич Грозный. В своем послании королеве Елизавете I русский Царь пишет: *«Мы чаяли, что Ты в своем государстве государыня, что Ты сама правишь... Поэтому мы и хотели с Тобюю такія дела делати! Ажно у Тебя помимо Тебя правят люди государством, да и не то, что люди, а мужики торговые, а Ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица»*. Русский Царь очень точно определил, что подлинной властью в Англии обладают даже не аристократы, но мужики торговые, а королева — пошлая (простая) девица, а не настоящая Государыня. Государь Иоанн Васильевич был возмущен тем, что послы английской королевы не стремятся выстраивать прочные отношения между двумя государствами, но купцы Ост-Индской компании, алчные «торговые мужики» ищут только возможности получить прибыль от торговли в России. Английские купцы не сообразили, что так себя вести с русским Царем нельзя. Государь Иоанн Грозный не только не позволил пронырливым торговцам Ост-Индской компании развернуться на Руси, но решительно прекратил дипломатические отношения с Англией: *«А мужики торговые, которые отставили наши государския головы, посмотрят, как учнут торговати!.. Покамест Московское государство и без аглицких товаров не скудно было... После этого нам нечего продолжать с Тобюю сношений: все наши грамоты, которыми мы давали по сей день, не в грамоты»*.

Надо заметить, что сказки о том, что Царь Иоанн Васильевич якобы сватался к королеве Елизавете и, получив отказ, обиделся, не имеют под собой основания. Дело было в том, что Государь разгадал замыслы хозяев Ост-Индской компании организовать не честную взаимовыгодную торговлю, а грабеж России.

До сих пор многие восхищаются преданностью англичан своей королеве, разводами королевских гвардейцев в медвежьих шапках у Букингемского дворца, венчанием членов королевской семьи в Вестминстерском аббатстве. Как бережно на протяжении столетий сохраняют британцы монархические традиции!

Но на самом деле еще с XVI века Великобританией правит не королева, а алчные «торговые мужики» и финансисты-ростовщики. А британская монархия — красивая декора-

ция, за которой скрываются подлинные властители страны, финансисты и бизнесмены, обитающие в деловом центре страны Лондон-Сити. В Лондоне до сих пор находится главный центр управления мировой глобальной экономикой.

Лондон-Сити управляет знаменитыми британским офшорами — прачечными по отмыву денег. Британские Виргинские острова, Британские территории в Индийском океане, о. Мэн и многие другие офшоры находятся под управлением Англии. Великобритания и США — крупнейшие офшорные зоны, где по некоторым оценкам находится астрономическая сумма 36 триллионов долларов. Эти деньги вывезены из ограбленных т.н. развивающихся стран, к которым, кстати, они относят Россию и Китай. Британская корона получает прибыль от деятельности офшоров. Недавно стало известно, что королева Елизавета II выводила миллионы в офшоры, где они потом через различные компании раздавались под огромные проценты нуждающимся. Королева-процентщица, которую связывают общие интересы с торговцами мужиками-спекулянтами? Удивительно точно определил суть британской монархии русский Царь Иоанн Грозный!

Сегодня большинство офшорных компаний контролируется британской короной. Одной из самых известных офшорных зон является Гибралтар, который Англия начала отвоевывать у Испании еще при Оливере Кромвеле. На Гибралтаре в свое время находилась колония финикийцев-карфагенян. Традиции карфагенян и венецианских банкиров продолжают британские финансисты. По оценкам экспертов 80% всех капиталов, которые находятся на счетах в офшорах, принадлежат 0, 01% богатейших семейств.

Если вспомнить отношение правящего класса Англии после переселения венецианцев к собственному народу, знаменитые «огораживания», когда «овцы съели людей», а десятки тысяч согнанных со своей земли бездомных крестьян вешали за бродяжничество, то можно подумать, что элита Англии ненавидит свой народ и ведет себя словно в завоеванной стране. Причем правящий класс Британии относится с такой жестокостью не только к шотландцам и ирландцам, которых покоряют силой оружия, но и к своим же английским крестьянам. Корни такой патологической жестокости имеют духовные причины. Грех алчности и желание получить прибыль любой ценой делают новую элиту безжалостной и равнодушной к страданиям простого народа, еще недавно вольных английских йоменов.

В это время в Англии огромную роль начинают играть «вольные каменщики». Великая ложа Англии является ста-

рейшей и до наших дней самой многочисленной масонской ложей. «Вольные каменщики» привлекают в свое сообщество людей возможностью получить различные тайные знания, завести нужные знакомства и получить поддержку влиятельных тузов. В братствах «вольных каменщиков» встречаются представители английской аристократии, купцы и промышленники.

Масоны всегда играли огромную роль в английской революции. Именно в Британии впервые был казнен своими подданными христианский монарх король Карл I. Великая ложа Англии активно поддерживала своих братьев по масонским ложам во Франции и щедро финансировала Великую французскую революцию. Под масонскими лозунгами «свободы, равенства и братства» якобинцы залили Францию кровью, были казнены король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта, не останавливаясь работала гильотина, творились невероятные зверства. Во Франции был произведен жесточайший погром католической церкви, разорвались монастыри, осквернялись и сжигались мощи святых, уничтожались древние христианские реликвии. Постепенно масонские ложи появились во всех государствах Европы, «вольные каменщики» прочно обосновались при королевских дворах, среди масонов было много представителей высшего общества и государственных чиновников.

Все европейские монархи Западной Европы, начиная с Карла Великого, в различной степени считали себя наследниками Римской империи. После победы над Наполеоном русский Император Александр I пытался создать Священный Союз для того, чтобы защитить Европу от богоборческих революций. Но главной целью «вольных каменщиков» было уничтожение монархической формы правления как традиционной христианской государственности. Без этого им было сложно вести «борьбу с клерикализмом» — войну с Церковью Христовой. Монархию было разрешено оставить только в Англии, которая являлась и является до наших дней оплотом масонства.

Нетрудно проследить масонский след во всех революциях, которые сотрясали континентальную Европу. Как во всех потрясениях и революционных переворотах легко заметить британский след. Лондон не случайно собирал у себя революционеров любых мастей из всех европейских стран. В конце концов после развязанной Первой мировой войны масонам удалось сокрушить христианские монархии в Европе. Были разрушены Австро-Венгерская империя, Германская империя и главный враг и соперник Великобритании — Рос-

сийская империя. И в это же время необыкновенно усиливают свое влияние в мире Соединенные Штаты Америки — бывшая британская колония.

После того как английские пуритане переселись в Северную Америку, «вольные каменщики» создают свое государство на новой земле, надежно отрезанной океаном от Европы, где всё еще сохраняли идею христианской монархии. В США финансисты и банкиры наконец смогли воплотить все свои замыслы по управлению государством. Британская империя и ее бывшая колония в Северной Америке вместе сегодня образуют новый Карфаген — хищную цивилизацию банкиров-ростовщиков и торговцев, которые, используя контроль над финансовыми ресурсами, стремятся управлять миром. Некоторые эксперты не могут решить, кто в этом тандеме ведущий, а кто ведомый: сверхдержава США или же небольшая Великобритания. Но это не столь важно.

В результате двух мировых войн, спровоцированных Англией, стремительно разбогатели США. Уолл-стрит в Нью-Йорке становится наряду с Лондон-Сити главным финансовым центром мира.

На кровавых войнах, развязанных в Европе, наживались американские банкиры. После того как за океан были перемещены финансовые ресурсы из разоренной Европы, США необыкновенно укрепили свое влияние в мире. А после создания Федеральной резервной системы банкиры нового Карфагена получили мощный инструмент влияния на экономику других стран. Старые схемы и приемы закабаления людей ростовщиками успешно применялись в мировой политике. Но после победы Советского Союза в 1945 г. колониальная система постепенно была демонтирована.

Но современный Карфаген сумел отработать новые схемы и способы эффективного выкачивания ресурсов из других стран и эксплуатации туземных народов. В этих схемах задействованы такие западные структуры, как МВФ и другие подобные организации, а за природные ресурсы и товары Карфаген расплачивается напечатанной в неограниченных количествах нарезанной зеленой бумагой с портретом американского президента и усеченной масонской пирамидой с «всевидящим оком».

Под властью нового Карфагена происходит уничтожение христианской цивилизации, стремительная духовная деградация и моральное разложение европейских народов. В Карфагене приносили детей в жертву Молоху и Ваалу. Лекарства из убитых на поздней стадии беременности младенцев — это

дети, приносимые современными карфагенянами в жертву идолу «золотого тельца» и разврата.

Историю становления и деятельности нового Карфагена можно проследить на примере двух семейств финансовых магнатов: банкиров Варбургов и Шиффов. Эти два семейства известны тем, что активно финансировали революционное движение в Российской империи и объявили русского Царя Николая II своим личным врагом.

В 1480 году в Венеции обнаруживается некий Ансельмо Ашер Леви дель Банко, богатый ростовщик и глава еврейской общины Венеции. Со временем банкир Ансельмо с семьей переместился в немецкий город Варбург, название которого взял в качестве фамилии вместо итальянского прозвища Банко. В XIX веке Варбурги создают банки в Лондоне и Нью-Йорке. Интересно, что возвышение семейств знаменитых Ротшильдов и Варбургов происходит одновременно и совпадает с кровавой революцией во Франции. Варбурги открыли в Гамбурге банк в 1798 году, в том же 1798 году Ротшильд открыл представительство своего банковского дела в Лондоне. И Варбурги, и Шиффы были тесно связаны с Ротшильдами. Когда-то Шиффы жили в одном доме с основателем финансовой империи Ротшильдов. Связи могущественных банкиров Ротшильдов, Варбургов, Шиффов с масонами общеизвестны, влияние финансовых магнатов на политическую жизнь и все события, которые сотрясали Европу, никто не станет отрицать. Всем известна роль Шиффов и Варбургов в крушении Российской империи и Екатеринбургском злодеянии — изуверском убийстве семьи русского Императора Царя-Мученика Николая, Царицы Александры, Цесаревича Алексея, Царевен Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии.

Все эти кланы переплетены родственными связями. Пол Варбург в 1895 году женился на дочери Соломона Лёба, основателя франкфуртского, а затем американского банка Kuhn, Loeb & Co, директором которого был Якоб Шифф, женившийся на другой дочери Соломона Лёба. А брат Пола Варбурга Феликс женится на дочери Якоба Шиффа. Якоб Шифф и Пол Варбург были основателями Федеральной резервной системы США. Идея создания ФРС приписывается Полу. Пол и Якоб были участниками тайного совещания банкиров на острове Джекил в 1910 году. В 1913 году закон о создании Федрезерва был хитрым обманом принят меньшинством Конгресса и утвержден президентом Вудро Вильсоном.

Что мы видим в истории семейств Варбургов и Шиффов: Венеция, ростовщичество, банки, затем Лондон, Нью-Йорк,

основание ФРС и непримиримая ненависть к православной Российской империи — Третьему Риму. Типичные представители международной финансовой элиты, которая составляет тайное мировое правительство, желающее вершить судьбы мира и управлять народами.

Новый Карфаген в XX веке дважды одерживал победы над Третьим Римом — Россией. В начале столетия Британии удалось развязать войну между континентальными державами, разгромить Германскую и Австро-Венгерскую империи и в результате заговора российской элиты, состоявшей в масонских ложах, уничтожить своего главного врага — Российскую империю. Но увидев, что Россия сумела уцелеть после революционного погрома, новый Карфаген привел к власти в Германии нацистов. А затем, направив Гитлера на восток, вновь столкнул в страшной войне два самых опасных для Англии народа — русских и немцев. Россия разгромила врага и водрезала Знамя Победы над рейхстагом. Советский Союз восстановил разоренную войной страну, создал ядерный щит, Юрий Гагарин полетел в космос. Воевать с Советским Союзом было невозможно. Но Британия за многие столетия наработала огромный опыт тайных операций, заговоров, интриг. В конце XX века новому Карфагену удалось развалить Советский Союз, разделить и обескровить историческую Россию. Получив свободный доступ к ресурсам нашей страны, они организовали немыслимый грабёж России. Стоимость вывезенных из России ресурсов и денег исчисляется триллионами долларов.

Новый Карфаген в лице мирового правительства из банкиров и глав транснациональных корпораций сумел решить главную задачу. Мир стал однополярным и, как им казалось, навсегда. Процессам глобализации, за которыми стоит Карфаген, никто не в силах противостоять. Американский философ Фрэнсис Фукуяма, активный поборник либеральной демократии, предсказывал, что после крушения СССР в мире восторжествуют ценности западного мира и наступит конец истории. В торжестве по всему миру демократии и универсальных западных ценностей Фукуяма видел финальную точку развития человеческого общества. Это означало, что идеология и ценности Карфагена должны были быть навязаны всем странам и народам. И мы видели, как американцы несут эти ценности авианалетами и ударами крылатых ракет.

Всех, кто проявлял малейшее непослушание и мог угрожать выстроенной системе грабежа и перемещения ресурсов в страны «золотого миллиарда», наказывали с присущей кар-

фагениям жестокостью. Были разгромлены Югославия, Ирак, Ливия. Показательно, под телекамеры казнили Садама Хусейна, растерзали Каддафи, в Гааге уморили Милошевича. Началось уничтожение Сирии, на очереди была казнь президента Башара Асада. Европейские страны покорно смирились с тем, что обладают ограниченным суверенитетом, и дисциплинированно исполняют роль вассалов нового Карфагена, даже в том случае, когда приказы из Вашингтона противоречат их национальным интересам.

Но к ужасу мирового интернационала ростовщиков в очередной раз, как птица Феникс из пепла, возрождается Россия, которую, как и в 1917-м, поспешили похоронить. И, возможно, сейчас новые карфагеняне вспоминают, что в третьей по счету Пунической войне древний Карфаген был окончательно сокрушен Древним Римом.

Истерика Терезы Мэй, оголтелая русофобия, демонизация нашей страны как главного врага мира, свободы и демократии — всё это ради того, чтобы сплотить страны Запада в борьбе с Россией. Тереза Мэй мечтает, как лорд Пальмерстон в Крымскую войну, поднять Европу в «крестовый поход» против страшного русского медведя. Заставляя сегодня страны Евросоюза дисциплинированно выстраиваться в единый антирусский фронт, новый Карфаген тем самым объявляет войну России.

Но боеспособность российской армии, продемонстрированная в Сирии, и появление у России новейших систем вооружения явно охладили желание силой решить русский вопрос. Всё же, зная о бульдожьей хватке и упорстве наших противников, можно не сомневаться, что давление на Россию будет только усиливаться. В ход будет пущен многовековой опыт интриг, вероломства и хитрости. Необходимо не терять внимания и помнить, что когда англосаксы начинают приветливо улыбаться и становятся вашими друзьями, это опаснее, чем нынешние истерики британских политиков.

Мы не только не желаем зла, но сочувствуем простым англичанам и американцам, которые также страдают от действий мирового правительства и пытаются сохранить свои традиционные ценности. Но в навязанном нам смертельном противостоянии Россия обязана победить. Неудержимая алчность и бесчеловечная жестокость нового Карфагена, поклонение золотому тельцу погубят человеческую цивилизацию. Мы не собираемся стирать с земли Лондон и Нью-Йорк, как римляне некогда разрушили Карфаген. Для нас главная цель — отстоять ценности Русской цивилизации и не позволить навязать России идеологию Карфагена, культ наживы

и неразрывно связанного с этим растления общества. Мы не хотим войны. Русские слишком хорошо знают, что такое война.

Непреодолимые отличия в культуре и традициях двух цивилизаций стали причиной того, что противостояние между финикийским Карфагеном и Римом было столь ожесточенным. Слишком разным были нравственные ценности и мировоззрение карфагенян и римлян.

Величие Древнего Рима было основано на знаменитых римских добродетелях. В войне с Карфагеном римляне победили за счет того, что в римском обществе идеалом были доблесть, мужество, верность, долг гражданина и служение отечеству. Для римлян было обязательным воинское мужество и верность в исполнении гражданского долга. Это было основой Римского пути.

Кодекс чести гражданина Рима предполагал обязательное благочестие — *Pietas*, верность — *Fides*, твердость — *Constantia*, *Virtus* — мужество. Причем понятие благочестия включало в себя идею патриотизма и самоотверженного служения Риму. Среди римских добродетелей находилась и *Pudicitia* — скромность, сдержанность, способность противостоять духовному разложению. Было очень важное для римлян понятие *Genius* — Римский дух, осознание единства судеб отдельных римлян и Рима. Все эти качества были объединены понятием *Virtus romanus* — римская добродетель. В римском обществе до периода упадка очень высоко ценилось целомудрие женщин, святость семейного очага. Все эти римские добродетели помогли римлянам создать величайшую в истории Империю. А погиб Рим после того, как в римском обществе стал торжествовать дух Карфагена, морального разложения, когда было утеряно чувство долга гражданина защищать свое Отечество, а разврат стал нормой. Поздний Рим периода упадка — пример того, как духовное разложение неизбежно приводит к гибели великих держав.

Но ведь точно такие же добродетели, что и в Древнем Риме считались идеалом в Московском Царстве, православном Третьем Риме. Благочестие москвитов было неразрывно связано с верностью Государю и Русской земле. Это отмечали все иноземцы. Для русского человека верность Богу была неотделима от верности Отечеству. Этому русских людей учила и Православная Церковь. Святитель Филарет Московский сказал об этом в XIX веке: «Плохой гражданин земного Отечества негоден для Отечества Небесного». Не случайно русских героев 1812 г. сравнивали с героями Древнего Рима.

На Руси также ценились целомудрие и скромность. Православная вера воспитала в русском народе христианские добродетели смирения и милосердия, умения великодушно прощать бывших врагов. Русские люди всегда чувствуют единство своей судьбы с судьбой России. Вся история нашей страны с древности и до наших дней — свидетельство величайшего мужества и доблести русских воинов. В России никогда не было наемных армий, а защита Отечества во все времена считалась священным долгом. Печальная судьба прославленных европейских полководцев Карла XII, Фридриха Великого, Наполеона и фельдмаршалов Третьего рейха свидетельствует о непобедимости русских. Изумленный русской стойкостью Фридрих Великий воскликнул: «Русского солдата мало убить, его еще надо повалить!» Наполеон Бонапарт говорил о Бородинском сражении: «Французы сделали всё, чтобы стать победителями, но русские получили право считаться непобедимыми». Ну а после Великой Отечественной войны американский военачальник Дуайт Эйзенхауэр в 1945-м заявил: «На первой странице книги Войны я бы написал первый закон военной стратегии: «Никогда не ходи на Москву»».

Не случайно на Западе считают, что русские — народ воинов. Русским на протяжении всей истории приходилось отражать нашествия и с запада, и с востока. Но русские — и миролюбивый великий народ-труженик, который сумел освоить и распахать величайшие северные пространства Евразии.

Именно поэтому русские сумели создать великую Империю, которая раскинулась на одну шестую часть света и омывается морями трех океанов.

Дважды в XX веке Россия терпела поражение в противостоянии с новым Карфагеном. И в 1917-м, и в 1991-м к крушению российской государственности привело предательство элит и моральное разложение значительной части общества. В 1917-м генералы-изменники предали и свергли Царя-Мученика. В 1991-м верхушка КПСС предала свой народ. И в начале XX века, и в конце столетия к трагедии страну приводило отступление элиты от идеалов Третьего Рима, увлечение духом Карфагена, идеологией золотого тельца. Сегодня внутренний Карфаген — часть нашего общества, зараженная культом потребления, духом алчности и наживы, духом растления и духовного разложения. Это гораздо опаснее для России, чем внешний враг.

В начале Великой Отечественной войны в столице Третьего Рима первопрестольной Москве прозвучали слова, кото-

рые вполне могли бы произнести доблестные мужи героической эпохи Древнего Рима: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

В Священной Отечественной войне с врагом, желавшим уничтожить Россию, нами была одержана Великая Победа. В этой войне наш народ проявил величайшую самоотверженность и верность Отечеству, величайшую доблесть и мужество.

Победа Третьего Рима в нынешнем смертельном противостоянии с современным Карфагеном зависит от того, вернется ли наше общество к вечным ценностям, на которых столетиями строилась жизнь России: вера и благочестие, верность и долг, семейный очаг и целомудрие, сознание общности судьбы каждого гражданина и судьбы родной страны, служение Отечеству.

Подвиги в Сирии Героев России старшего лейтенанта Александра Прохоренко и майора Романа Филиппова, подвиги 6-й роты псковских десантников и мученика за Христа воина Жени Родионова, героизм тысяч и тысяч наших бойцов и офицеров в войнах на Кавказе и в Сирии — свидетельство того, что готовность самоотверженно защищать Отечество, верность и чувство долга по-прежнему живы в нашем народе.

А значит, Третий Рим одержит победу над Карфагеном.

ДОЛГАЯ ДОРОГА К МАМЕ

ПОВЕСТЬ

Благодатное утреннее июньское солнце быстро растопило ночную прохладу. Поднимаясь выше и выше по небосклону, оно согрело воду в речке, радужно расцветило песчинки в дорожной пыли, раскрасило чудесными, теплыми оттенками лепестки цветков, поворачивающих ему навстречу свои горделивые головки, покачивающиеся в волнах пронизанного светом ветра. Несвязные ноты птичьего чириканья, прерывно доносящегося с разных сторон, постепенно распределились по высоте, выстроились в гармоничный музыкальный ряд, и слитный многоголосный птичий хор счастливо грянул оду новому дню. Эта неповторимая музыка становилась всё громче; полнозвучная, она разливалась над просветленными полями, над вострепнувшей тайгой. Казалось, ликующая мелодия устремила к высшей точке лазоревого, расшитого, как парча, золотыми нитями солнечных лучей небесного купола, бережно обнимающего пробуждающийся мир.

В доме Анны Карнауховой все проснулись рано. Кроме четырнад-

ПРОЗА

цатилетнего Мишки, который ночевал на сеновале. Сама Анна уже и не помнила, когда нормально отдыхала. Сильнейшие боли не давали покоя ни днем, ни ночью. Иногда, в промежутках между приступами, ей удавалось забытья, но это случалось всё реже и реже. Она, еще не старая женщина, жила вдвоем с сыном; муж, прошедший всю войну, израненный, живого места на теле не было, пришёл с фронта и умер буквально через год — простыл на Ангаре, и сил выжить не хватило; дочери вышли замуж и разлетелись из дома, счастливые, даже не от замужества, а от возможности освободиться от «колхозного крепостного права» и получить в сельсовете паспорт, который многие деревенские жители никогда не видели.

Не сказать, что от наличия паспорта им стало жить лучше. Заметных перемен в жизни не произошло. Те же работа и домашнее хозяйство, но уже вдали от родительского дома. Хотя сейчас они стали приезжать чаще.

Деревня Погодаева стояла на берегу Илима. Сорок домов вытянулись цепочкой вдоль реки, и только два или три стояли на отшибе. У Карнауховых собственного отдельного дома не было, ютились в прирубке к добротному дому Харитины Перетолчиной. Но Мишку это не огорчало. Он любил своё жилище, находящееся на краю деревни. Летом прямо из окон мальчик любовался неоглядным полем поспевающей пшеницы, млеющим на щедром сибирском солнце. От малейшего дуновения оно покрывалось рябью и становилось похожим на перламутровое море. В своей недолгой четырнадцатилетней жизни Мишка, единственный из деревенских ребят видел настоящее море: его как лучшего ученика в районе в прошлом году посылали в Артек на Чёрное море.

Зимой он прямо со двора убегал на лыжах к Кулиге. Лыжню делал прямой, без изгибов и крутых поворотов и почти каждый день нарезал по ней с десятков километров, тренируя тело и воспитывая волю. Мальчишка знал окрестности своей деревни на много вёрст вокруг. Знал, где водятся грузди и рыжики, где растёт крупная и сладкая как мед малина. Ведал, куда и вовсе соваться не следует, — можно встретиться с «хозяином тайги», и не факт, что сумеешь от него убежать.

Особенно он любил речку Илим, веками бежавший к Ангаре, делавший столько поворотов, петель, зигзагов, что невозможно сосчитать, перед Погодаевой словно остепенялся, выравнивался, становился широким и полноводным, но сразу за деревней, ударившись в лоб Красного Яра, поворачивал почти под девяносто градусов, и продолжал петлять дальше.

— Мила! — позвала Анна дочь.

— Что, мама?

— Разбуди Мишаню, пора.

Но Мишка уже вошел в дом, успев поплескаться под умывальником во дворе.

— Здравствуйте всем, — степенно сказал мальчик сестрам и матери, которую те уже привели в порядок: умыли, причесали, надели новую кофту и, усадив на кровати, пододвинули к ней стол, где стоял нехитрый деревенский завтрак.

Мать таяла на глазах. Дочери приехали, чтобы ухаживать за ней, и, как говорили в деревне, «проводить по-людски». Чем-то страшным, необратимым веяло от этих слов, и Мишкино сердце сжималось от тоски и безнадежности. Мила, родившая два месяца назад дочку, приехала из Иркутска, а Капа добралась из низовьев Ангары, где ее муж работал в экспедиции.

Завтракали молча, украдкой поглядывая на мать, не желая даже взглядом напоминать ей о страшной болезни. Все, в том числе и она, знали, что болезнь эту не победить, но всё равно каждый надеялся на чудо.

Медсестра, которая приходила делать матери уколы, под большим секретом сообщила Мишке, что его мама умирает, и ему надо набраться терпения и мужественно пережить испытание. Тогда от неожиданности подросток выронил стакан чая, который подавал медсестре. Он хотел закричать на нее, оскорбить, унижить бранными словами, но сдержался, хотя не мог поверить услышанному. Да, он видел, что мать с каждым днем слабела, черты ее лица заострялись. Большие синие глаза словно выцвели, светлые густые волосы, которые она заплетала в косу, поредели и почему-то потемнели. Ей было трудно говорить: чистый, как родник голос, который он так любил слушать, стал слабым, надтреснутым. Из груди вырывались не слова, а хрипы, она долго прокашливалась, вытирая губы платком. Маленькие руки с длинными тонкими пальцами пожелтели и стали почти прозрачными. Но Мишка не хотел верить в худшее.

Мать никогда не была дородной, как большинство деревенских женщин. Для Мишки она была эталоном красоты. Среднего роста, худощавая, с правильными чертами лица: прямой нос с чуть заметной горбинкой, голубые глаза, роскошные пшеничные волосы. В колхозе мать не отказывалась ни от какой работы: была дояркой, жала хлеб, ухаживала за курами на ферме, пасла коров. Всё домашнее хозяйство, разумеется, было на ней. И при этом каторжном труде у нее были на диво красивые руки, легкая, стройная фигура,

которую не могли скрыть даже телогрейка и сапоги. Наоборот, они только подчеркивали ее изящную женственную красоту.

Лучезарный взгляд матери всегда, даже в самые тяжелые дни ее жизни, светился добротой, рядом с ней было уютно и тепло. Некоторые деревенские бабы побаивались ее. Вероятно, оттого, что она никогда не ругалась, как они, грязно, с криками и матом, призывая нечистую силу.

Мишка видел, как мужики заглядывались на эту красивую женщину, и тогда его охватывал страх. Он боялся, что в ней возникнет к кому-нибудь из них ответная заинтересованность — в глазах подростка-безотцовщины это было равносильно предательству. Некоторые приходили свататься, но мать всем отказывала, чему Мишка был несказанно рад, и от чего он любил ее еще больше.

Мать говорила ему: «Ты у меня самый лучший мужичок...» — и прижимала его большую голову к своей груди, а он вдыхал такой родной, вкусный, привычный запах весеннего утра, исходивший от нее. Это же была его мама! Разве она может умереть? Одна мысль о том, что он останется без нее, приводила мальчишку в отчаяние. Пытаясь во всем угодить больной матери, Мишка наивно надеялся, что однажды утром он проснется, и всё будет как прежде.

В своем всеобъемлющем детском восторге перед красотой бытия он еще не осознавал переживания чувственной любви. В душе подростка неодолимая тяга к матери была первым ростком этого благодатного чувства. Он учился у нее, как держать себя в присутствии старших, как надо вежливо всем отвечать, как сдерживать недобрые эмоции, хотя иногда так хотелось крикнуть огорчительные слова в лицо обидчику, чтобы они задела его за живое, унизили, причинили душевную боль. Улица всегда имеет влияние на детскую психику, улица — это своего рода школа жизни, где происходит первое узнавание и хорошего, и плохого. Конечно, встречи с ребятами оставляли след. След не всегда благой.

Обожженный злом, Мишка всегда залечивал раны рядом с мамой, она находила слова, которые утишали душевную боль, успокаивали маленькое взбунтовавшееся сердечко сына, ослабляли удушливые страсти. Дом был местом, куда всегда хотелось прийти, прибежать, где можно было укрыться от всех невзгод. Там, даже в суровые дни, витало тепло неизбывной любви, согревающее, излечивающее, возрождающее. Мишка много разговаривал с матерью, обычно это было по вечерам, когда они гасили керосиновую лампу и под свет луны вели долгие разговоры о жизни. Он даже не заду-

мывался о том, как может она знать так много. Эти ее знания были той глубинной, передающейся из поколения в поколение истинной мудростью-любовью, которая была необходима Мишке, чтобы озарить мир внутренний, мир своей взрастающей души, и полюбить мир внешний — свою деревню, окрестные просторы и то, что за ними, то прекрасное, не имеющее названия, непостижимое, что пока не разглядеть, но чего так чаёт душа. И что уже грядет.

Рассказы матери были образны, пронзительны, слова ярки, мысли убедительны в своей вековечной народной праведности. У нее был дар рассказчицы или, как сказали бы в старину, — сказительницы. Если шел разговор о людях, мальчишка по едва уловимым приметам в материнском рассказе узнавал их, если говорили о местности, матери хватало нескольких образов, и оживали Тушамы или Россоха. Мишка не удивлялся этому, для него и не могло быть иначе. Слова матери были для подростка открытием мира, в котором ему предстояло жить, без них окружающая жизнь, казалось, меркла, теряла свою правду. Он постоянно испытывал радость узнавания — не удивление, а именно радость. Это благодатное чувство озаряло всю его дальнейшую жизнь.

Конечно, Мишка понимал, что сёстры приехали не зря. Если бы мама могла вырваться из когтей смертельной болезни, вряд ли бы они оставили своих мужей и бросили неотложные дела. Как сказала соседка, — приехали, чтоб провредить мать в последний путь по-людски.

А ему сейчас приходилось расставаться с любимой мамой. Мишку отправляли на областной пионерский слет в Иркутск. Вот мать и уговорила его воспользоваться оказией и навестить старшего брата, что жил в Черемхово, шахтерском городке в ста километрах от областного центра. Ранней весной тот приезжал в Погодаеву, тогда они с матерью и решили судьбу Мишки. Против поездки в Иркутск и Черемхово он не возражал, однако хотелось вернуться назад. Ему не представлялось жизни своей без мамы. Она убедила сына хотя бы лето прожить у брата, а там будет видно. На том и порешили — каждый со своей надеждой. Мишка считал себя взрослым парнем, способным выполнить любую работу. Он предполагал вернуться домой к осени, чтобы продолжить учебу, чтобы ухаживать за больной мамой, доить корову и делать за нее другие дела по хозяйству. Мать же рассчитывала, пока жива, устроить его судьбу, ведь не станет ее, думать о нём будет некому, и попадет парень в детдом.

Завтрак окончился, сестры собрали посуду, передвинули стол на место. Анна, устав от сидения за трапезой,

прилегла, попросив Мишку присесть рядом с ней. Он сел, взял ее руку, положив свои ладони сверху и снизу, чтобы ей не было больно держать кисть на весу. Он с нежностью смотрел на родное лицо, говорить не было сил, к горлу подкатил комок, глаза затуманила слезная пелена. Понимая, что сейчас он может разреваться, Мишка осторожно положил мамину руку на одеяло и встал у окна, глядя вдаль.

Перед ним во всей своей могучей шире красовалось зеленое погодаевское поле. Пройдет месяца два, и заколосится на нем пшеница, каждое зернышко нальется солнечными соками, дивным в этом году будет урожай. Справа стена леса, который простираясь на сотни километров, уходит в поднебесную даль, сначала к Качинской сопке, затем к Шальновскому хребту, и дальше, и дальше, где Мишка никогда не бывал.

Слева навис Красный Яр — отвесная стена над рекой, он прикрывал деревню от северных ветров, был ее непробиваемым щитом.

— Миша, — позвала мама.

Он опять сел, взглянув на мать, погладил ее руку.

— Прости меня, мама.

— Это ты меня прости, сынок, что не вырастила тебя.

— Опять ты, мама. Не надо. Уверен, что ты поправишься, я вернусь... Наверное, вообще, зря уезжаю.

Мать внимательно посмотрела на любимого сына и улыбнулась, словно хотела подбодрить его.

— Отправляю тебя в такую даль... Береги себя по дороге, не выскакивай на станциях.

— Мама, ты ведь знаешь, что я через всю страну проехал, когда добирался в Крым.

— Тогда ты был не один, у вас вожатые были.

— Не бойся, я буду внимательным.

Она взяла его руку, погладила, крепко прижала к своей щеке, горячей от слез. Миша осторожно высвободил руку, взял платок и бережно обтер им лицо матери.

— Спасибо.

А слезы все катились по ее щекам, как струйки из горячего родника.

Сын молчал, смотрел на мокрое родное лицо, на покрасневшие глаза, понимая, что слова здесь не нужны. Ему самому захотелось закричать от нестерпимой боли, возникшей не только в груди, в сердце, но где-то глубже — в душе, хотя он не знал, что это такое. Миша встал на колени, положил голову на грудь матери, она гладила ее тонкими холодными паль-

цами, пытаясь дотянуться поцеловать, но сил не хватило... Еле слышно, как заклинание, звучали ее непонятные сыну слова:

— Прости меня, прости...

К ним подошла Мила.

— Миша, нужно идти, самолет ждать не будет.

Мальчик поднял голову, посмотрел в глаза матери, залюбовался ее лицом. Она ему улыбнулась. Улыбка была, как и прежде, озаряющая, согревающая, обнадеживающая.

— Пора, сынок. Береги себя, как приедешь, сразу напиши мне письмо, я буду ждать весточки.

Сын попытался что-то сказать, но не смог. И так долго сдерживаемые слёзы все-таки брызнули из его глаз. Ему стало стыдно своей слабости, он выбежал в сени, прижался к стене за кадучкой с водой и разрыдался. Сестра обняла его:

— Не плачь, Миша, матери будет тяжело, иди, попрощайся, — она утерла ему слезы. Он снова вошел в дом, подошел к матери, поцеловал ее в губы, потом приник к ее зябнувшим рукам, целуя их:

— До свидания, мама!

— До свидания, — тихо ответила мать, — будь осторожен, береги себя.

Мила взяла брата за плечи, но он не позволил ей развернуть себя спиной к матери. Неловко пятась до самой двери, сын всё смотрел на родное лицо, на чуть приподнятую руку, на любимую добрую улыбку, которую видел в последний раз.

На воздухе подросток немного успокоился, пошел в огород, дошел до межи, отделяющий огород от колхозного поля, заметил, что по дороге, ведущей в лес, появились столбы пыли. «Значит, люди выехали работать», — мелькнула привычная мысль. Солнце поднялось над высокой Ждановской сопкой, стало пригревать. Всё вокруг было знакомо. Каждая тропинка и дорожка вели в заповедные места, где он познавал мир, собирал ягоды и грибы, возил копны сена на сенокосе, рыбачил, пас коров, с ребятами ездил в ночное. Вспомнилось, как у костра они вели долгие разговоры, пока пристальное ночное небо не убаюкивало мальчишек своей мерцающей звездной картиной, и они в мгновение отрубались, порой засыпая в тех же позах, в которых сидели еще минуту назад. Миша понимал, что всё это отрывалось от него, уходило в прошлое. Впереди ждал мир незнакомый, в него не терпелось войти. Не в кино, а наяву увидеть паровоз, трамвай, троллейбус, высокие дома, красивые улицы. Но одна мысль, что рядом не будет мамы, огорчала до такой глубины, что ему никуда не хотелось уезжать. Нить взаимной любви,

связывающая их, была настолько прочной, что обрыв ее для обоих казался смертельным.

— Мишаня, нужно ехать.

Мила взяла брата за руку и повела по проулку к реке. Пройдя несколько шагов, он вдруг явственно услышал голос матери.

— Миша...

Он оглянулся, вопросительно посмотрел на сестру.

— Мила, ты слышишь?

Та непонимающе пожала плечами.

— Не придумывай, пошли. Однако брат развернулся и побежал домой.

— Куда ты? — крикнула сестра, но мальчишка уже скрылся за воротами.

Мишка, запыхавшись, влетел в дом.

— Мама, ты звала меня? — радостно выпалил он.

— Что ты, Мишенька, как я могла, может быть только в своем сердце, но этого ты не мог услышать.

— Я услышал, я услышал тебя! Помнишь, как много лет назад, я услышал твой голос, когда дядя Ваня забирал меня к себе.

— Тогда я действительно кричала и звала тебя.

В тот год зима была уж слишком свирепой. Морозы как начались в ноябре, так и продолжались уже третий месяц. Окна были покрыты толстым слоем льда и снега, чугунная печка, что стояла возле русской печи, топилась круглосуточно, да и русскую протапливали два раза в неделю.

На улицу Мишка выбегал только по нужде. Местом постоянных его посиделок была русская печь. Тепло, которое исходило от неё, притягивало, словно сладость.

Единственная деревенская улица была занавешена плотными клубами белого морозного марева, так что и в двух шагах человек, идущий впереди, исчезал, словно испарялся, и только скрип подошв и отрывистое дыхание свидетельствовали, что это не мираж.

Сестрёнки прибежали из школ, задыхающиеся от мороза, долго отогревались у печки, растирая ладошками щеки, постепенно начиная говорить. Мама возвращалась, когда сумерки осаживали дом плотным темным покровом, и с керосиновой лампой шла доить корову, единственное богатство семьи.

Ужинали поздно, уставшие и молчаливые. Мишка пытался о чём-то расспросить, но получал в ответ короткие фразы или просьбу помолчать.

В конце февраля мороз отступил. Исчезла едкая маревая пелена, обволакивающая деревню, солнечные лучи победоносно прожгли ее, пробились к земле, и освобожденная природа сразу потянулась навстречу солнцу, всё ожило, возликовало в сиянии подтаявших и заискрившихся сосуллек и льдинок. Оттаивали и людские души. На улицах появилась ребятня, летящая на лыжах с угоров, кричащая от избытка радости при взятии снежных крепостей, сооружённых вместе со старшими братьями и сёстрами, также истосковавшими по солнечному свету, мягкости снега и ясности небес.

Вот в такое время к Карнауховым приехал дядя Ваня, материн младший брат. Жил он в низовьях Илима, почти при самом его впадении в Ангару. Они с женой трудились в колхозе, воспитывали двух дочерей.

Вечером перед самым ужином Иван с Анной о чём-то долго говорили. Иногда мать утирала платком глаза, ее брат, насупившись, молчал.

Часто Мишка слышал своё имя, но неотложные разбирательства с котом не давали ему возможности прижаться к матери и подслушать разговор взрослых.

После ужина мать подозвала сына к себе.

— Мишенька, — начала она необычно ласково, — ты поедешь в гости к дяде Ване?

— С тобой?

— Нет, сынок, я, может быть, летом приеду. Она прижала сына к себе, — у дяди Вани тебе будет хорошо.

— А там рыбалка есть?

— Там всё есть, — буркнул дядя Ваня, в неуверенности потирая свой лоб.

— Ладно, собирай сына в дорогу, а мне постели где-нибудь, а то голова раскалывается, да и утром надо пораньше выезжать.

Мишка, обрадовавшись поездке в «дальние страны», почувствовал холодок в словах дяди и примолк. Уже ночью, когда все легли спать он стал выпытывать у матери:

— А что, я у дяди Вани буду жить один?

— Ну как один, у него дочери есть, они чуть постарше тебя.

— Я не об этом спрашиваю. Тебя там не будет?

— Нет, не будет.

— А как же я?

— Ты будешь взрослеть, мужать, там больше достатка, чем у нас.

— Достатка? А что это такое?

— А это когда и еда есть, и одежда.

— Но у нас тоже всё есть.

Она прижала его голову к груди, поцеловала в лоб.

— Спи, Мишенька, завтра утром рано вставать.

Его разбудили, когда все уже сидели за столом. Сестрёнки знали о поездке и, убегая в школу, по очереди поцеловали его, напутствуя вести себя достойно на новом месте жительства, не хулиганить.

Собирались быстро, покидав вещи в сани, усадили туда Мишку, укрыв огромным меховым тулупом.

Мать на прощанье прижала сына к себе, и он вдыхал родной и так любимый им запах земляники, который исходил от её волос. Ему так хотелось забрать его с собой.

— Анна, пора, — услышал он голос дяди.

Мать оторвала от себя сына, поправила на нем тулуп, и санные полозья закрипели по намороженной дороге. Когда стали спускаться с угора, чтобы въехать на «магистраль», раскатанную по льду на середине реки, Мишка явственно услышал.

— Миша, Мишаня.

— Дядя Ваня, — тронул он рукой спину дяди.

— Что такое?

— Похоже, мама зовёт меня.

Иван остановил лошадь, но криков не услышал.

— Это, Мишка, показалось тебе.

— Ничего мне не показалось, — настойчиво сказал мальчик.

Иван вздохнул и прикрикнул на лошадь.

— Ну, пошла, каурая.

В это время из-за поворота показалась Мишкина мать. Она бежала по следу саней и из последних сил кричала:

— Иван, остановись.

— О, Господи, наверняка чего-то забыла, — вздохнул Иван.

Их разделяло метров триста, но Анна, бегом, так быстро, словно её кто-то подгонял, догнала повозку. Фуфайка её была расстегнута, платок сполз на плечи; от разметавшихся волос от неё шел пар, тотчас индевеющий на голове, на одежде. Так что издали показалась, что она облачена в белые покровы.

Подбежав, мать не могла говорить, только тяжело дышала. Отдышавшись, схватила в охапку сына, рванувшегося ей навстречу. Посмотрев на брата, быстро и беспрекословно выпалила.

— Прости, Иван, не отдам я Мишку.

Иван подошёл к сестре.

— Голову и грудь прикрой, застудишь, ну а Мишку... — Он повернулся к саням. — Тебе решать. Подал вещмешок с Мишкиными вещами, добавив:

— Эх, Аня, Аня, говорили вчера, говорили, а ты опять за своё. Девочку кормить нечем, сама отошала, ходишь, как тень. — Кивнул на мешок: — Донесёте? Возвращаться плохая примета.

— Донесём Ваня, донесём, чего там нести, — радостно затороторила мать.

Анна и Мишка, прижавшись друг к другу, неотрывно смотрели на уменьшающуюся вдаль санную повозку до тех пор, пока она не скрылась за Красным Яром.

— Пошли, моя роднучка. — Мать закинула тяжелый вещмешок за плечи, и они легко зашагали домой...

— Мама, скажи ты ему, что пора прощаться, ведь опоздает на самолёт. Из-за него рейс не отменят, — громко, от самого порога переходя на крик, потребовала Мила.

— Миша, пора, родной, — Анна погладила его по руке. Слезы уже не застилали её глаз. Они стали глубоки и пристальны; казалось, мать пыталась вобрать образ сына в глубину своей изболевшейся, но не померкнувшей души. В эту минуту умирающая женщина была озарена неведомо откуда взявшимся сиянием. Это был свет ее нерастраченной любви, сияние ее собственной души.

— Мама, может, я останусь с тобой.

Она резко отвернула голову к стене, рыданий слышно не было, но ее плечи почему-то содрогались.

— Не плачь, мамочка, не плачь, я пойду.

Мила показала ему кулак, покачала головой. Он поднялся, не зная, что делать. Ему больно было смотреть на плачущую мать, он был в таком состоянии, что мог в любой миг закричать, завывать по-звериному. Боль рвущейся нити родства между ним и матерью была настолько нестерпимой, что мальчика стали покидали силы. Анна, чуя это, повернулась к нему, утерла слёзы платочком, и ее лицо засияло всепообеждающей любовью. Улыбаясь, она тихо, но отчётливо попросила.

— Миша, сынок, наклонись ко мне.

Мальчик встал перед матерью на колени, их глаза оказались рядом.

— Родной мой, дороже тебя у меня никого нет, мне трудно расстаться с тобой. Умоляю, поезжай. Не делай мне больно своим упрямством.

Он сдержанно поцеловал мать в щёку, поднялся и почти бегом вырвался на улицу.

Мила догнала его у самой воды.

Его любимая лодка покачивалась у лавницы. Сестра положила вещи, сама села посередине, а Мишка, отталкива-

ясь длинным веслом, повел лодку против течения. У берега течение было слабым, и лодка быстро побежала вперед. Мила молчала, у Мишки тоже сил для разговора не было; мысли, сменяя одна другую, были новыми, неясными. То он с жалостью думал о матери, и тут же его обуревала радость от того, что он полетит на самолете. Жалел, что не поедет в этом году на сенокос. Теперь он мог бы косить наравне с мужиками! Мишка даже почувствовал, как свежая, сочная трава под его косою ложится ровным рядком на зеленое покрывало луга, расположенного вдоль берега таежной речки Тушамы. И тут же в голове возникала другая картина: в городе он пойдет в цирк и увидит настоящего слона. Он гнал эти мысли, заставляя себя думать о матери, о ее болезни. Как она там сейчас? Наверное, плачет. И опять перед ним рисовались соблазнительные картины города, куда он едет. В мечтах подростка всё разноцветно сияло, сталкивалось, сливалось, видения сменяли друг друга, и было трудно думать о чем-то одном.

Переплыли Илим, к берегу пристали у скобяного магазина. Сестра, взяв весло из рук брата, напутствовала.

— Не забывай нас, Мишаня, осенью встретимся. Смотри там, в городе... И письма пиши, мать будет ждать...

Взяв свой маленький фибровый чемоданчик, Мишка пошел в школу, где собиралась вся группа для поездки на областной слет. Он шел по центральной улице райцентра, давно ему знакомой, мимо восхищающего своей классической строгостью двухэтажного дома, где располагался райисполком. Рядом — скромное здания почты, в зимние дни они с приятелем отогревались здесь перед окончательным маршброском к дому. Поблизости, чуть в глубине, — чайная. Она, привлекающая к себе сладким ванильным запахом выпечки, запомнилась столами, покрытыми вышитыми белыми скатертями, и вкусными макаронами, экономно политыми чайной ложечкой растопленного сливочного масла. За чайной, в самом центре села — Дом культуры. Это был, без преувеличения, центр мироздания. Всё в жизни селян самое значимое, дорогое для памяти и радостное для сердца проходило именно здесь. Праздничные концерты и театральные постановки, в которых Мишка непременно участвовал, кинокартины, танцы, собрания.... С каким желанием сюда стремились люди!

Уверенные, равномерные Мишкины шаги резонансно усиливались деревянным покрытием тротуара, сколоченного из сухих лиственничных досок, и, казалось, были похожи на метроном, отсчитывающий последние мгновения детства, из которого он сегодня уходил. Всё оставалось позади: мама,

река Илим, райцентр и деревня, где прошла прежняя, наверное, лучшая часть Мишкиной жизни.

Но Мишка этого не понимал и об этом не думал. Откуда парню было знать, что он переступает через незримую, обязательную для каждого человека границу между отрочеством и юностью. Скорее даже не юностью, где молодой человек абсолютно свободен в выборе дальнейшего жизненного пути, а юностью как началом взрослой жизни, первой ее ступенькой. Еще вчера всё зависело от того, как решит и что скажет мама, учитывалось мнение окружающих, ведь не всегда и не все промахи и недочёты прикрывались маминой мудростью. Теперь он один, а его главные советчики — собственная совесть и знания. И нельзя забывать о том, что тебя окружают десятки чужих, равнодушных к твоей судьбе людей.

За Мишкиной спиной громоздился Красный Яр. Огромная красно-коричневая стена. Эта стена защищала, объединяла и родила всех, кто жил под ее судьбоносной сенью, под этим природным щитом. Яркий гладкий отвес скалы был виден отовсюду, любоваться им можно было до бесконечности, поверять громаде самое сокровенное, разговаривать как с живым человеком. В отдалении возвышалась Качинская сопка, вечная и таинственная, словно маяк среди таёжных далей, которые в своем горизонтальном положении тоже представлялись единой глыбой. Издалека не было видно промежутка между деревьями, и тайга казалась тоже монолитом, символизирующим незыблемость и величие бытия. У подножия этого нерукотворного памятника жизни трепетали на ветру таежные цветы и травы. Их доносившиеся ароматы сегодня казались Мишке особенно насыщенными, терпкими. Они обволакивали всю фигурку подростка, вливались в нос, проникали в кровь, запоминались сердцем. Природа как будто настаивала, чтобы эти ощущения надолго сохранились в памяти мальчика, уходящего не только из детства, но из самого мира, где это детство протекало.

Самолет Ли-2, разбежавшись по грунтовой полосе, взлетел и сделал круг над деревней. Мишка в иллюминатор увидел свой дом. Отсюда, с высоты, всё казалось маленьким, игрушечным. Дом стоял на краю деревни, справа пылила дорога, и он хорошо видел несколько повозок, едущих на Малую речку. Деревня — как на ладони. От домов к реке спускались тропинки. В воде стояли лавницы, к каждой из них была привязана лодка. Он разглядел и свою лодку. «Мила уже вернулась домой», — подумал он. У Малой речки Илим делал крутой поворот и мимо высокого песчаного берега бежал в тайгу. Самолет, покачиваясь, еще раз сделал круг над

деревней. Мишка смотрел в иллюминатор, стараясь запомнить до мельчайших подробностей картины родных мест.

Сверху хорошо была видна часть деревни, но как ни пытался мальчик разглядеть свой двор, не получалось. Да и надо ли? Ведь он уже попрощался со всем. Теперь — это его прошлое. Впервые в жизни Мишка понял, что это такое. У него появилась личная история и свои воспоминания. Самолёт пролетел над Кулигой, Малой речкой, просекой, ведущей к Россохе. Через мгновение исчезли все знакомые места.

Воздушная машина выровнялась, и под ее крыльями на сотни километров потянулась тайга с редкими зимовьями. Она казалась монотонной и бесконечной, как океан, не верилось в то, что рано или поздно леса расступятся, и в сиянии вечерних огней появится под крылами древний Иркутск.

Миша еще некоторое время с любопытством поглядывал вниз, потом стал прислушиваться к своим сверстникам. Стараясь перекричать гул двигателя, все ребята громко разговаривали, радостно делились впечатлениями. Потом притихли: казалось, каждый задумался о своем прошлом или грядущем...

Месяц жил Мишка у брата в маленьком шахтерском городке Черемхово под Иркутском. Из любопытства и из желания побольше увидеть и узнать, он исходил город вдоль и поперёк. Городок, объединивший несколько шахтерских поселков в одно целое, был зеленым, архитектурно гармоничным. Деревья росли между бывшими населенными пунктами, деля их на микрорайоны с многоэтажными домами. Частный сектор представлял собой сплошное море зелени, из-за которой не видно было даже крыш усадебных домиков. Бывшие поселки объединяла асфальтированная дорога, она же — центральная улица города, она же — часть Московского тракта. В праздники колонны демонстрантов шли по ней к площади, где стоял памятник Ленину, а по вечерам улица служила любимым местом прогулок окрестной молодежи. Здесь знакомились, влюблялись, демонстрировали обновки, сплетничали, дрались — словом, шла обычная уличная жизнь.

Каждый квартал-поселок мог существовать автономно, там была собственная, как сказали бы сейчас, инфраструктура: больница, кинотеатр, школа, магазин. В центральной части города стояли общегородские постройки: горком партии, техникум, филиал института.

Транссибирская магистраль не разрезала город надвое, как часто бывало в сибирских городах, а проходила сбоку. Элек-

трички останавливались в каждом поселке, что являлось благом для местных жителей. Шахт в городе было много, все они соединялись друг с другом и с центральным вокзалом железнодорожными путями, по которым непрерывно сновали паровозы: пыхтящие, чумазые, изрыгающие клубы черного дыма. Да что там дым, из труб паровозов вылетали вместе с искрами даже осколки горящего угля. Все железнодорожные пути и окрестности всегда были покрыты слоем угольной копоти, и даже ливни, которые частенько здесь бывали, не могли её смыть.

Улицы и переулочки, ведущие к центральной дороге, всегда пересекали подъездные пути, и человек, уходящий из дома в белой рубашке, возвращался вечером в серой. Особенно трудно было пережить это девчонкам, бегающим в клуб на танцы.

Удивляло большое количество стадионов. Не просто спортплощадок, а настоящих стадионов с трибунами для зрителей и хорошим покрытием. В Черемхово их было несколько, по одному при каждой шахте. Они никогда не пустовали. Мишка участвовал в спортивных баталиях с первого дня приезда. Чаще всего гонял в футбол.

Но самое большое впечатление на него произвел городской парк. Ему, таежному жителю, привыкшему к дикой, естественной природе, было странно видеть среди лесного массива подстриженные кусты, ухоженные деревья, аккуратные, посыпанные песком дорожки, лодочную станцию на пруду, большую концертную площадку с диковинной сценой-раковиной и ровными рядами скамеек перед ней. Сильнее всего Мишку поразили качели. Деревенские по сравнению с этими показались бы игрушечными.

Не случилось такого дня, чтобы Мишка не побывал в парке, не зашел бы на концертную площадку, не покатался на качелях. Здесь у него появились свои любимые места: вместительная беседка, где он наблюдал шахматные баталии, с удовольствием паренек сживал на скамейке перед сценой, где почти каждый вечер проходили концерты местных артистов-любителей. Бывало, заезжали и областные гастролеры.

Мишка иногда вспоминал деревню, но жизнь его была такой насыщенной, что, бывало, забывал о ней совершенно, и только перед сном всплывали в памяти родной двор, сеновал, огород, который в этом году стоял пустой, нераспаханный, наверное, весь заросший сорняками и крапивой. Чаще вспоминал маму, ее исхудавшие руки, сияющие родные глаза, даже издали озарявшие Мишкин путь. Каждую неделю он писал домой письма, рассказывал о своей новой го-

родской жизни, спрашивал о здоровье, но ответов не получал. Каждый день он подбегал к почтовому ящику, но кроме газет и разных официальных писем для брата там ничего не было.

Брата Мишка видел редко. Когда младший просыпался, старший уже уходил на шахту. Работал он бригадиром навалотбойщиков. Бригада его была знаменита, постоянно выполняя и перевыполняя нормы по добыче угля, поэтому, как было принято в то далёкое время, брат избирался во многие органы власти. Был он и депутатом горсовета, и членом горкома партии, также членом ещё нескольких организаций и объединений. Потому встречи братьев случались короткие, а разговоры по душам между ними не происходили вообще.

В доме хозяйничала жена брата. Мишка удивлялся, как эту некрасивую, шипящую, словно гусыня, женщину, мог выбрать Николай? Всё в ней было отвратительным: выпученные глаза и белесые ресницы, толстый мясистый нос и слюнявый, никогда не закрывающийся рот. Говорила она громко и, казалось, без остановки, речь ее обладала таким же изяществом, как пение небезызвестной героини басни, выронившей сыр. А уж понять, о чем она говорит, было просто невозможно. Мишка давно заметил: почти у всех некрасивых людей несносный характер, они злы, обидчивы, завистливы. Всё это в полной мере относилось и к жене брата. Профессии у нее не было, она никогда не работала. Приехала из Москвы в Сибирь к своим дальним родственникам, чтобы найти себе мужа. Нашла. Но почему мужем оказался его брат, Мишка так и не понял. Однако сразу, с первых же минут общения почувствовал жгучую ненависть свояченицы к себе. Он пытался не обращать на это внимания, старался меньше бывать дома, болтался с новыми друзьями по бесконечно длинным улицам городка, придумывая себе занятия и развлечения. В жаркие дни ребята убегали на карьеры, где от родников образовались чистойшей воды озера, закупывались до пупырышек. Никогда еще Мишка не купался так много — в холодных сибирских реках, таких, как Илим, не очень-то поплескаешься. Вечером в его адрес звучала отборная брань. Каждое утро свояченица, как мачеха в сказке про Золушку, давала ему кучу заданий и поручений, выполнить которые было практически невозможно. Выходить из дома мальчику разрешалось только после выполнения всех дел.

Но он убегал, не обращая внимания на крики ненавистной родственницы. Быстро привыкнув к ее ругани, Мишка стал относиться к унижениям и обидам с презрительным смирением, чем приводил хозяйку дома в бешенство. Но жизнь

вокруг была настолько ладна и увлекательна, что злоба свояченицы не могла загасить в душе мальчика восторг бытия и охладить его стремление к познанию мира. Оставаясь один, Мишка философски говорил сам себе:

— Ну, не может же всё быть хорошо...

Восемнадцатого июля (Миша на всю жизнь запомнил эту дату!) в пять часов утра какая-то непостижимая и непреодолимая внешняя сила заставила его подняться с постели. Никогда, даже в деревне, он не просыпался рано, а уж если возникала такая необходимость, то его будили всей семьей, брызгали на него холодной водой и дёргали за ухо. Сегодня все было иначе. Миша сам открыл глаза, сон с него спал, как теплое ласковое одеяло, соскользнувшее на пол. Хотя мальчика немного знобило, он вышел на крыльцо, не одевшись.

Рассвет золотой рыбкой плескался в еще густой синеве небесной акватории, но уже выбрызгивался за ограничивающую линию горизонта. Над домами плыла розовая вуаль утреннего тумана. Мишка сидел на крыльчке, положив голову на резные перильца, задумавшись. Потом задремал и не видел, как первые лучи солнца осветили сонный городок, проникли в просторные дома и тесные бараки, в собачьи конуры и под крышу сцены-раковины в просыпающемся парке. В солнечную симфонию этого утра гармонично вливались блики стекол открывающихся окон в многоэтажных домах и мерцание слюдяных прожилок породы, выброшенной в высоченные горы — терриконы.

Брызнули запахи пробудившихся цветов, их сладковато-приторным благоуханием пропиталась округа. Слепящие лучи солнца разбудили голубя, дремавшего на корявой ветке старого тополя. Нарастая, как гул надвигающегося шторма, по всему видимому пространству разлилось победное ликование созвучного птичьего пения.

Мишка пропустил приход нового, преобразившего всю его дальнейшую жизнь дня: не слышал криков петухов, гулких ударов копра, забивающего свай около центральной электростанции. Днем шума стройки обычно не было слышно из-за маскирующих его непрерывно снующих, гудящих, шипящих паровозов. Но ранним утром удары копра слышны были хорошо, они разносились окрест на несколько километров, символизируя бурление рабочей жизни, ритмы стройки, надежды молодости.

Миша, не испытывая неудобства, дремал, обняв перила крыльчка, как вдруг почувствовал, что кто-то рядом присел на ступеньку, обнял его за плечи и поцеловал в висок. Мишка, вздрогнув, удивился — кто бы это мог быть? Ведь так

целовала только мама. Он открыл глаза. Никого не было. Солнечные лучи пригрели и его, мальчик закрыл глаза и опять окунулся в дремоту. И снова кто-то поцеловал его в висок. «Может, это сон? — подумал Мишка. — Ну, конечно, я сплю, и мне все это снится. Как может оказаться здесь мама? Ведь она так далеко». Но теперь он почувствовал на своих плечах чьи-то ласковые руки, уловил легкое дыхание.

— Мама, это ты? — спросил удивленно Миша.

— Здравствуй, Мишаня, — голос прозвучал тихо, но настолько явственно, что сомнений не осталось. Этот голос он узнал бы из всех голосов мира.

— Мама! — тихо позвал он.

— Я здесь, Миша, здесь...

— Но я не вижу тебя.

— А ты и не можешь меня увидеть.

— Почему?

— Потому что я умерла, и теперь буду жить под новым небом. Но я не могла уйти, не повидавшись с тобой.

— Да что ты, мама, всё это сказки. Нет никакого другого неба.

— Как хорошо, что я тебя увидела! Но я чувствую себя виноватой... Не смогла тебе дать всё, что хотела, не поставила тебя на ноги и оставила сиротой... Болезнь оказалась сильнее. Но в трудные минуты я буду рядом с тобой.

— Я не верю в сказки, мама.

— Как тебе живется у брата, Миша?

— Не могу привыкнуть. Вхожу в дом, а тебя в нем нет. Только эта гадюка, свояченица. Днем еще ничего — убегаю из дома, а по вечерам крики, ругань. Не знаю, как мне жить.

— А что же Николай? Он-то хоть знает, как она к тебе относится?

— Я его почти не вижу. Я так решил: закончу восемь классов, поступлю в строительный техникум в Иркутске. Окончу, буду работать, а потом в институт.

— Береги себя, сынок... Я тебе буду помогать...

Мишка открыл глаза, но разглядеть ничего не смог — ослепительное солнце пристально смотрело на него. Мальчик встал, держась за перильца, и еще раз внимательно оглядел крыльцо. Ничего необычного не заметил. Тогда он жалобно всхлипнул:

— Мама!

Тишина не отозвалась. Но ведь только что здесь он разговаривал с ней. Растерянно Миша прошел по дорожке клетней кухне и там несколько раз окликнул маму. Ответа не было. Он вошел в дом, разбудил брата.

-
- Коля, мама умерла.
Брат спросонья переспросил:
— Какая мама?
— Наша мама.
— Что это ты придумал?
— Она только что была здесь.

Николай с изумлением и тревогой вглядывался в лицо младшего брата, вероятно, пытаясь разглядеть признаки нездоровья.

— Она была здесь. Мы сидели на крыльце, разговаривали. Я не видел ее, но узнал по голосу.

— Может, тебе это приснилось?

— Я разговаривал с мамой, — упрямо повторил Мишка.

Невестка тоже проснулась, при последних словах ненавистного нахлебника повертела пальцем у виска. Мишка со слезами выбежал из комнаты.

В полдень почтальон принес телеграмму, в ней было три слова: «Мама умерла сегодня ночью».

Время — та таинственная, труднопостижимая категория бытия, которая, кажется, не может быть точно выражена никакими законами. Время может тянуться и мчаться, ускоряться и замедляться, даже становиться неподвижным.

Долго и трудно такое понимание времени, а точнее, смысла жизни, обреталось Михаилом. Вот уже четвертый десяток лет он живет и работает в Санкт-Петербурге. Позади учёба в техникуме, работа, опять учёба, но уже по вечерам в институте, и работа, работа. Встреча с любимой женщиной, семья, дочери...

Сначала казалось, что случай выбрал его из десятков таких же, как и он, молодых, упорных, и поставил во главе строительного управления. На важнейшей стройке страны. Так же случай помог преодолеть многочисленные преграды, связанные с получением жилья в Северной столице во времена советской империи. И то, что другим людям приходилось решать эту основную жизненную проблему десятки лет, а ему удалось быстро и без особого напряжения, — верилось, произошло по воле случая.

Жить Михаилу в Питере, особенно в первые годы, было трудно. Он скучал по щедрому сибирскому солнцу, по своим землякам-сибирякам, общительным и понятным, по алмазным сибирским рекам и благоуханным цветам. Низкие тяжёлые облака, холодные ветры, непрерывные дожди — всё это раздражало, заставляло с грустью вспоминать край своего детства и юности. Да и люди здесь казались более замк-

нутыми, обособленными, ревниво оберегающими свой задушевный мир.

Однако интересная работа, сложнейшие объекты, которые не имели аналогов на всём белом свете, блистательной красоты город смягчали ощущения и впечатления, и всё постепенно становилось родным.

Он разделил Питер на два города. Исторический и обыкновенный, типовой, каких сотни в стране. Типовые для простоты называют «спальными районами». Вначале и Михаил с семьей жил в таком районе, но через несколько лет переехал в центр, в настоящий Петербург. Жить в исторической части города тоже нелегко, как будто живешь в музее, всё на обозрении. В спальнях районах тоже не лучше; большая скученность, неудобный транспорт. Чего стоит одна дорога с работы до дома! Однако он не задумывался об всём этом — не было времени. Главным смыслом его жизни была работа.

Работа, упорство и настойчивость — самое главное в профессии строителя. Михаилу стали поручать всё более значимые объекты, связанные с обороной страны. Он гордился подобным доверием и оправдывал его. Дома его не видели сутками. Но это сверхнапряжение делало его сильным, выносливым и уверенным в себе человеком. Он поднимался по служебной лестнице, получая колоссальный опыт и вкладывая его в очередную ответственную должность. Пришло время, когда Михаилу доверили руководить крупнейшим коллективом, выполнявшим сложнейшие строительные задачи. Время на семью оставалось совсем мало. Спасибо любимому человеку, другу, жене Нине, которая понимала его и заботилась о нем и взяла всю домашнюю нагрузку на себя.

Он не заметил, как две дочки окончили школу и стали невестами, вышли замуж и подарили ему четырех внуков. Вдруг неожиданно для всех развалилась великая страна, никому стали не нужны цеха и заводы, где выпускалась военная продукция, перестали требоваться стране и сами строители. Появилось время. Михаил понял, что большая часть жизни прожита, ему уже за пятьдесят. Есть возможность уйти на отдых, жить на даче, писать воспоминания и наконец-то добраться до могилки матери, что оказалась, как в старой сказке, посередине моря-океана. Это не фигура речи, это реальность XX века, когда многие поселки и деревни оказывались под водой в угоду невероятным прожектам. Слава Богу, материнскую могилу спасли, перенесли на высокое место.

Как-то раз полетел туда, не добрался, помешала погода. Вернулся и снова окунулся в дела. Да и как уйдешь от них. Страна стала другой, у власти оказались иные люди... Пре-

жние тоже мало заботились о людях, всё больше на словах, а новые и про слова забыли... Пенсии стали такими экономными, что и жить на них невозможно, и умереть нельзя — денег не хватит на простенький гроб и могилу. Какой уж тут отдых, тяни лямку, пока не упадешь. Но люди на что-то надеются, ждут лучшего...

...И однажды Михаилу захотелось поехать на Валаам. Много лет назад ему неоднократно предлагали профсоюзную путевку на святой остров в Ладожском озере, но он предпочитал отдыхать дома. В России об этом архипелаге в центральной части Ладоги знают многие. Утверждают, что нигде нет такой природы, как на Валааме, а такого хвойного леса, что растет на чудо-островах, не встретишь во всей Европе.

И всё же желание поехать в святое место было настолько для Михаила необычным, что жена с удивлением сказала:

— Миша, ты же столько раз отказывался от этой поездки!

— А сейчас захотел. Не знаю, почему. Давай съездим.

Нина обрадовалась. Она давно хотела побывать на Валааме, потому что много читала о нем и своими глазами хотела посмотреть на тамошние чудеса и красоты.

Купили билеты на круизный теплоход и отправились в плавание. Ночью теплоход привычно преодолевал бурные воды Ладоги, которая встречала путешественников неприступно, раскачивала корабль так, что скрипели перегородки и обшивка корпуса, а в каюте перемещались вещи. Ночью Михаилу не спалось, на землю Северного Афона он ступил уставший, разбитый, с большой головой.

Михаил остановился вблизи уединенного краснокирпичного Воскресенского скита, состоящего из храма, двухэтажного келейного корпуса с мезонином и подсобного здания с баней. Он признался жене, что отстанет от экскурсии, немного здесь отдохнёт, посидит и подождет группу, которая скоро сюда же и вернется.

Михаил присел на лавочку, прислонился спиной к холодной кирпичной стене, ограждавшей скит. Блаженно вытянул ноги, прикрыл глаза. Тишина на острове стояла такая глубокая, что было слышно, как в ней плещутся стрекозы. В воздухе витал едва уловимый, очень знакомый, хвойно-смолистый, какой-то очень знакомый запах. Он хотел понять, откуда исходит этот запах, посмотрел по сторонам и увидел приближающегося к нему монаха. Это был высокий мужчина, с ухоженной бородой, синими, как васильки, глазами. Монашеская одежда сидела на нем ладно, была чиста и аккуратна, можно сказать, она шла ему. Монах был еще молод, на лице ни единой морщинки, выправкой напоминал бывшего

военного. В левой руке незнакомец держал четки, сделанные из деревянных брусочков, обтянутых кожей. Подрясник прикрывала длинная, без рукавов, накидка с застежкой у ворота. Мантия, как заметил Михаил, была из простой, грубой ткани. Всё одеяние было черным, как и положено. Однако в нём иннок не выглядел отстраненным от мира. Фигура молодого чернеца была статной, величественной, взгляд умным, внимательным и строгим.

«Почему он сел рядом? — смутился Михаил. По словам экскурсовода, местные монахи крайне редко общаются с мирянами. Улыбнувшись про себя, Михаил вспомнил свои детские представления о монахах и вообще церковных служителях. Тогда он был твердо убежден, что скит — это нечто, похожее на пещеру, где сидят монахи, никуда не выходят и фанатично молятся днем и ночью...

— Здравствуйте, Михаил, — вдруг услышал он негромкий твердый голос.

— Здравствуйте, отче, — автоматически ответил он и в знак почтения встал со скамейки.

«Господи, откуда он знает мое имя?»

— Знаю, знаю, — словно читая его мысли, сказал монах. — Жду вас уже с утра.

— Меня? — с трудом пролепетал Михаил, потому что в горле моментально пересохло. Повинуясь жесту монаха, присел рядом.

— Нет, ничего плохого не думайте. Я ждал вас, чтобы напомнить: пора побывать на могиле матери.

— Чьей матери? — ошеломленно выдохнул Михаил.

— Вашей.

— На Красном Яру?

— Да, там.

Почтенного возраста мужчина смотрел на молодого монаха даже не с удивлением, а с полным непониманием. Слова и мысли в это время вихрем проносились в его голове. Он был удивлен, растерян, напуган. Его, прожившего такую длинную и непростую жизнь, трудно было чем-то удивить. Особенно сегодня, в новой стране с ее абсурдными реалиями. Михаил был материалистом, не понимал и не принимал мистики, хотя бы потому, что достаточно насмотрелся на жуликов и шарлатанов, исцеляющих от всех болезней, привораживающих любовников и т.д.

Но что-то такое случилось с ним... Вдруг отчетливо вспомнилось трагическое летнее утро, когда мать, незримо прощаясь с сыном навсегда, предсказала маленькому Мишке трудную, но долгую и счастливую жизнь. Это ее предсказание

ведь сбылось. А еще она говорила о бессмертии души, о смысле жизни... В сердце Михаила стало проявляться и крепнуть новое или, вернее, давнее, но забытое, пока неотчетливое чувство веры в нечто высшее...

— Побывайте у матери до сентября. Она об этом очень просила. Она будет ждать вас, — строго повторил монах, поднялся со скамейки и направился к скиту.

— Вы встречались с ней? А она об этом именно вас попросила? — вослед ему торопливо говорил Михаил, понимая смехотворность своих вопросов.

Монах остановился, внимательно посмотрел на Михаила, перекрестил его и негромко добавил.

— Ответы на эти вопросы ищите сами. Ищите спасения.

Показалось, через миг монах скрылся, вернее сказать, исчез — так же мгновенно и таинственно, как и появился. Михаил застыл. Опомнившись, хотел догнать чернеца, но послышались голоса; это группа, где была жена, возвращалась с осмотра.

— Что с тобой? — поспешив к нему, спросила Нина, с беспокойством вглядываясь в лицо мужа. — Ты очень бледен. Сердце болит?

— Всё в порядке. Я отдохнул. Ты знаешь, я познакомился и поговорил с интересным человеком, с монахом. Такой высокий, осанистый, с густой бородой, а глаза как у ребенка — синие, доверчивые. Ты не встретила его? — с надеждой в голосе спросил Михаил.

— Нет, никакого монаха я не видела.

— Странно, он ведь пошел вам навстречу.

Взрослый заслуженный человек стоял рядом с женой как смущенный ребенок. Он всегда доверял ей самые свои сокровенные мысли, но сейчас понимал, что не может и не должен рассказывать подробности неожиданной встречи — она, чего доброго, подумает, что у него помутился рассудок. Да и не только поэтому — мешала какая-то непреодолимая, непостижимая сила, как будто он дал кому-то клятву. Всё произошедшее было непостижимым: вопреки его понятиям, его разуму, его воспитанию. Михаила огорчало сознание того, что он никому не сможет поведать о встрече и странной просьбе монаха, о его невероятной по человеческим меркам осведомленности. Откуда монах знает его имя? Откуда он знает, где могила его матери?..

...Медленно теплоход отошел от причала. Медленно, покружившись над Монастырской бухтой, узкой полоской воды, глубоко врезанной в сушу, пролетел над островом прощальный теплоходный гудок. Михаил, оставшись на палу-

бе, поклонился изящному и простому храму Николая Чудотворца. Когда-то Александр Дюма, посетивший Валаам во время своего путешествия по России, сравнил эту церковку с драгоценностью, только что вынутой из бархатной шкапулки.

Потом Михаил перешел на корму. Остров удалялся вместе с Поклонным крестом, установленным апостолом Андреем Первозванным. Ему показалось, что возле креста кто-то стоял и смотрел вослед их кораблю...

У каждого человека есть малая родина, уголок земли, где человек родился, произнес первые слова, научился ходить. И куда бы в дальнейшем ни бросала его судьба, в памяти навсегда остается лесная тропинка, сенокосные поляны, заповедные места, шум стройных высоких сосен...

Михаил никогда не забывал родные места: реку Илим, Красный Яр, Качинскую сопку, речку Тушаму, Кулигу и единственную в своей родной деревушке улицу, вытянувшуюся вдоль крутого берега Илима. И, конечно, любимую поляну. Ни в одном краю, да и во всем мире, пожалуй, не было такой красивой, располагающей к встречам поляны, как перед деревней Погодаевой. Место свиданий, игр, праздников, гуляний и собраний по самым разным поводам. По давней традиции при встрече весны и осени на ней зажигали костры. Жгучая, первобытно-языческая радость охватывала людей, они приплясывали, прихлопывали, пританцовывали, безотчетно выражая и радость бытия, и неразрывную связь с предками, с исконной традицией. Сюда приходили прощаться, здесь давали клятвы, расставаясь. Но всё это теперь осталось только в памяти.

В действительности у него нет больше малой родины. Нет кусочка земли, где была деревня Погодаева с длинной улицей вдоль реки, цветущей черемухой, сияние соцветий которой, оттененное зеленой купой листвы, проникало в душу, озаряя и умудряя ее неизбывным светом любви и красоты. Нет деревенских палисадников с цветниками, нет и самих домов — добротных, рубленых по большей части из лиственницы, а значит — вечных. Нет той самой поляны, расположенной на краю деревни, доброй предвестницы человеческого жилища. Вышел из тайги, добрался до поляны, и ты уже дома: слышны привычные звуки текущей жизни, от них, таких знакомых, душа начинает согреваться и ликовать.

Но однажды всё это исчезло, ушло под воду, словно легендарная Атлантида. Кому это понадобилось? Зачем илимская пашня, отвоеванная у тайги за триста лет по кусочку, по ка-

пельке, ушла под воду? Не понять безумцев, которые уничтожают чужой край, и невозможно простить тех, кто уничтожает свою собственную малую родину, прикрываясь заботой о людях и пустыми словами о «высших целях». Какие это цели, люди знают на своем собственном горьком опыте...

Слова валаамского монаха глубоко запали в душу Михаила. Постоянно помня о них, Михаил пытался внушить себе, что всё это ему приснилось. Не могло такого случиться наяву — подсказывал ему разум. Но сердце не соглашалось с этим умственным выводом, как будто что-то чувствовало... Михаил знал, что не засыпал ни на секунду, он помнил, как рассматривал окрестности, наслаждался тишиной. И вдруг появился этот странный монах, который сказал о могиле матери на Красном Яру.. И он принял единственно правильное решение: надо ехать! Отбросил сомнения, возражения жены, приступы болезни. Сердце подсказывало: надо ехать.

От Питера до Красного Яра напрямик пять тысяч километров. Но это по карте. В реальности путь туда значительно длиннее, потому что идет кругами. Сначала нужно добраться до Москвы. Самолет из Питера в Иркутск стал редкостью, билет на этот рейс стоит в два раза дороже, чем из Москвы. Отчего это так — никто не может объяснить...

От Иркутска до Железногорска-Илимского самолеты нынче не летают: не стало малой авиации. Видимо, тоже «рынок» причиной. Но еще остались железная и автомобильная дороги, пробитые среди тайги нашими предками. В общем, как ни крути, чтобы добраться до Красного Яра, нужно преодолеть семь тысяч километров. В один конец.

Сестра Мила из родных мест никуда не уезжала. Когда пришел потоп, она перебралась в Новую Игирму, за сто километров от Погодаевой. Мила сумела перезахоронить машины останки. Кладбище по распоряжению каких-то безумцев устроили на вершине Красного Яра, хорошо понимая, что добраться до него можно лишь двумя путями: на вертолете или на катере. И тот и другой путь для простого народа дорог и труден. Сердце замирает от отчаяния, как подумаешь, что среди бескрайней водной глади, на величественном Красном Яру вынужденно пристроилось сиротливое кладбище его односельчан. Их родственники навевывались сюда по великим праздникам: когда мочи не было терпеть разлуку и душа просила пообщаться с родным человеком.

А прежде эта вершина Красного Яра была самым любимым местом сельских жителей. Отсюда можно было увидеть далекий мир, простирающийся на десятки километров окрест, поговорить со знакомыми земляками, родственника-

ми, выпить стопку-другую, спеть песню. Но не звучат нынче песни, место это — место скорби, печальный памятник человеческой бессердечности и пресловутой «победы над природой».

Михаил был у сестры только один раз, в марте восьмидесят девятого. Но тогда из-за непогоды и большого количества снега ему не удалось побывать на могиле матери. В тот приезд всё отгалкивало его, всё было чужим, неприветливым, неузнаваемым. Да и о чем говорить: расчистили делянку в тайге, поставили дома, свезли людей с затопленных деревень и сказали — это будет ваша родина, любите ее. Возможно, для тех, кто здесь появился на свет, это и станет малой родиной, но как быть с теми, кто еще жив и хорошо помнит илимскую «Атлантиду»?

Семь тысяч километров остались позади. Михаил добрался до поселка Брусничное. Теперь — по воде. Он стоял на берегу в ожидании катера и смотрел на реку. Вдали виднелись знакомые очертания Красного Яра. Одиннадцать километров отделяли от него. Но Михаилу казалось, что гораздо больше. Неумолимо в понятие пространства встраивалась координата времени. А по его параметрам выходили совершенно другие расчеты. И не в теперешнем красивом поселке, который построили уже без него, сейчас находился Михаил, заслуженно титулованный русский строитель, четырежды дед, дважды отец, глава дружной счастливой семьи, а в той, своей далекой прошлой детской счастливой жизни.

От деревни до Кулиги было три километра, до Малой речки — четыре, значит, сейчас он ближе к Россохе. Он ведь часто бывал здесь! Ходил за грибами и ягодами. Но где знакомые ориентиры? Справа — Качинская сопка, она вечная, ей никакая вода не страшна, но если и она уйдет под воду, Сибири не будет.

Катер тяжело преодолевал волны, в свое время на Илеме их называли валами. Михаил крепко держался за поручень, даже пальцы занемели. Вспомнилось, как когда-то мальчишкой, переплывая на лодке Илим, он смотрел на воду, в которой отражались облака, и казалось, что суденышко плывет не по воде, а по облакам, по небу, в самую его глубину. По каким-то только ему известным приметам и ориентирам и теперь легко узнавались прежние места, даже те, которые оказались под непроницаемой толщей воды.

Вот знакомый распадок. Весной они пилили здесь сухостой на дрова и везли домой. Вот Малая речка, здесь он пас коров, рыбачил, мечтая о дальних краях. От Малой речки рукой подать до большого погодаевского поля. Он часто вспо-

минал колосающиеся рожь и пшеницу, а посередине — большой зеленый луг, где они с мамой заготавливали сено для своей коровы Зорьки. Он с косой идет впереди, корова послушно следует за ним. Жужжит «литовка», эти звуки ликованием наполняют его душу: наконец-то он помощник! Недолгая передышка, и Мишка, как взрослый мужик, протирает лезвие травой, и профессионально, легкими небрежными движениями точильного камня поправляет косу. И вновь жужжит коса, и вновь поет душа...

А вот здесь, возможно, их огород. Он посмотрел на воду, ничего не видно. Все скрыто водой и темнотой. Грустно, печально, жалко той давней детской жизни, когда тебя любили и ты любил, когда и хлеб был вкуснее, и чай слаще, а впереди ждала долгая-долгая счастливая жизнь...

Вот и Красный Яр. Нет уже здесь праздничной поляны, всё заросло молодым лесом. Чуть заметная тропинка ведет к кладбищу. Михаил медленно пошел по ней, всё вокруг было незнакомо. Но мысль, что он находится на Красном Яру, волновала и заставляла учащенно биться сердце. В пролетах между соснами виднелась густая синь воды, возмущаемая белыми барашками волн. Небо — чистейшей воды аквамарин. Больные легкие Михаила от воздуха, источаемого этим целебным небом, от благодатного хвойного аромата, расправились, дыхание окрепло, закружилась голова. Путешественник присел на поваленное дерево, оно было теплым.

Мамину могилку Михаил увидел во втором ряду от центральной дорожки. Встал на колени, обнял холмик, прижался к нему.

— Здравствуй, мама.

— Здравствуй, сынок, — голос у матери был тихий, еле слышный. — Я знала, что ты придешь.

— Прости меня, мама.

— За что?

— Я очень долго у тебя не был. Всё собирался, но дела не отпускали.

— Ну, ты же здесь! Я молила Господа о нашей встрече, и Он привел тебя ко мне.

— Да, мама, твою просьбу мне передал на Валааме монах.

— Как ты живешь, сынок?

— Живу, как многие. У меня хорошая жена, двое детей, внуки. Я им рассказываю о тебе, о нашей деревне. А ты как живешь?

— Скучно здесь, Миша. Очень редко здесь бывают люди.

— А зачем они тебе?

— А как же, сынок, с людьми-то веселее... Ты береги себя, Мишаня, не простудись. Одет ты уж больно легко, не по погоде...

Он еще долго лежал на могиле матери, поглаживая ладонью земляной холмик, словно ее родную голову. Потом встал, подошел к краю обрыва, уцепился за тонкую молодую сосну и, наклонившись над обрывом, долго смотрел на то место, где была его деревня: пристально, до рези в глазах, словно хотел навсегда запомнить и унести с собой то, что было ему дороже всего на свете.

В середине октября Михаил получил письмо от сестры Милы.

«Здравствуй, мой дорогой Мишенька. Какое счастье, что мы побывали на могилке у мамы в конце августа. Буквально после нашей поездки погода стала портиться. На море пошли такие валы, что не только моторки, но и катера перестали ходить... А погода всё свирепей, уже снег пошёл, даже у нас он ранний, шуга по речкам поплыла, а при шуге какое плавание.

Да никто и не плавает, МЧС запретило появляться на воде. А нам, наверное, Господь помог, назначил время у мамы побывать.

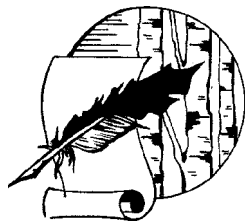
Целую тебя. Мила».

Михаил вышел на балкон, ночь бережно обняла Питер, в глубине неба светились звёзды. Он поднял голову, увидев падающую звезду, вспомнил монаха.

«Откуда тот человек мог знать, что в сентябре я не доберусь до маминой могилки, — спрашивал он себя. — Неужели и вправду люди способны знать будущее? Неужели есть что-то большее за пределами сознания и времени, а, может, это мама оберегает меня, и ведёт по жизни, помогая обходить препятствия, предупреждая о них заранее? Конечно, мама! Только ей такое по силам...»

И впервые Михаил перекрестился — не механически, а с какой-то осознанной, великой благодарностью. И поклонился чему-то для него пока непостижимому, но милосердному и спасительному.

Санкт-Петербург

Алла ЛИНЁВА

ВОСХОЖДЕНИЕ

Александр Блок сказал, что поэт — это чувство пути. И главным образом не того пути, что пройден (хотя и это чувство большинству пишущих незнакомо), а пути неведомого, того, что предстоит пройти.

И недаром сказано про чувство. Потому что поэт — не тот, кто мыслит в стихах, а тот, кто мыслит стихами. А это невозможно без поэтического чувства. Просто именно таким образом поэт понимает мир, так познаёт, «физиология познания» у него такая, основанная на интуициях, пророчествах, заглядываниях за «бездны мрачной край» или же, наоборот, за краешек тверди небесной. Обыкновенные люди чувствуют эту непохожесть, «иную физиологию» и благоразумно сторонятся. Иногда возносят до небес. Но чаще сторонятся. И не приведи Бог кому обидеть поэта! С древнейших культур и поныне это считалось особым преступлением. Всё равно как обидеть юродивого. Потому что и тот, и другой «в руце Божьей».

Речь, конечно же, идёт об истинном поэте, а не том, у кого в визитке жирным курсивом набрано слово «поэт».

...Про новую книгу* Аллы Линёвой писать страшно. Потому что эта книга — чувство пути. Пути, ещё далеко не оконченно-го, пути, которому только-только открываются «небесные протоки». На какую же гору *для такого зрения* надо было взойти!

*Всё земное пыль и прах,
Всё пригрезилось, приснилось,
Но веселье малых птах
Долго по небу носилось.
Всё кружило над жнивьём,
Где колосья шелестели...
Но сгорело всё живьём,
Всё закуталось в метели.*

* Алла Линёва. По небесным протокам.: М. Российский писатель. 2018 г.

*И теперь белым-бело,
Где ступать мне было колко.
Всё взросло и отцвело,
Всё затихло, всё умолкло...*

Это из заключительной, четвёртой части книги («Средь снежной замети»). Но именно так с исколотым жнивьем сердцем (а не ногами) восходит поэтесса к «небесным протокам».

Впрочем, о частях книги. Их четыре: «Из Южной тетради», «Ветра вольного мотив», «Так лейтесь, слёзы» и «Посреди морозной замети».

Четыре части, четыре времени года, четыре ступени вверх...

«Южная тетрадь» исполнена музыки нежной и яркой, чувственной:

*Мне звёзды падали в ладонь,
Я их опять бросала в небо,
И всё звенело — только тронь,
И всё кружилось и звенело...*

Или:

*Дозревает инжир,
И сочны уже яблоки, груши,*

*И меж веточек тонких золотится айва,
Виноград наливается — будет греть наши души,
Те, с которыми в вечном раздоре у нас голова...*

Но и в это трепетное и умиротворённое пространство юга задувает ветер из будущего, ветер русских полей:

*Встречай, родное Черноземье,
Берёзы, клёны, тополя,
Рябины яркие знаменья,
Сырые голые поля...*

«Вольный ветер» — такой же равноправный лирический персонаж следующей части книги, как и сама поэтесса.

Он не рвёт и не мечется в лирическом пространстве Аллы Линой, но незримо присутствует всюду: в «тихом шелесте трав», в движении облаков, в качающихся ветвях «берёз-подруженек».

*Не рвите мне сердце — оно не порвётся,
Оно не из ситца — из ветра и солнца,*

*Из шелеста трав, из журчанья воды,
Из радости соткано и из беды...*

Или:

*Вот оно — царство моё:
Клевер, полынь, осока.
Да в зеленях — жнивье,
Да облака — высоко.
За облаками — синь,
Крик одинокой птицы...
Счастье моё — в Руси,
Мне за неё молиться.*

Вообще-то, давно пора сказать о главной особенности поэзии Аллы Линёвой, заключающейся в её необыкновенной женственности и русскости. Даже страшная боль у неё не показывает себя заломанными театральными руками или заковыристым предложно-приставочным умничаньем, нет — всё тихо, по-русски, по-женски. С просветлением, а не ожесточением в конце.

Чтобы это не казалось расхожим утверждением, просто сравним с лирическими портретами самых известных наших поэтов: у Цветаевой — мужское и самоироничное («Как хорошо, что Вы больны не мной...»), у Ахматовой — изломанное и декадентское («Слава тебе, безысходная боль...»), и вот Линёва — простое, женское, русское...

*Стояла перед образом, молчала...
Смотрела в неподкупные глаза.
И лодкой колыхалась у причала
Душа, и воспаряла в небеса.
Шептали губы: «Даждь мне по заслугам
И всё как надо, Боже, обустрой!..»
И грезилось, что я иду за плугом
И зёрнышки бросаю в перегой.
И полюшку тому не видно края...
И зёрнами сума моя полна...
Я грешница, я дочь Его земная,
Я пригодилась в эти времена...*

Я не то чтобы пытаюсь самовольно ввести Аллу в созвездие великих (туда и без того достаточно претенденток — от благополучно устроенной Беллы Ахмадулиной до бездомной Ксении Некрасовой), просто на диаметрально резких при-

мерах Цветаевой и Ахматовой зримее и торжественнее выступает Линёва...

Последние две части книги читать невозможно: жуткая, нынешняя, чужая нашим полям и перелескам Россия, точнее, «Российская федерация», врзалась в жизнь поэтессы на полной скорости и раскроила эту жизнь на «до» и «после» её материнского горя...

*Память рассыпана
Остро осколками...
Птичьими вскриками, ветками голыми,
Смехом мальчишечьим, зовами: «Ма!»
...В душу незыблемо
Входит зима.*

Но. В год столетия царевубийства хочется повторить последние из адресованных нам слова Государя: «И помните, что зло, которое сейчас в мире, будет ещё сильнее. Но не зло победит, а только любовь».

Алла Линёва идёт к этому:

*Небо смотрит на меня из-за туч
Бирюзовым островком — оком Божьим,
Мир и светел, и безумно дремуч —
Не найти в нём, кто всего был дороже.
Потеряла, упустила, ушло...
Просочилось, как сквозь пальцы, истаяло...
Только в небе Божье око светло,
Да резвятся птицы малыми стаями...
Да в душе моей лишь боль немоты.
Истекает сердце кровью — раздавлено...
Осень в прошлое сжигает мосты —
Значит, скоро будут в вечное явлены.*

И уже из вечного, в боли и молитве, открывается эта картина:

*Хоть и верится с трудом —
Боже, помоги неверью!
Обогрей мой стылый дом,
Чтоб раскрыть мне настежь двери.
Чтобы свет пронзил меня,
Чтобы радость зрела в муке,
Чтоб ребёнок, семена,
Протянул навстречу руки.*

Книга посвящается трагически погибшему сыну поэтессы — Михаилу. С твёрдым обещанием извечного, нашего: «Веруем! ...В воскресение мертвых и в жизнь будущего века».

Алексей ШОРОХОВ

НЕИЗЛЕЧИМО, ДО КОНЦА...

* * *

После дождя в эвкалиптовой роще
Дышится так, как, наверно, в раю...
Надо бы жить нам спокойней и проще,
Надо бы жить, как всегда — на краю.
Больше ценить эти дни и мгновенья,
Всё, чем мгновения эти полны:
Пташек лесных пересвисты и пенья,
Грузные силы далёкой волны...

* * *

Укрылись розовые мальвы
В тени ветвистого двора.
Жара, жара, и даже пальмы
Все распушили веера.
Идём до моря — каждый кустик
Лучит сиянье красоты...
И здесь доселе грустный-грустный
Расцвёл своей улыбкой ты.

* * *

Всех помянула перед сном...
Всех дальних, и родных, и ближних,
И не было чужих и лишних
Из тех, кто был в краю ином.
И сердце трепетное билось,
В ушах звенела тишина...
Нет, никого не позабыла,
Кого люблю, кому верна.
И лишь теперь глаза закрою,
Под серебристый звёздный звон
Пусть будет сладок мирный сон —
Все-все в душе, и все со мною...

* * *

Зачем тебе моя печаль?..
Не отвечай, не отвечай...
За боль отвечу я сама...
Ты думал, я сойду с ума?
Ты думал, я совсем одна —
А я и слабостью сильна!
И у меня богатства впрок
На жизни не короткий срок:
Из тьмы — рассвет, сиянье дня,
Мерцанье звёздного огня,
И шёпот трав, и шум дождя,
И все, кому поверю я.

* * *

Чужое слово в душу не идёт..
Сколь я себя надеждой ни манежу,
Чужой руки касание, как лёд...
Хотя бы и тепло оно, и нежно...
Колышет воду майский ветерок,
И стайками кружат речные птицы...
Сынок, сынок, сынок, сынок, сынок...
Теперь мне до тебя не дозвониться...

* * *

В этом свете между строчек,
Пусть не солнечном — людском...
В этом трепете листочков
На берёзке за окном,
В этом шелесте и свисте
Резвых ласточек в окне,
В ветре тёплом и игристом,
Что гуляет в вышине...
Даже в холод, даже в морось,
В ливень-дождь и ветра вой —
Всюду вижу я твой образ,
Всюду слышу голос твой.

* * *

Благодарение весне,
Что лето радостное скоро,
Что так легка в моём окне
Берёзы трепетная крона.

Что птицы резвые снуют,
И всюду льётся свет весенний,
И на душе моей уют,
А не густится рой сомнений...

* * *

У Бога я любви просила,
И Божью заповедь храня,
Под сердцем я тебя носила, —
Теперь ты в сердце у меня...

* * *

Может быть, я ещё поживу..
Посмотрю на родные просторы,
На зарю, на цветы, на листву,
На моря, океаны и горы.
Может быть, я ещё оплачу
И оплачу недолгое счастье,
И пошью и шифон, и парчу,
Что готовила дочке на платье.
Может быть, ещё праздник земной
Постучится в закрытые двери,
И заплачет дитя за спиной —
Я заботой его обогрею..
Тихо в сердце войдёт благодать,
Всё приму, что со мной ни случится,
Буду верить, надеяться, ждать
И молиться, молиться, молиться...

* * *

Не желаю я развеивать свою грусть..
По кленовой замети вечером пройдусь..
По багряному костру — не сгорю.
И люблю тебя судьба, и корю.
Полыхаю, как осиновый лист —
Где-то совести листочек не чист..
Где-то колет под ребром, где-то жжёт..
Снова молодость летит на рожон.
Истерзаюсь и виной, и бедой,
И взмолюсь, чтоб отпустили домой.

* * *

В поезде я и одна — не одна:
В поезде звёзды горят из окна.
Ярко горят, так огромны они —
Меркнут в сравнении с ними огни
Встречных, летящих из тьмы фонарей,
Боже! Скорее, скорее, скорей,
Бейте колёса, качайся, вагон,
Будет спокоен и крепок мой сон.

* * *

Этот снег ещё сойдёт,
Этот лёд ещё растает,
Солнце щедро распахнёт
Золотого неба ставни.
Зажурчит в реке вода,
Заискрится в тёмном устье —
Этот сон не навсегда,
Эта боль ещё отпустит.
Хоть и верится с трудом —
Боже, помоги неверью!
Обогрей мой стылый дом,
Чтоб раскрыть мне настежь двери.
Чтобы свет пронзил меня,
Чтобы радость зрела в муке,
Чтоб ребёнок, семена,
Протянул навстречу руки.

* * *

Тусклый пугливый огонь одиночество лижет,
Значит, душе моей это безмолвие надо.
Вот оно, стало пророчество осени ближе —
В доме моём не гирлянды зажглись, а лампы.
В доме моём не весёлые песни до звона,
И на столах не фужеры игристых напитков,
Здесь поселились навеки лишь вздохи и стоны —
Длится и длится души нестерпимая пытка.
Где-то встаёт и плывёт удивлённое солнце:
Не обогреть ему странную тень у окошка.
Ветер с присвистом порывисто мимо несётся:
Пламени сердца ему остудить невозможно.

* * *

От сердца отлегли
И боль моя, и скорби,
Я в царство дивных трав
Ступаю босиком,
Шаги мои легки,
Не медленны, не скоры,
И с самого утра
Мне дышится легко.
Ласкают нежно слух
Немыслимые звуки,
И вскрикнет в гуще трав
Встревоженный чирок...
Чужому не отдам
Ни сотой доли муки.
А слёзы по щекам
Мне вытрет ветерок.

* * *

В осенний дождик по распутице,
Когда покрыто небо мглой,
Брести, брести, куда получится,
По этой шири луговой.
Так, наугад, без цели видимой,
На запах пряных жёлтых трав,
По этой выцветшей обители,
Вдали от мира и забав.
Пусть камыши шуршат у берега,
Всё зная о моей беде,
И понимая, я уверена,
Что нет покоя мне нигде.

* * *

Мне дали счастье подержать в ладонях
И отобрали — больше его нет.
Взамен гляди, как в голубом затоне
Без усталости мерцает лунный свет.
И слушай, как на веточках игриво
Поют листочки от души...
И как о чём-то шепчут у обрыва
В ночных ветрах тугие камыши,

* * *

Играй, играй, блести, водица,
И в лунном свете, и в дневном.
Грустить и плакать не годится
Мне в этом царствии земном.
Пусть блики яркие мерцают,
На них мне радостно смотреть,
Ты вся увенчана венцами,
Твоя судьба известна впредь.
Пусть над тобой взлетают птицы,
И ветер в зарослях поёт,
Играй, играй, блести, водица,
Буди сознание моё.

* * *

Сияй, блести, мерцай пурпуром,
Моя далёкая звезда,
Здесь, на зловещем небе хмуром,
Ты сердце радуешь одна.
То скроют тучи взгляд твой ясный,
То вновь сквозь них пробьётся свет,
Твоё сиянье не напрасно
В густой холодной синеве.
На эту скошенную ниву,
На этот луг, на камыши,
На всю раздольную равнину,
Где нет ни вздоха, ни души...

* * *

Ах, осень, ты всему исток.
Дожди и ветры у стекла.
И кружит, кружит лепесток
Любви, которая цвела.
Любви, которая могла
Ещё цвести, цвести, цвести...
Но я её оборвала —
Прости...

* * *

Жизнь пролетела сизой птицей,
Мелькнула тенью у плетня,
Куда уже не возвратится,
И не порадует меня.

Не зачарует, не встревожит,
И не поманит взмахом крыл,
Но птицы той теперь дороже
Путь, что Господь мне приоткрыл.
Путь, на который я ступила
С оглядкой, но нога тверда,
И потихоньку крепнут силы,
И счастьем видится беда.

* * *

Любовь моя, ты первая ушла...
Я здесь живу, выращиваю розы...
Я здесь держусь, молитвою дыша,
Одной лишь ей спасаюсь от угрозы.
«Не придет зло» шептать не устаю,
Молчит берёза за прудом застывшим,
Молчит земля, а я на ней стою,
Шепчу, шепчу, и «отпадают тыщи».
И на земле, и в небе, и в раю
Лишь ты одна живёшь и процветаешь,
И я за всё тебя благодарю,
Что и, уйдя, меня не покидаешь...

* * *

Вот так, живая — не живу.
Надежды зряшной не лелею,
Былую сказку не зову.
Болею, скажете. Болею...
Неизлечимо, до конца...
Несу рубцы свои и язвы
К ногам любимого Отца,
К сыновней милости неясной...

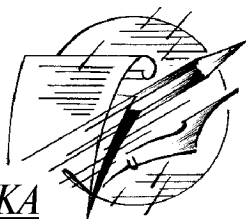
г. Липецк

КОСОВО В СЕРБСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

23 февраля в Белграде было отмечено 180-летие установления дипломатических отношений между Сербией и Россией. По этому случаю министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров посетил Сербию.

Дипломатические отношения между Сербией и Россией были установлены 23 февраля 1838 года, когда во времена князя Милоша Обреновича в Сербию приехал первый российский консул Герасим Ващенко. В 1830 году Княжество Сербия получило автономию, но оно всё ещё была частью Османской империи. Это время имело решающее значение для Сербии, когда она из всех сил пыталась избавиться от многовекового турецкого рабства. Российская империя дипломатическими усилиями и вооружением помогала сербскому народу, во время сербско-турецкой войны участвовало большое количество российских добровольцев. Вдохновленный этими событиями, П.И. Чайковский написал сербско-русский марш.

Тем не менее это всего лишь небольшой эпизод, иллюстрирующий наши сильные исторические связи, уходящие корнями в раннее Средневековье. В свете праздно-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вания 180-й годовщины установления дипломатических отношений мы вспомнили о событиях, которые сформировали общую историю.

Я хотела бы упомянуть, что основатель Сербской православной церкви Святой Савва стал монахом в русском монастыре святого Пантелеимона на Святой горе в конце XII века и что бабушка императора Ивана Васильевича IV по материнской линии была сербка Ана Якшич Глинская. У наших отношений также были трудные времена, особенно после Первой и Второй мировых войн. После Октябрьской революции и краха Российской империи Сербия, то есть Югославия, стала домом для многочисленной русской эмиграции, которая обогатила нашу страну в культурном и образовательном плане. Царь Александр Карагеоргиевич великодушно принял более 40 000 русских, которые пользовались большими правами в Югославии. Королевство Югославия признало Советский Союз среди последних европейских стран (в 1940 году) после долгого перерыва дипломатических отношений. Когда мы говорим о современных отношениях между Сербией и Россией, прежде всего мы должны иметь в виду тот факт, что развалом СССР и Югославии был завершён один из этапов наших отношений и что с возвращением Сербии и России мы имеем возможность сблизиться на основе исторических связей.

Когда мы говорим о Косово и Метохии, мы должны исходить из того факта, что национальная идентичность Сербии обоснована на косовском мифе. Косовская битва для сербов так же, как Куликовская для русских, — битва, которая веками свидетельствует о мужестве народа. Поэтому Косово для сербов не только 15% территории и самый богатый регион в Сербии, но духовный и культурный центр, алтарь сербского народа. К сожалению, с каждым днём Косово всё больше удаляется от Сербии вследствие проделанной работы Запада в течение последних двадцати лет.

После распада СССР Соединенные Штаты и НАТО начали расширяться, чтобы ещё больше увеличить своё присутствие, прежде всего в Юго-Восточной Европе. Хотя западные чиновники пообещали Горбачеву, что НАТО не будет расширяться на восток, но, как и во многих других случаях, они не сдержали обещание. США и НАТО хотели разместить свою армию на территории Косова, которое имеет стратегическое положение на Балканах. Именно поэтому они начали подстрекать албанцев на конфликт с сербами и радикализировать ситуацию в Косове. Соединенные Штаты заключили союз с так называемой Освободительной армией Косова, которую они ранее исключили из списка террористических организаций, а затем

объявили, что террористы ОАК — это борцы за свободу. В крайне неблагоприятных международных условиях для Сербии, у которой в то время не было никаких союзников, западные державы выдвинули ультиматум. Они призвали Сербию подписать соглашение с албанцами, что подразумевало ликвидацию сербского государства на территории Косова и Метохии и базирование там войск НАТО, а также организацию референдума о статусе южной сербской провинции через три года.

Руководство Сербии отказалось подписать предложенный документ, который по своему содержанию превышал требования нацистской Германии в 1941 году. После этого НАТО начал бомбардировку Сербии, которая длилась 78 дней и вынудила югославскую сторону подойти к Кумановскому соглашению. На основе этого документа была сформулирована Резолюция 1244 СБ ООН, которая все ещё действует и чётко определяет, что Косово является неотъемлемой частью Сербии.

Однако, поскольку западные державы не уважают международные законы, они пытаются юридически и формально отделить территорию Косова от Сербии. Несмотря на то, что сегодня международные обстоятельства сильно изменились, это не помешало Западу продолжить незаконное расчленение территории Сербии и даже ускорить этот процесс.

В то время, когда НАТО совершал агрессию по отношению к Сербии с четкой целью создать иностранные военные базы на территории провинции Косово, геополитическая картина мира выглядела иначе.

В те времена Соединенные Штаты были самой сильной державой в мире, которая со своими партнерами в Европе проводила стратегию распространения влияния, используя НАТО в качестве инструмента. Тогда Россия оказалась в сложном положении и вынуждена была решать ряд внутренних проблем. Тем не менее, мы помним, что российская армия, к удивлению Запада, захватила аэропорт Слатина в Приштине, перебросив миротворческие силы из Боснии и Герцеговины в Косово и Метохию. Для сербов в Косове и Метохии присутствие российских войск, хотя и немногочисленное, было очень значимым.

К сожалению, в 2003 году президент Владимир Путин принял решение о выводе российских миротворческих сил с территории бывшей Югославии, а сербский народ в провинциях Косово и Метохия остался под «защитой» международных и западных сил. После этого в 2004 году сербы испытали на себе погром — очередную волну этнических чисток, проведенных в присутствии западных сил, которые мирно наблюдали за буйством албанских экстремистов.

На мой взгляд, Россия покинула Балканы из-за тогдашней немощи оказать значительное влияние, но также из-за необходимости собственного реформирования, консолидирования и укрепления, что позволило ей вернуться на мировую арену в качестве великой державы. Готовность помочь Сербии после вывода миротворцев Россия показала в 2007 году, когда в связи с дипломатической инициативой Воислава Коштуницы она заблокировала принятие плана Ахтисаари в ООН.

С тех пор у нас не было серьезной международной инициативы со стороны государственного руководства, направленной на сохранение целостности Сербии. Наоборот, руководство Демократической партии во главе с Борисом Тадичем перенесло решение проблемы Косова и Метохии из ООН в Брюссель под давлением Запада и, таким образом, нанесло серьёзный ущерб Сербии. Это отняло у Сербии механизм остановки отчуждения Косова и Метохии посредством синхронизированных действий её союзников в ООН — России и Китая.

После этой процедуры отступление Сербии от защиты своих собственных интересов стало более выраженным, а с 2012 года и прихода Сербской прогрессивной партии к власти получило и дополнительные импульсы. Вместо того, чтобы выполнить обещание аннулировать соглашения, подписанные с незаконными властями Приштины, правящая партия Сербии продолжила и даже ускорила политику капитуляции. Подписав Брюссельское соглашение с Приштиной, проложив границу между Косовом, Метохией и Центральной Сербией, отменив институты государства Сербия на территории южной провинции и, наконец, предоставив легитимность незаконным косовским учреждениям через так называемый «Сербский список», правительство потеряло всякую возможность вести с этими провинциями социальный диалог.

Все эти шаги были сделаны без согласования с народом, но по соглашению с Западом в крайне непрозрачном виде. «Сербский список», сформированный правящей Сербской прогрессивной партией и вовлеченный в работу незаконных институтов Приштины, состоит из совершенно маргинальных личностей, которые не имеют никакого авторитета среди сербов Косова и Метохии, поскольку настоящая элита не хочет участвовать в политике, которая ведет к окончательной капитуляции Косова.

Страшный факт заключается в том, что «Сербский список» поддержал Рамуша Харадни в качестве премьер-министра так называемого независимого Косова, хотя он был командиром террористической организации ОАК, ответственной за зверские преступления против сербов, включая тор-

говлю человеческими органами. Однако, независимо от того, что сербское руководство в Брюсселе подписало ряд соглашений с косовскими албанцами, о которых общественность в Сербии ничего не знает, эти соглашения находятся в противоречии с действующей Конституцией Республики Сербии, а также с действующим Решением Организации Объединенных Наций № 1244. Поэтому соглашения, подписанные с Приштиной, не имеют обязывающего характера. Вместо того чтобы использовать влияние России на нынешние мировые события, президент Сербии Александр Вучич включил сербское сообщество в так называемую систему «Республики Косова» и объявил о необходимости изменения Конституции. Чтобы, по его словам, избавить будущие поколения от «косовского груза».

Соединенные Штаты, поддерживая процесс интеграции Сербии в ЕС, хотят, чтобы Сербия добровольно отказалась от Косова через подписание всеобъемлющего мирного соглашения с Приштиной в обмен на вступление в ЕС. С другой стороны, европейская интеграция обязывает Сербию гармонизировать свою внешнюю политику и политику безопасности с ЕС, что включает прекращение Соглашения о свободной торговле с Россией, закрытие Сербско-российского гуманитарного центра и введение санкций в отношении России. Это идеальный путь для Запада, чтобы шантажировать Сербию и чтобы разорвать сербско-российские отношения. На недавно прошедшей конференции Атлантического совета была представлена т.н. «новая стратегия США на Балканах», которая также показывает, что США намерены увеличить здесь свое присутствие. Ключевыми моментами, которые намерены предпринять Соединенные Штаты, являются: ускорение европейской интеграции оставшихся балканских стран и усиление военного присутствия, прежде всего на базе Бондстил. В докладе также предлагается «историческое примирение Соединенных Штатов и Сербии», но только при условии, если Сербия значительно дистанцируется от России. Конечно, историческое примирение с американской точки зрения не означает возвращения оккупированных территорий и выплаты компенсации за огромный материальный ущерб, нанесённый в ходе агрессии против Сербии. Это «историческое примирение» подразумевает примирение Сербии с навязываемой ей ролью вечно проигравшего, которая любителю своими собственными угнетателями.

Хотя албанская сторона не выполнила ничего, что было согласовано в Брюсселе, отказавшись даже от образования неправительственной организации Сообщество сербских

муниципалитетов, нынешнее руководство Сербии продолжает осуществлять действия, которые приводят к созданию еще одного албанского государства на Балканах. Вместо того, чтобы настаивать на соблюдении Резолюции ООН № 1244 и возвращении 200 000 изгнанных сербов, президент Сербии начинает «внутригосударственный диалог», чтобы поддержать уже принятые решения и разделить ответственность за предыдущие антиконституционные шаги со всем обществом. Александр Вучич поддержал предложение профессора конституционного права Кутлешича, который поведал в рамках «внутригосударственного диалога» о навязываемом нам «союзе» Сербии и Косова. В своем предложении Кутлешич изложил план Вольфганга Ишингера для Косова из 2007 года, который предполагает модель сотрудничества с независимым Косовом.

Этот план имеет за основу модель двух Германий. Поэтому совершенно очевидно, что «внутригосударственный диалог» должен служить прикрытием для подписания всеобъемлющего мирного соглашения с Приштиной, то есть капитуляции и реализации тех решений, которые Запад пытался внедрить здесь в течение многих лет. Сербский народ в Косове и Метохии живет в ещё худших условиях после подписания Брюссельского соглашения, и они чувствуют себя отвергнутыми своим государством. Трудно ожидать, что сербская община в Косово выживет в таких условиях. Сербский народ более чем благодарен России, которая защищает сербские интересы на мировой арене зачастую намного лучше, чем государственное руководство Сербии. Мы находимся в парадоксальной ситуации, когда именно Россия обращает внимание на то, что само ЕС несет ответственность за рост сепаратизма, поскольку оно поддерживало отделение Косова от Сербии, в то время как сербские власти молчат об этом, не желая испортить отношения с официальными лицами из Брюсселя.

С другой стороны, Россия оказывает поддержку официальным сербским властям, что создает определенную путаницу среди людей, потому что Россия действительно защищает права и интересы Сербии по отношению к Косову и Метохии на международной арене, но, вопреки этому, сербское руководство идет на уступки албанской стороне, нарушая сербские законы. Здесь внешняя политика России и внутренняя политика Сербии находятся в конфликте, и конфликт отражается в том, что Россия защищает сербские интересы, но в то же время оказывает поддержку сербским властям, которые работают против интересов страны. Правительство Сербии постоянно уверяет своих граждан, что оно никогда не признает Косово как независимое государство. Од-

нако они могут и не сообщить общественности, что Косово является независимым государством и что Сербия его признала таковым. Никто ведь не требовал от них такого ясного подтверждения.

Дело в том, что политика правящей верхушки Сербии привела к практической реализации «независимого Косова». Ведь эта «независимость» зависит исключительно от согласия Сербии, и без согласия сербской стороны она не может быть реализована, что означает, что вся ответственность лежит на руководстве государства. Сербская общественность задается вопросом: что Россия будет делать, если Вучич подпишет всеобъемлющее мирное соглашение и фактически откажется от Косова, отчего в конце концов Сербия лишится возможности восстановить контроль над своей территорией. И при этом Россия останется перед выбором: признать Косово членом ООН или нет? Убеждена, что Россия не должна отказываться от международного права, даже если сербское руководство примет решение по наихудшему сценарию, которым является подписание всеобъемлющего мирного соглашения с Приштиной.

Российские официальные лица могут сказать: «Русские не должны быть большими сербами, чем сами сербы». Однако, по моему убеждению, Россия не должна отклоняться от своих принципов, т.к. слишком много сил она вложила в защиту сербского Косова.

Смирившись с независимостью Косова, Россия многое потеряет в глазах сербских граждан, которые на самом деле и являются носителями пророссийских настроений. Учитывая наши исторические, культурные и религиозные связи, а также тот факт, что Россия в истории всегда была защитницей Сербии, такой шаг имел бы весьма отрицательные последствия для наших отношений. Даже в те времена, когда между нашими странами не было дипломатических отношений по идеологическим причинам, это не повлияло на отношения наших народов и их взаимные симпатии.

Комментируя так называемую независимость Косова, президент Путин заявил: «Запад выпустил джинна из бутылки, признав независимость Косова. Все оценки и выводы Международного суда не касаются вопроса применимости международного права на одностороннее провозглашение независимости в принципе. В этом смысле это «открытый ящик Пандоры». Нарушение международного права вызывает последствия в самом Евросоюзе. Косово в противоправном порядке провозгласило независимость без какого-либо референдума, а западные силы это поддержали. Так называемую

независимость Косова не поддержали всего лишь пять стран ЕС, но на них оказывается давление, чтобы заставить их сделать это. Сегодня у нас такая ситуация, что многочисленные сепаратистские движения в Европе окрепли. Есть пример испанской Каталонии. Представьте абсурдность утверждений брюссельского политика, который говорит: «Испания должна признать Косово, если хочет сохранить Каталонию».

Это не анекдот, это действительно заявил Фредерик Веллау. Запад глубоко запутался в собственных сетях. С другой стороны, Россия сегодня стала отождествляться со страной, которая борется за возвращение международных отношений в рамки международного права. Более того, она стала страной, которая борется за правду и справедливость, в такой роли ее видят во многих странах мира, несмотря на официальную позицию многих государств. Для Сербии, которая в России видит традиционного союзника, это большой шанс, который нельзя упустить.

Перед визитом в Сербию по случаю уже упомянутого юбилея установления дипотношений между Сербией и Россией министр Лавров в заявлении для СМИ предупредил: «Навязывая Сербии выбор: или с Россией, или с Западом, ЕС повторяет ту же ошибку, которая привела к украинскому кризису, когда общество резко разделилось». США и ЕС действительно настаивают на том, что Сербия должна определиться — или ЕС, или Россия, и что она не сможет усидеть на двух стульях. Запад располагает механизмами, с помощью которых очень легко можно дестабилизировать Балканы, и всегда выступает с угрозами.

По моему мнению, нам действительно грозит черногорский сценарий, по которому власть без какого бы то ни было одобрения народа прекратила контакты с Россией и вступила в антироссийские ряды, обвиняя во всем Россию. Сербию подобное развитие сюжета может лишить будущего.

После того, как господин Лавров уехал, в Сербию с визитом прибыл господин Юнкер, а потом президент Сербии посетил Германию. Эпилогом его визита стало сообщение, в котором Вучич нас проинформировал о том, что Германия настойчиво требует от Сербии признания Косова как независимого государства, и перечислил причины в пользу такого решения.

Не знаю ни одного другого примера, когда руководство какого-то государства предлагало бы отдать свою территорию в обмен на место в зале ожидания для вступления в нестабильный и ненадежный Евросоюз.

БЕЖИК

РАССКАЗ

Мужчина лет двадцати семи привычно открыл калитку с примитивным дедовским секретом. Когда входил, голова закружилась так, что пришлось присесть на ступеньку родного крыльца. Доски приветливо чуть слышно пропели что-то знакомое. Но он не услышал их приветствия. Зато без прягаи уловил громко-радостное повизгивание лохмача Века.

Пёс радостно, по своей собачьей традиции, сделал несколько кругов по дворику, покорно лёг рядом и доверительно положил лапу на колено человека. Глаза собаки излучали особый свет неподкупной верности. Хозяин медленно гладил четвероногого друга. Боль в голове отступила.

Сверху послышалось пронзительно-значимое мяуканье. Одноглазый кот-боевик Васька по-кошачьему солируя, гордо спускался по лестнице. Спускался из своего независимого чердачного благополучия для личного дипломатического приветствия.

Человек заулыбался, ему привычно образно и легко замечталось: «Нарисовать бы этюд вечности. Внизу подписать: «Друзья». Слово «друзья» вмиг ассоциативно сра-

ПРОЗА

ботало: увидел картинку пережитого, резко дотронулся до внутреннего кармана куртки: обгорелый альбомчик на месте. Вспомнилось: украинские зарисовки спас командир-шахтёр, выхватив альбомчик из костра.

«Зачем я швырнул тогда его в пылающее пламя? Зачем?» — пронеслось в голове художника.

Тогда шахтёр сурово выговорил ему:

— Не грехи, человек. Не надо. Память грех сжигать. Она несгораемая. Сгодится, опосля дюже сгодится!

...Видение исчезло, а жуткий вопрос «зачем» остался. Прижился в голове. Не давал и не даёт покоя: почему там, среди убитых и раненых, он кинул свой альбомчик в костёр? Почему?! Объяснить не мог ни тогда, ни сейчас. И вот живёт там была в его контуженой башке.

Здесь, на порожке дома, снова рельефно увидел образ пятиголовой змеи-войны. Даже услышал, как тогда, её шипящий голос: на войне не гибну только я — война. Бессмертная убийца и сейчас живёт в его альбомчике.

Может, поэтому он тогда хотел убить войну? Он бы её точно убил! Но помешал командир.

Странно как-то получается, что благодаря ополченцу-шахтёру война осталась жить на листах его альбомчика своей жизнью. Она обозначается болью обгорелых этюдов. Альбомчик-то жив! А того лукавого хохла-командира уже нет. Но война, стерва, жива.

Почему-то некстати, а может, и кстати, здесь, на старом порожке, уже бывшему ополченцу припомнился последний едко-родной разговор с дедом по мобиле. Дед сердито кричал:

— Ты... того...возвращайся! Сюда, а не туда. А то я помру, хоронить кто буде? — Оправдывая свой «боевой» натиск, дед доверительно сообщил: — Ая, внучок, впустил к себе беженцев. Они ж наши. Нашенские людины.

— Правильно сделал, деда, — откликнулся доброволец, а старик продолжал:

— Моего батьку, а твоего прадеда, в ту бойню с Гитлером от бандеровцев спасли украинцы. А счас я вроде долг отдаю... Потому и проживаю у меня малой с мамкой своей. Отца малюго убили те нелюди. Такие вот дела, Витюха.

Витюха-внук тогда открыл для себя, что память духа — тоже бессмертна. Он спросил:

— Скажи, деда, почему ты долго молчал? Я же звонил тебе.

— Да как разбалансировалась твоя мобилова хрень. А ты, Витька, того... давай домой... А то кнутом отстягаю. Не твоя то война. Не родня она тебе. Ой, не родня. Слышь?

— А разве война бывает роднёй? — насмешливо спросил он тогда деда. Но мобильник старика молчал. Отключился. Видимо, опять разбалансировался или деньги все прозвонил старый.

Из глухих воспоминаний вернула узнаваемая дверная увертюра: привычно, насмешливо-скрипуче пропели давно несмазанные петли. Они радостно-узнаваемо приветствовали его возвращение. Человек их услышал. Собака тоже. Пёс резко поднял голову. А кот, неслышно, но критично мяукнул и одним прыжком исчез с крыльца, успев сказать дверям на своём кошачьем слогане: мышей надо ловить, а не скрипеть.

Завороженный гипнозом взгляда, художник обернулся. На порожке в полураскрытом дверном проёме обозначился малыш. Он молча стоял, словно позируя не ему, а вечности. Художник, встретившись с робким взглядом-вопросом, отметил с удивлением, что лицо мальчика чем-то отдалённо напомнило ему своё дошкольное фото. Его живой двойник почему-то совсем не гордился своей явью. Он по неписаным законам детских нравов воинственно показал своему «родственнику» язычок. То есть вызвал «родича» на дуэль. Художника проняло забытой волной детства. Он с ходу впал в счастливую пору ребячества: вызов принял. Взрослый «ребенок» явил миру и малышу тоже свой не детский язык. Языковая дуэль затягивалась. Дуэлянты прицельно молчали.

Первым не выдержал пёс. Ему не были знакомы такие дуэльные причуды. В подобных дуэлях собакам долго молчать нельзя. Надо рычать. Но здесь люди молчали. Пёс громко и почти сердито, с осуждением гавкнул, сказав: рычать надо, а не молчать. Прицельная дуэль после вмешательства собаки-секунданта прекратилась.

Малыш с ходу неожиданно отреагировал звонким смехом. Хохот подхватил художник. Мир восстановился. Ликовали все. Век приветливо, не жалея хвоста, колотил им по доске ступеньки крыльца. Даже боевик-кот из чердачного замка тоже одобрительно мяукнул. Потому что мир нравится всем, даже доскам и скрипучим дверным петлям. Но люди, дуэльные вояки, не угомонившись, одновременно задали вековечный стратегический вопрос всех детей и даже взрослых:

— Ты кто?

Слова бывших дуэлянтов прозвучали унисонно-слаженно и совсем не воинственно.

Бывший ополченец, соблюдая тактику детства, сообщил нейтрально первым:

— А я о тебе слышал, человек.

— И я о т-те-бе, — заикаясь, сообщил малыш. Понуро добавил: — Я не ч-че-ло-в-век, я —ббеж-жик. Понял? Б-бе-жик.

— Нет, нет, ты человек! На весь-весь век человек! Понял?

— Ага. Т-толь-к-ко я б-беж-жик. На в-весь век!

Услышав свою кличку, пёс наострил уши. Два раза тихо гавкнул. Художник, погладив собаку, сказал:

— Не то ты говоришь. Повторяю: ты — человек. Согласен, Век?

— Гав, — подтвердил пёс.

— А вообще, — продолжил художник, мучительно подыскивая слова, — я открою тебе одну тайну, — и перейдя на шёпот, продолжил: — Мы, все люди на земле, тоже бежики. Все-все.

— П-по-чему? — удивлённо спросил малыш.

— Потому что бегаем, играем в жизнь. Понял?

— Н-не-ет, — печально протянул малыш. — Бе-беж-жики не игр-рают. Они бе-г-гут.

В горле ополченца ожил ежовый колючий ком.

Чтобы сбить тему, он спросил:

— А зовут-то как человека?

— В-в-итя.

— Ух, ты! И я Витя. Держи краба, тёзка.

Тёзка живо сбежал с крыльца. Они пожали друг другу руки. Плянув на кусты малины, старший Виктор спросил:

— Ты, тёзка, малину деда пробовал? Малинка — лучшая конфетина в мире. Точно говорю.

— Я-я в-вче-р-ра во-от сто-оль-к-ко про-б-бо-в-вал. — Малец показал руками. — Л-л-уч-шую к-кон-фе-т-ти-нну м-ма-л-л-инку.

— Так то было вчера. А сегодня хочешь?

— Аг-га. Х-хо-чу. А то её-ё м-мед-д-ведь п-пок-ку-ушает.

— Не покушает. Медведь боится Века.

— П-п-рав-д-да?

— Вот, зуб даю: правда!

— Х-хо- р-ро-шо. Но з-зуб н-не н-на-до. Он т-те-бе п-при-г-годится

— Согласен. Иди в малину. А я к деду. Поздороваться надо.

Малыш радостно побежал к кустам.

Художник успел подумать: «Кажись, пацан на меня смахивает. Бывает ведь в жизни такое...»

Дверь резко, почти без скрипа, распахнулась. На пороге стояла молодая женщина с усталым взглядом и тем иконописным лицом, что видел он в своём воображении. Видел до ополчения, когда загорелся написать портрет женщины-мадонны. И вот сейчас мелькнула зудящая мысль: «Когда натура находит тебя, а не ты её, то это точно подарок Бога. Тогда триптих не смог закончить, потому что не нашёл натуру. А сейчас вот она, живая явь воображения».

Удивлённым шёпотом мадонна-женщина произнесла:

— Это мой сынок говорил и смеялся?

— Он, — бойко подтвердил художник.

Непогасшая красота молодости осветила печальное лицо.

— Значит, всё-таки заговорил сыночек! А был почти немым. Слава Богу. Заговорил!

— Ещё как заговорил. Во какой говорун! — Виктор показал большой палец.

— Ма-а-м! Я зд-десь! И-иди с-сюда!

Обрадованная мать со слезами счастья побежала к сыну.

Жизнь продолжалась в своём ритме и своём вечном повторе удивления. Напрасно утверждают реалисты-скептики, что чудес не бывает. Бывают! Воскресают в жизни не только библейские лазари, но и бежики. Так будет всегда. И везде. Пока кружится земля на своей орбите. Пока в людях останется хоть один процент человечности.

Юркий проныра-воробей, наблюдавший и, вероятно, чуть больше понимающий мир людей, чем сами люди, бесстрастно, но значимо пропел своё известное:

— Чик-чирик, чик-чирик. Заговорил, заго-ворил человек. Голосом воскрес.

Художник, живо вскинув голову, произнёс:

— Ты прав, чирикалка, прав! Пацан заговорил! Воскрес от немоты. Понял?

Воробей утвердительно ответил:

— Чик.

«Бесплатный адвокат», назначенный судьбой, быстро улетел, чтобы рассказать бывшим присяжным-чирикалкам и всему-всему свету о людской радости. Ведь радость закономерно материальна, как светлые мечты в коварно-сером мире людей.

Оглянулся на кашель.

На пороге стоял дед. Испуганно перекрестясь, дед спросил:

— Ты чиго... того... чирикаешь, Витька? Ты того? — Дед покрутил пальцем у виска.

— Нет, деда. Не того, а этого: я вернулся живой. Живой. Видишь?

— Да вижу. Хмельной, чай, от чувства жизни али воздуха нашеньского?

Внук ответил:

— От воздуха.

Старик опять перекрестился, оторопело глядя на парня, произнёс:

— Никогда, никто не хмелел от воздуха. Это от контузии у тебя... али от водки? Ты с чего зачирикал? От шельмы-водки? От неё гавкали бывало алкаши и выли волками...Бывало. Ну, чтоб чирикать... Не было такого на моей памяти. Не случилось.

Дед строго смотрел, не мигая. Только седые брови чуть двинулись да на скулах резче обозначились желваки. Бывший ополченец засмеялся:

— Не-а, не угадал. Я хмельной, деда, повторяю: от воздуха. Он, наш деревенский, — самая хмельная брага на свете! Такая брага пьянит всех. Слышал? Воздушная брага, слышал?

— Нет. Зачем мне такая брага? У меня своя была...

Они молча смотрели друг на друга, отыскивая изменения в каждом.

Дед, кашлянув, сурово изрёк:

— Давай что ли, бражник, обнимемся?

— Давай, деда, давай!

Обнялись крепко, по-мужски, без слов. Помолчали. В таком молчании было больше тепла, чем в иных словах: пожалуй, оправдывала себя народная многовековая присказка: «молчание — золото». Такое, веками не тускнеющее золотомолчание, возможно, было одной из скреп столетий всех поколений славян.

Всем было хорошо: и малышу с мамой (они стояли рядом), и бесстрашному Веку, и коту-боевику Ваське, и даже юрким, бесплатным «адвокатам воробьям» на суде нетленного безмолвия.

— Ладно, — произнёс грубовато дед, чуть оттолкнув внука: — Пошагали, что ли, в хату? А то и я тоже малость охмелел от этой твоей брехни, бражник воздушный.

Все вошли в дом.

«Бражник», взглянув на старенький дедовский радиоприёмник, живо поинтересовался:

— Ещё работает?

— Ну да. Не все старые вещи, как старые люди, ломаются. Но... — Старик вздохнул: — Чаше мрут. Дак ты, как, бражник, умоешься аль под душ?

— Разберусь, деда, разберусь. Вначале послушаю твой громкоговоритель.

Виктор включил приёмник. Раздался волновой треск, затем голос:

— Внимание! Всем, прибывшим с Украины, просьба зайти в администрацию по вопросам трудоустройства и денежной компенсации. Ждём вас с восьми до восемнадцати часов. А сейчас, станичники, по вашей многочисленной заявке прозвучит в исполнении местного казачьего хора старинная песня «Распрягайте, хлопцы, коней».

И полилась лихо знакомая мелодия.

Песню, не сговариваясь, подхватили все, даже юный бежик. Он пытался подсвистывать. Свист у него плохо получался. Шипел.

Пение всегда сближает людей. Лица просветлели. Мальчик, доверчиво глядя на тѣзку, спросил:

— А ты, д-дядь Вить, свистеть ум-меешь? К-как казаки в п-песне?

— Могу.

— Н-научишь? — Глаза мальчонки засветились.

— Конечно.

Дед, махнув рукой, изрёк:

— Счас все свистят кругом. И даже неказики.

— А я н-не м-могу, — обиделся мальчик.

— Так я ж научу, — заверил Виктор.

Дед пробурчал недовольно:

— Нашёл чему учить. Ты его не свистеть, а жить поучи.

— Попробую. Да он и сам...

— Угу, сам не сам, а соловья, как и воробья, разговорами не накормишь. Пора вечерять. Ты, мать, накрывай стол. А остальным руки мыть, — скомандовал старик.

После ужина тѣзки сидели на крыльце. Молчали. Рядом лежал друг Век. На коленях художника доверительно мурлыкал кот. Малыш, осторожно поглаживая одноглазого котабоевика, спросил:

— Д-дядь В-вить, а п-поч-чему все к-коты му-ур-лык-кают? Они т-так п-поют?

— Да, так поют. Пение роднит всех. Понял?

— А т-та п-песн-ня п-про к-коней и х-хлопц-цев т-тоже род-нит всех? Пр-рав-д-да?

— Правда. Конечно правда. Такие вот дела, Витюха...

Ему хотелось ещё чего-то добавить, рассказать малому о том, что там, в опасной мгле ополчения, после боёв и они иногда пели, лечили душу песней, как говорил командир-шахтёр... Но осѣкся, потушив мысль, как окурок.

Уже в который раз пожалел, что бросил курить. В душе свербила мысль-огарок, она душила дымком воспоминаний. Да так, что дыхание улавливало знакомо-обманной сигаретный привкус, даже кашлянул от удовольствия.

Развевял «дымок» голосок бежика:

— Смо-отри, смо-отри: зв-везда п-пад-дает.

— Вижу, вижу, — отозвался бывший ополченец.

— Всѐ. Уж-же н-нет зве-езды.

— А ты, человек, успел загадать желание, когда звезда падала?

— Н-нет. А з-зач-чем, че-ло-век? — спросил малыш.

— Обычай такой есть. Если успеешь загадать желание, оно обязательно сбудется. Обязательно. Так успел?

— Не-а, н-не усп-пел. А чт-то т-ты заг-гадал, д-дядь В-вить?

— Два слова. Казацкие, древние: «быть добру».
— И он-но б-будет? Д-добро?
— Обязательно будет! — заверил художник.
— Аг-га, б-будет. А п-папку уб-били... — горько выдохнул малыш. — Д-добра н-нету.

Виктор положил руку на вздрагивающие плечи мальчика и тихо заметил:

— Я понимаю, понимаю. Но ты держись, защищай маму. Держись. Мужчиной будь.

— Аг-га, б-буду.

Они молча вслушивались в таинственные звуки и шорохи сельского вечера.

— Д-дядь В-вить, в др-ругой раз, к-как звёз-д-дочка стан-нет п-падать, заг-гадай, чт-тобы н-нас т-тут не б-бомб-били. С-смож-жешь? — попросил малец.

Художника снова обожгло. В горле опять ожил ёжик. Он колот, голову туманило, штормило, как после контузии. Тяжко думалось, как виделось: на дедовской Украине расстреливали, словно мишени, дома и людей спокойно, по-фашистски, безжалостно. Тысячи бежиков бегут по земле. Вот и у Витюхи душа навывлет прострелена... Навсегда.

— Смо-о-жешь, — повторил вопрос малыш, — чтобы не б-бомбили?

Художник чётко по-боевому ответил:

— Смогу, тёзка, обязательно смогу. И вы с мамой будете жить здесь, а не бежать по свету.

— А звёз-д-очка б-бу-дет ещ-щё с-се-годня п-падать?

— Наверное, нет. Завтра, может, и упадёт, — тихо ответил художник.

— Тогда з-завт-тра тож-же з-загад-даю.

— Быть добру? — спросил Виктор.

— Аг-га. И чт-тоб н-нас н-не б-бомбили.

...На этот раз проняло, как в последнем бою, когда контузило, а командира-шахтёра — разорвало взрывом в клочья.

В действительность вернул детский тихий голосок:

— Я, д-дядь В-вить, к-кажись, спать х-хочу. Но я и н-не х-хочу. П-понар-рошки иг-граю.

Художник улыбнулся наивной детской хитрости. От этой улыбки колючий ёжик исчез.

Где-то сверху прокричала ночная птица. Она на секунду перекрыла слаженный хор маленьких, но вечных цикад и сверчков. Хор по звёздным нотам ещё продолжал свой концерт. Ночь впитывала мелодии.

Малыш, прижавшись к художнику, тихо проговорил:

— Ес-сли че-естно, то с-спать мне п-почти н-не х-хочется. По-о-чти.

— Так нельзя, — строго заметил старший Виктор. — Спать надо всем.

— А св-верчки н-не сп-пят. П-поют х-хор-рошо.

Мальш зевнул. Над ним наклонилась мама и полусонно-го унесла в дом.

А сверчки пели и пели, наполняя своим гимном тихую ночь. Звёзды подмигивали месяцу. А он, молодой и тоже чуть сонный, что-то важное открывал для себя, для неба, для земли. Месяц родился, чтобы жить и наблюдать, как с бесконечно-го неба иногда падают на грешную землю звёзды, чтобы люди-человеки меньше взрывали и себя, и землю, и небо.

Так размышлял мальш-месяц. Он ещё не знал, что звёзды тоже воюют и потому, может быть, и падают с неба. А люди, глядя на падающие звёзды, почему-то загадывают свои желания, и они, почему-то, иногда сбываются.

Ночью художнику снова снилась война. Не пятиглавая змеюка, а кроваво-чёрная гидра в сполохах взрывов. В этом сне он опять увидел командира. Шахтёр наклонился к художнику и тихо, но строго по-боевому приказал: «Ты, художник, мальчика обучи своему ремеслу. Научи его рисовать. Приказ понял?» — «Так точно! Научить мальчика рисовать», — по-военному отчеканил Виктор. Командир-ополченец исчез.

Виктор проснулся и уже не смог уснуть до утра. Хор сверчков молчал. Издали донеслось одиночное петушиное «ку-кареку». Художник заглянул в ночь через окно.

Вверху из-под тучи шаловливо светился рожок месяца. Он с чисто детским удивлением, словно бежик, разглядывал землю, наслаждаясь жизнью и тишиной.

А человек-бежик спал.

Но его мама не спала. Тихо плакала от полынной горькой неизвестности.

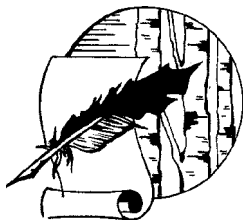
Волной разрыва в сознании возник жуткий вопрос: «Люди, люди, почему мы столетиями убиваем и убиваем самих себя?»

Став на колени, она молилась, и от святой бабушкиной молитвы «Отче наш» ей чуть полегчало.

— Боже правый! — тихо шептала мать. — Благодарю за сыночка. Пошли, Отче наш, жизнь без войны. Мы, все бежики, устали бежать, устали.

Солёные слёзы тонкими ручейками стекали на стройную ещё шею. И почему-то дышалось легко.

Станица Марьинская Ставропольского края

Анатолий ШИЛЯЕВ (г. Орёл)
(1938 — 1987)

ПОЗДНИЕ ПТИЦЫ

* * *

Такое моё ремесло,
Профессия, как по заказу.
В закат окунаю весло
И тихо плыву по закату.
Вы спрашиваете — «Куда?».
Вы лучше спросите — «Далёко?»
А сзади круги, как года,
А сзади вода, как дорога.
Ни всплеска, ни шороха волн.
Я сам себе молод и волен,
Я сам себе мыслями полн
И этим, пожалуй, доволен.
Плыви, моя лодка, вперёд,
Лови ускользящий берег.
Где новое утро встаёт
В берёзах, торжественно белых,
Где слышу друзей голоса,
Где вдруг над заботами мира
Восходят любимой глаза
И смотрят задумчиво мимо.
Я в них не увижу себя
И вздрогну в предчувствии страшном,
И прошлое нежно любя,
Всё буду скорбеть о вчерашнем.
И выйду на берег земной,
Подумав, что жизнь виновата,
И вздрагивать будет за мной
Тревожное море заката.

* * *

Стынет в синем холоде река,
Журавли над рощей отжурчали.

Старая дорога нелегка,
Но трудней, которая вначале.
Прошное поземка замела,
Но легко от утреннего света.
Песенка пропетая мила,
Но милей, которая не спета.
Содрогнётся от удара твердь.
Каждый выстрел грозен и опасен.
Пуля пролетевшая — не смерть.
Та страшней, которая в запасе.

* * *

Там жена поскандалила с мужем,
Здесь с соседом не ладит сосед...
Но взгляните — по солнечным лужам
Катит мальчик свой велосипед.
И сверкают весёлые спицы,
Как от яркого солнца лучи,
Рассыпаются света крупички,
Превратясь в золотые ключи.
А мальчишка, надменный и рыжий,
На педали блестящие жмёт,
Голубым и сиреневым брызжет,
Пролетая по лужам вперёд.
Что ему эти серые здания
И кручина без всяких причин,
И обиженных женщин рыдания,
И угрюмые лица мужчин...
У него продолжается детство —
Чистый праздник сверкающих дней,
Неразгаданное чародейство,
Без которого детство бедней.
И когда мы порою затужим,
Пусть в сознание возникнет на миг:
Мчится мальчик по солнечным лужам
Через детство своё напрямик.

ПОЗДНИЕ ПТИЦЫ

Поздние птицы летят на ночлег,
Путают путь им и ветер, и снег.
Добрые птицы в слепящем снегу
Ищут деревья знакомого сада,

И надрывается в сердце досада,
Что я помочь им ничем не могу.
Чёрные птицы и белая мгла.
Криком встревоженным высь оглашая,
К цели своей пробивается стая,
Бьются по снежному ветру крыла.
И за упорство внизу, как награда,
Старые ветви знакомого сада.
Жизнь продолжается!
Ветер и снег.
Поздние птицы летят на ночлег.

* * *

Страх начинается с сомнений,
Он нарастает, как обвал,
Сбивает грозно на колени
И убивает наповал.
Его расширенное око
Пронзает с головы до пят,
И слепнут голубые окна,
И сны зловещие скрипят.
Но есть победное движенье:
Сгорают люди на кострах,
И уползает от сожженья
На хищных лапах липкий страх.
А есть оружие иное,
Оно уверенней вдвойне:
Людей и смертью и войною
Не запугаешь на войне.
И сердце — вечная бойница —
Готово выдержать бои.
Кто был в огне,
Тот не боится
В колючих звёздах раствориться
За убеждения свои.

ПАМЯТЬ

Его друзья вернулись по домам,
Или в земле лежат на веки вечные.
А он ещё шагает по холмам,
Ему ещё глотать туманы млечные.

Никто не скажет — жив или убит,
Ему такая участь в жизни выпала.
А женщина усталая скорбит —
Ещё не всё большое горе выпила.
На голове мерцает седина,
Но нет его, в боях полмира спасшего,
Всё ждёт солдата женщина одна,
Всё ждёт солдата,
Без вести пропавшего.

СНЕГ

Январь задумчиво колдует,
Усердствуя, не отдохнёт.
То синим холодом подует,
То снегом бережно дохнёт.
А снег на солнце белый-белый.
Белее утренних берёз,
Как будто ласково запели,
А где поют, не разберёшь.
В нём что-то есть от русских песен,
От их прозрачной глубины,
В нём что-то есть от грустных писем
И от серебряной луны.
Когда идёт он на рассвете
И засыпает санный след,
Белее снега что на свете?
Белее снега только свет.
А снег загадочно теснится...
В столице и под сенью слег
Какому русскому не снится
Хотя бы раз
Пушистый снег!

СВЕТ РОДИНЫ

Свет Родины во мне горит
Как свет берёз, луны и снега...
О многом сердцу говорит
Напев над зеленью побега,
Или летящих вдоль саней
Деревьев чёткие приметы,

Или пасущихся коней
Отчётливые силуэты.
Я слушаю людскую речь,
Ту, за которую Иванам
Пришлось на поле ратном лечь
На гибель всяким басурманам,
И различаю голоса
Друзей,
Которых надо встретить,
Когда весенняя гроза
Дорогу молнией осветит.
Неповоримый колорит,
Особый вкус зимы и лета...
Свет Родины
Во мне горит,
И нет на свете
Чище света...

РАЗДОР

Зимы пустынные владения.
Медлительного снега лёт...
Как удержаться от падения,
Когда под каблуками лёд!
Холодный свет нисходит матово
От одиноких фонарей,
Как будто ночь его разматывать
Взялась у окон и дверей.
А ты один.
Забыты дочиста
В прищуре острые глаза.
Плетётся рядом одиночество
И тоже не глядит назад.
Там пустота,
Там свет неоновый,
Два сердца,
И меж ними — ров.
И кто-то в кофточке нейлоновой
В тебя бросает камни слов.
И ты уходишь,
Дверью выстрелив
В мир устоявшейся беды,
Не видя, как тревожно вытерли
Твои оплывшие следы.

Ты в снег уходишь независимо,
Едва не падая, скользишь,
Кого-то проклиная мысленно,
Кому-то мысленно грозишь.
Но, как во власти сновидения,
Горячий разум не поймёт,
Как удержаться от падения,
Когда под каблуками лёд?

* * *

Черна чугунная ограда,
За ней могила холодна.
Какая жалкая награда
За жизнь, испитую до дна.
На сером камне — жизни даты.
Ни памятника, ни креста.
И все печали, все улады
Вместила тонкая черта.
Она меж датами, как тайна
Любви, которой больше нет.
Всегда строга и неслучайна,
Таящая тепло и свет.
Но сможет кто под слоем пыли
Узнать сегодня до конца,
Какие это люди были,
Какие бились в них сердца!
Неужто жизни всей награда,
И все наследство на лета —
Одна чугунная ограда
И камня серая плита?

* * *

Птицы уже на отлёте.
Вот над обрывом стою.
Ветры, о чём вы поёте
Вечную песню свою?
Знаю — не будет ответа.
Даль горизонта чиста.
Полны осеннего света
Милые сердцу места.
Только на сердце тревога,
А на душе непокой,

Словно осталось немного
Видеть отчизну такой.
Всё это было и будет,
Словно по сути самой:
Ветер души не остудит,
Птицы вернутся домой.

* * *

Нет, я не потерял свои права,
И не в угоду умнику слепому
Я говорю обычные слова
О том, что верен я родному дому.
Нет, я не спорю с умником слепым,
Который от начитанности млеет,
Пускать слова и фразы, словно дым,
Он от житейской мудрости умеет.
С ним трудно спорить.
Он, пожалуй, прав.
И мыслей ход его предельно ясен.
И всё же, все премудрости поправ,
Я говорю спокойно:
«Не согласен».
Приятель мой, ты мудрый человек,
Ты видел жизнь, её порыв суровый,
И времени стремительный разбег
Тебя несёт вперёд,
Как ветер новый.
Но посмотри пронзительно вокруг.
Пускай ты много видел,
Много знаешь,
А вдруг ты ошибаешься, а вдруг
Чего-то в жизни ты не понимаешь,
И то, что выдаёшь ты за своё,
Заветное, как слово или дело,
Накаркало когда-то вороньё,
И до тебя случайно долетело.
Среди земных ошибок и удач,
Среди земных признаний и гонений
Есть плач, как смех,
И смех, как лёгкий плач,
И много, много затаённых мнений.
Прости меня за честные слова.
Конечно, в жизни этой всё не ново.
Нет, я не потерял свои права
На это недосказанное слово.

* * *

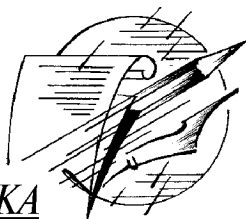
Давай сегодня помолчим,
Сердца за нас доскажут сами,
А мы в мерцающей ночи
Сойдемся тёплыми глазами.
Ведь нам уже немало лет,
И юность наша отшумела,
Но сохранить тепло и свет
Она воистину сумела.
Пускай меж нами был разлад,
Как будто рушилась основа...
Но разве облетевший сад
Весной не зацветает снова?
Кто от любви неизлечим,
Тот знает жизнь под небесами.
Давай сегодня помолчим,
Сердца за нас доскажут сами.

МОЁ ОТКРЫТИЕ СИРИИ

1

Вот и закончилось моё странствие по дорогой сердцу Сирии. Полгода, как полжизни. Совсем не узнаю себя в зеркале. Другой человек... А за окном на горизонте, приукрытая тонким покровом снега, мирно умастилась незабвенная Оптина пустынь. Не догадываясь о моём возвращении, всё так же незыблемо она созерцает божественные тайны... под далёкий рокот грозных канонад. Сколько я о ней рассказывала на чужбине, скольким она стала родной, но недостижимой, как мираж в неведомой русской пустыне. Не верится, что я снова дома, или это и вправду лишь только мираж?

Россия, ты словно изменилась вместе со мной. Неузнаваема! Гляжу на тебя совсем иными глазами: расширилась ты, заглубилась. А какой же издали ты мне привиделась ласковой, всё манила и манила словами моленными, что ни расстаться с тобою, о тебе не настрадаться, точно заговорила великодержавною своею молитвою, ниткой в триста Иисусовых узлов по три раза опоясала. Прекрасная, любезная моя Родина! Кто так пронзительно тоскует по Отчизне своей, как не русский человек? А с Востока гроза грядёт лютая

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

из той стороны, в которой я была, — берегись! Прислушайся... Не слышишь ли далёкий рокот грозных канонад?

А я не могу не скорбеть: избранных слишком мало, а падших из тех, которые не дошли, — всё больше. Господи, помилуй! Господи, удержи! Господи, не попусти! Темнеет... Летят по-над рекой унылые звоны к вечерней службе. Завершая суточный круг, сейчас, как и вчера, лениво позванивая кадиллом, из алтаря выйдет старенький дьячок, как некогда Адам, встанет перед замкнувшимися воротами рая и возгласит великую ектенью... под далёкий рокот грозных канонад. И каждый раз вздрагивает сердце, и каждый раз этот гул будто ближе и ближе. Но отчего не дрожит земля? Отчего безмятежны лица, точно и не слышат ничего? Или всему виной моя воспалённая память о шестидесяти снарядах, как тать налетевших посреди ночи и превративших ветхую жизнь в далёком сирийском Жерамане в сущий ад? Но я про иную смерть! И снаряды тут ни при чём: не отпускает страх о неминуемом суде, ведь избранных так мало, а искушения люты! Как устоять?

Мне сегодня сообщили, что в Сирии на самое русское Рождество умер монах Пресвятой Богородицы. Братия так его и называла «Адрарахиб», что означает монах Девы. Я его знала. Средних лет, прекрасный, полный сил. ... Нет, не мученик. Просто умер. От разрыва сердца. Нашли его только через неделю, на коленях стоял перед Ликом Пречистой, в руке чётки. Так тихо жил, что и не заметили его ухода в вечность. Омыв в гроб стали, удивились: схи́ма-то откуда? Он показывал мне её как великое сокровище: «Матушка со Ангелами одели! Только тссс, — шептал, — ни-ко-му!»

— Мне скоро домой идти! — говорил монах в день нашего расставания.

— А разве не здесь твой дом? — удивлялась я, имея в виду любимую им обитель.

— Нет.

— А где же твой дом? Где мне тебя искать, если я захочу с тобой снова увидеться? Мы же друзья! — Но монах молчал.

— Ангел мой, Мария, прощай!

— Какой же я ангел? — удивлялась я.

— Как какой? Самый обычный русский ангел! Бентизгри (по-арабски — девочка-мальшка. — М.М.). — Он загадочно улыбнулся, прижал мою голову прямо к своему сердцу. Оно отчётливо стучало под схимой.

— «Бенти», ты его слышишь?

— Угу, — еле дыша, отвечала я.

— Теперь ты будешь жить там!

От чувства какого-то неземного и буквально осязаемого счастья я была готова разреветься и всеми силами старалась себя сдерживать. Видя мои усилия, монах улыбался и будто бы нарочно подначивал, что, мол, только такие маленькие девочки и могут быть такими большими плаксами. Услышав эти слова, я не удержалась и всё-таки расплакалась. Потом он достал из кармана и вложил мне в руку что-то мягкое и тёплое. Оказалось, длиннющие афонские чётки в целых триста узелков. Они мне были явно не по росту и волочились по полу, что ещё больше умиляло моего друга: «Ничего-ничего, наша «бенти» подрастёт, будут в самый раз! Одну нитку плачь за меня, две за себя. Одну за меня, две за себя. Поняла?» Монах Девы посмотрел на меня последним долгим взглядом, благословил и скрылся. Как теперь открылось — в вечности.

О, эти последние из христиан! Вообразить только, записанное на скрижалях его любвеобильного сердца, силой молитвенного вздоха разорвавшегося в самое Рождество, имя моё теперь произносится горе, у престола Владычного. Да, святость его была очевидна, она светилась в долгих паузах между словами, когда этот дивный угодник закрывал глаза, а потом точно считывал тексты с каких-то таинственных, зримых лишь для его сердечных очей книг! И я ещё обязательно посвящу ему отдельную главу.

Сколько удивительных происшествий и встреч, невероятных историй и нескончаемых дум мне были посланы на путях сирийского странствия. И все они оказались столь необходимы и полезны для русской души, сколь мы народ православный, ибо я ехала в Сирию за правдой, желала собственными глазами увидеть, собственными ушами услышать о том, как спасаются наши мужественные братья по вере во времена, сравнимые разве только с эпохой гонений на первохристиан. Масштабы геноцида чудовищные, отчёты международных организаций пестрят труднообразимыми статистиками и заявлениями об угрозе полного исчезновения христиан с их исконных территорий. Мне, простой христианке, хотелось посмотреть в глаза живым исповедникам, не по своей воле подвижникам, хотелось спросить об их переживаниях и думках. Разве мы не одна семья? Ведь если попросить Господа о встрече со страдающими и нуждающимися в помощи братьями, даже если они находятся на самом краю света, где не проясняется небо от разрывающихся снарядов, то Он устроит встречу, настоящую тайную вечерю, ибо власть Творца безгранична!

Путеводительством Пресвятой Богородицы я жила в православных монастырях и семьях, была на фронте под пулями

и даже молилась в пещере отшельников первых веков. Клирики и монахи, христиане, солдаты и генералы, политики, философы и историки, великодушные и малодушные, настаивающие и потерявшиеся, вызволенные из плена монахины и, кажется, даже святые — в равной мере поставленные Богом перед лицом эсхатологической катастрофы, размышляли, молчали, молились о вечном. И в тот момент я была рядом с ними, могла разделить их боль, ощутить свою причастность их судьбам.

Да, это оказалось трудное и опасное путешествие. Ни одного дня я не знала, что будет со мною завтра, кому доверять, кому нет. По средним расценкам голова русской девчонки в Сирии могла стоить от ста тысяч долларов, и охотников за лёгкой наживой достаточно. За каждое действие, каждое произнесённое слово я чувствовала огромную ответственность, а это большое психофизическое напряжение. Одна-единственная ошибка могла стоить мне жизни, и у меня не было права на ошибку. За полгода я полностью израсходовала все свои ресурсы: душевные, эмоциональные, физические.

Смысл в том, что моя поездка не носила официального характера. За мной ровным счётом никто «не стоял»: ни информагентство, ни телевизионный канал, ни пресловутые специальные службы, когда предполагается некое задание, есть сценарий, команда, есть, в конце концов, финансирование, и ты как официальный представитель (эдакий «броненосец Потёмкин») с закрытыми глазами рулишь по кем-то заранее проложенным для тебя маршрутам и профессионально выполняешь свою миссию. Ничего подобного в моём случае не наблюдалось. Кроме моего Ангела, у меня и полагающейся вооружённой охраны «мухабарадчиков» не было! Единственное, что было, — заветное письмо о моей скромной персоне владыке Л. от О.Ф. Письмо грело душу надеждой о содействии, которая, впрочем, вскорости благополучно растаяла, поскольку владыка Л. оказался невероятно мобильным архиереем: застать его в резиденции оказалось практически невозможно, да и при его «эсхатологической» загруженности до меня ему явно не было никакого дела.

Оказавшись в Сирии на птичьих правах, я была счастлива! Мне кажется, «птичий формат» значительно интереснее формата «броненосца Потёмкина». Почему? Ну, если можно так выразиться, он самый «божественный», то есть я хочу сказать, что если тебе заранее никто не прописывает сценарий, то его для тебя сочинит сам Бог, главное — иметь крепкую веру, полностью довериться Творцу, но и самому не плошать. Впрочем, пенять на владыку Л. мне не пришлось, по-

сколько своей властью имеющей архиерейской рукой он вручил мне самое главное: ключ от святой святых православной Сирии и всего Востока, второго по силе и значимости места после Храма Гроба Господня в Иерусалиме — ключ от великого монастыря Пресвятой Девы Сайднайской. На время пребывания в Сирии Сайднайя стал моим генеральным штабом, моей могучей крепостью и залогом встречи с Пречистой Девой, зримо и осязаемо обитающей там как явленное миру чудо.

Я безгранично благодарна Олегу Ивановичу и его супруге Алевтине Петровне за неравнодушие, редкое человеческое благородство и горячие молитвы. Если бы не их ходатайство к владыке, не видать мне дорогой сердцу Сирии. Никогда не забуду, как тепло Алевтина Петровна провожала меня в моё опасное паломничество, сколько дельных советов дала, от скольких ошибок берегла:

— Нелегко с Кошеем сладить! — неожиданно вспоминала она русскую сказку. — Помнишь, как там было? Смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, утка в зайце, заяц в сундуке, а сундук на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт.

— Помню, — не совсем понимая, к чему клонит моя мудрая собеседница, отвечала я.

— А ты знаешь, что этот Кошеев дуб как раз где-то там, куда ты сейчас едешь, и растёт? Будь осторожна и покрепче молись.

Как говорится, сказка — ложь, да в ней намёк, и моя дорогая Алевтина Петровна наверняка знала, о чём говорила, поскольку сама человек Божий, да и на Ближнем Востоке с мужем полжизни прожили. Помню, как Олег Иванович рассказывал об Октябрьской войне 1973 года, когда за одни сутки Господь трижды спасал его от смерти. Возглавляемый им в то время Советский культурный центр в Дамаске подвергся бомбардировке израильской авиации. Были погибшие среди советских и арабских служащих Центра. Зато на следующий день он наблюдал, как управлявшие зенитно-ракетными комплексами сирийцы и советские инструкторы десятками сбивали израильские самолёты в небе Дамаска. Вот какие люди! Меня тогда и на земле-то не было.

— Вы точно в воду глядели! — вернувшись из Сирии, напомнила я Алевтине Петровне про «око Кощея».

— Неужто добралась? — удивилась она.

— Наверное, добралась, раз за «око» в око получила: боевое крещение с воспалением глаза.

Посмеялись, поохали. Совпадение, конечно, интересное, но то, что Ближний Восток — духовный центр мира, а поэто-

му земля не только пророков, но и иуд, так это совершенно очевидно. Свято место пусто не бывает, и Кощей там свою иглу на Русь святую точит, и к дубу на километр никого не подпускают, и сундук там, и яйцо с зайцем — всё как полагается, полная комплектация. Но обо всем не торопясь...

2

Без политики в наши дни обойтись не получается. Как бы порой ни хотелось просто жить и радоваться солнышку, но век лукавых технологий, заточенных на тоталитарное манипулирование сознанием, проявляет сегодня небывалую активность: проникнув решительно во все, начиная с детского сада, социальные сферы общества, он диктует свои условия жизни, и если ты хочешь остаться независимым, то солнышку придётся радоваться лишь в промежутках постоянного самообразования — духовного и фактического. Один замечательный священник, мой давнишний вдохновитель на добрые дела, любит повторять своим чадам заветное наставление: «В наше время, — грозно говорит он, — запрещено быть дураками! — А потом, легонько постучав подопечному по лбу здоровенным кулаком, добавляет: — По-хи-и-итют!»

Оно и верно, зевать нынче ну никак нельзя, ведь на то, чтобы «раскачать» и подчинить неким идейным установкам моё личное человеческое сознание, в зарубежных лабораториях работают тысячи далеко не самых глупых людей. Их много, а я-то одна. Они хитры и лукавы, а я-то православная. Впрочем, порой мне эта интрига даже начинает нравиться, ведь, чтобы не попасться на многочисленные крючки, или не поймать оглушительный снаряд, нужно быть как минимум Ломоносовым. Что же, отличный стимул к личностному росту! Православные, в конце концов, должны быть эсхатологическими оптимистами... Я так считаю.

Поэтому, прежде чем приземлиться на священную сирийскую землю, с высоты птичьего полёта попробуем произвести некий политико-истерический анализ того, что там сегодня на деле происходит. Имея перед глазами некую панораму событий, снятую с геополитической высоты, нам позже будет значительно легче ориентироваться на земле. Вижу ваше недоумение... Да-да, именно «истерический», это не опечатка. Определение пришло сразу после того, как недавно мой друг, православный выходец из Ирака, прислал мне карту сегодняшних противостояний в Сирии. Иначе как истерией «это» назвать было трудно. Карта, безусловно, шуточная, но мне она почему-то увиделась глубокой метафорой какого-то

обречённого бессилия, ведь сам факт того, что конфликту пошёл восьмой год, а Сирия всё ещё жива, наталкивает на вполне логичный вывод: враг-то не так и силён. Впрочем, мысль эта довольно опасная, противника лучше переоценить, чем, расслабившись, пасть жертвой непрофессиональных бойцов, владеющих смертельным ударом. Итак, Ближний Восток. Сирия. Взлетаем...

Как говорят, на Ближнем Востоке и глина замешана Словом Божиим. Испокон веков колесо истории здесь движется исключительно именем Бога, который, увы, чем дальше, тем у каждого свой. Территория региона не столь велика, но культурная и конфессиональная плотность значительны: в такой тесноте трудно остаться незамеченным и кем-то не притесняемым. Отстаивать свою идентичность на Востоке — это образ жизни. Арабы любят вспоминать свою старинную пословицу: «Я — против моего соседа. Мой сосед и я — против нашего врага. Мой сосед мой враг и я — против всего мира». И это при том, что народ они гостеприимный, хлебосольный, выдержанный, но до определённой черты, переходить которую ни в коем случае нельзя. Судьбы людей здесь представляются драматичнее, а нерв конфликтов острее, поскольку фактически все искушения связаны с верой.

Материальное и вечное, преходящее и эсхатологическое — живут в тесноте одного двора, и подвиг исповедничества смиренно сосуществует с глубочайшими ценностными противоречиями и, поистине, шекспировской враждой. Человек здесь поставлен в такие обстоятельства, что нравственно его буквально разрывает на части. При подобной «драматургии» венец праведника даруется, наверное, лишь за то, что, родившись христианином, человек им же сумел умереть. Единственный грех, который на Востоке невозможен, — это русская раздольная теплохладность!

Ближний Восток называют солнечным сплетением мира, именно в этих пределах началась история человечества, здесь же, согласно Священному писанию, она и завершится. В Книге Бытия даётся конкретная географическая привязка рая, упоминаются четыре реки: Фисон, Гихон (Геон), Хиддкель (Тигр) и Евфрат. Их русла сегодня проходят по территориям трёх государств — Турции, Ирака и Сирии. Место первого пролития крови находится на горе Джебелъ Касьюн, у подножия которой расположился Дамаск, именно здесь своим братом был убит Авель. Потомки Каина и Сифа до потопа проживали на территории, которую сегодня занимают Си-

рия и Ирак. Совсем рядом Иерусалим — Голгофа, другие места и святыни, связанные с земной жизнью Христа, а также «Пуп Земли», почитаемый всеми христианами мира. Когда круг истории человечества замкнётся, в долине горы Тель-Мегиддо должна будет произойти последняя битва, так называемый Армагеддон.

Кстати, от Дамаска до горы Мегиддо всего несколько часов езды на автомобиле. Большинство на эти и многие другие факты не обращают внимания, но без знаний библейской истории понять истинный смысл нынешних событий в Сирии и вокруг неё просто невозможно. Весь Восток до предела интертекстуален, он дышит Словом Божиим, преданиями, легендами. Здесь испокон веков ценили традицию, а самым дорогим товаром считался тот, который выдержан. Здесь каждый более или менее древний род, имеющий как минимум дюжину колен, непременно «заряжен» каким-то сакральным сюжетом, от предков им открыто некое знание, о котором не догадывается никто: свои легенды, мифы, и это целые непознанные, неоткрытые миры. «Тайные знания» держат кланы, определяют иерархию, обеспечивают сцепку поколений. Это то, ради чего живут и за что стоят насмерть. Передвигаясь по Сирии, я не уставала удивляться: какая она разная. Здесь соседние деревни могут враждовать веками, а их жители разговаривать на совершенно разных языках. Ближний Восток — как самая древняя в мире книга, которая открывается лишь тем, кто прошёл проверку временем и не утратил способности держать звенья своей родовой цепи. Самые древние кланы — самые могучие, во главе их мудрецы. Здесь встречаются семьи, как клады, и если вам посчастливится хоть немного пожить в таких домах, то у вас есть шанс ощутить себя гостем кого-то неведомого века, а уж если в этой семье заговорят на арамейском языке, том самом, на котором говорил Спаситель, то, Боже милостивый, куда может отнести вашу лёгкую душу боговдохновенное озарение. Воистину, блаженны поэты на Востоке! Купель трёх авраамических религий, родина апостолов и пророков, цветущий Эдем, «земля гнева» и «великая чаша исступления». И всё это Ближний Восток — противоречивый, необузданный, жестокий, но вместе с тем необъяснимо притягательный.

Однако не будем забывать, что по какому-то лукавому замыслу, сквозь священные земли этого во всех отношениях особенного региона проходят не только нервные волокна известных мировых религий, но также, весьма прозаично, их пронзают и нефтегазопроводные трубы — кровеносные сосуды экономик решительно всех развитых государств мира.

Вы перекрываете небольшую вену в районе Ормузского пролива, и планете грозит энергетический коллапс — ведь именно отсюда получают нефть все промышленно развитые державы, включая страны ЕС, США, Индию и Китай. Вы стреляете холостым патроном в Иерусалиме в районе Кирьят Бельз, и в ту же минуту в известных стратегических направлениях начинают грохотать натовские «пушки». Тайно или явно, но именно здесь переплетены интересы решительно всех государств мира, а если уж совсем точно, то владельцев транснациональных капиталов (ТНК и ТНБ), которые в ходе пары-тройки криминальных ростовщических операций стали, по сути, их незаконными, но имеющими реальную власть акционерными.

Распределение сфер влияния, ресурсное первенство, гонка вооружения — то, на чем сегодня кроваво схлестнулись до предела воспалившиеся страстные начала падшей человеческой природы. На глазах у всего цивилизованного мира американцы с их союзниками ведут кровавый передел Ближнего Востока. Эрдоган, в свою очередь, цинично заявляет о планах военного влияния в направлении Балкан, Южного и Северного Кавказа, Крымского полуострова, Ирана, Ирака и Сирии. Катар и Саудовская Аравия видят «свою долю» в том, что протащат газопровод из Южного Парса и что их газ, наконец, вытеснит российский с европейских рынков. Американские «акулы» мечтают отхватить огромный куш — более 30 трлн. кубометров газа, которые открыты в Персидском заливе и принадлежат Катару. Под программу «Новый Ближний Восток» Госдепартаментом США были выделены колоссальные средства, разработаны технологии смены легитимной власти.

Ближний Восток сегодня — это причудливая и уже прилично разбитая шахматная доска, на которой друг против друга выстроились отнюдь не две традиционно противостоящие армии. Нет. Это игра, в которой пешки давно «съедены», а многочисленные ферзи или те, что мнят себя таковыми, не дожидаясь права хода и не замечая уже прилично стёртых границ полей, «пожирают» угодных вчера и негодных сегодня, тех, кого «заказали» давно и кто просто «попал под раздачу»: Анвар Садат, Мухаммед Зияуль-Хак, Ицхак Рабин, Беназир Бхутто, Бен Али, Али Абдалла Салех Ахмад, Саддам Хусейн, Хосни Мубарак, Маумар Каддафи — далеко не полный список тех, кто оказался сметён с кровавого поля.

Настал черед Асада: восьмой год охотятся, от усердия и шахматную доску разломали, и всё никак. Криминальная

расправа, лукавый подкуп, подлое предательство. Очередное короткое замыкание, и железное правило из теории игр — все объединяются против самого сильного игрока — выстреливает в сторону того, кто сумел стать во главе «созвездия Евриона» и поставил мат двум, а то и трём «королям» разом. В одночасье меняется ход схватки, и всё начинается будто бы заново: иные коалиции, иные «гарантии», но суть всё та же — блеф и пирамидальный «лохотрон». Однако, невзирая на видимый хаос и невидимый торг «элит», в ходе подобных перетасовок, будто бы случайно, но на самом деле планомерно и поступательно с лица земли исчезают цивилизации, одни государства срашиваются с другими, слабые подпольно колонизируются — формируется нечто новое и для большинства непонятное. Да что есть большинство? Низшая закрытая страта и только. Меньше знают — крепче спят. Впрочем, неизменным при всех тайных и явных изменениях остаётся лишь одно: кто контролирует Ближний Восток, тот контролирует ход мировой истории. Поэтому-то все игроки здесь и мнят себя не иначе как наполеонами. Небывалый парад неадекватных амбиций налицо: план «Новый Ближний Восток» США, план восстановления «Османской империи-2» или «Великого Турана», планы «Великий Израиль» и «Исламское государство» (террористическая организация, запрещенная в России. — Ред.). Следствием маний величия становятся пышно расцветающие шовинистические мифы о всевозможной богоизбранности: евреи с одной стороны, гои с другой, верные исламисты с одной стороны, кяфиры с другой, а есть и вовсе капиталистическая стратегия «золотого миллиарда», согласно которой все «имперские духи» переместятся в крупные банки, корпорации и овалы кабинеты и будут, наконец, транснационалы — с одной стороны и рабы — с другой.

Вся эта необузданная гордыня, питающаяся энергиями власти, денег и крови, вырвавшаяся на свободу и, как пламя, охватившая сегодня весь мир, чудовищно опасна. Чего стоило русскому народу одолеть один-единственный арийский бред мессианского избранничества? А сегодня история движется к столкновению множеств вирусов шовинистической модификации, этой маниакальной одержимости, управляемой и разгоняемой не иначе как самим Люцифером. Впрочем, сами игроки-закопёрщики объясняют не на шутку разыгравшийся ближневосточный цунами весьма поэтично: мол, реконструкция системы займёт время, говорят они, и этот период будет представлять собой «период террора». По их словам, процесс, который в своей основе выглядит как

хаос, — это просто-напросто период рождения нового глобального мира, при котором всему Ближнему Востоку — от Египта до Туниса, от Сирии до Йемена (а кто-то использует более импонирующую им формулировку «от Нила до Евфрата») — придётся перенести тяжёлую боль. И продолжают беспощадно жать...

Публичная дипломатия США долгие годы подготавливала почву для госпереворотов по всему земному шару. Ближний Восток начали «раскачивать» с 2002 года, «арабская весна» там разгорелась 2010—2011 годах. Политические взрывы прогремели в Тунисе, Египте и в Йемене; войны в Ливии и в Сирии; восстание в Бахрейне; массовые протесты в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко и в Омане; протесты в Кувейте, Ливане, Саудовской Аравии и Судане. После сентябрьских событий 2001 г. число программ публичной дипломатии США по ближневосточному региону резко возросло. К 2014 году данный вид деятельности проводился уже шестью специализированными отделами Госдепартамента, двумя отделами по стратегической коммуникации Белого дома, десятком подразделений Пентагона, а также формально независимыми ведомствами по международному развитию и международному вещанию. Госдепартаментом было создано более 350 программ, направленных на либерализацию региона. В истории США это самая масштабная операция подобного рода! Все программы были объединены в грандиозный проект под названием «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке», который координируется из основного офиса Госдепартамента.

К характерным методам подготовки «арабской весны» эксперты относят масштабное обучение молодёжи в США. Чему их учили? Политические технологии, демонстрации, создание партий, менеджмент, эмансипация женщин. Развитие информационной пропаганды (на Ближнем Востоке появилось более десяти подконтрольных телеканалов: Аль-Хурра, Аль-Джазира, Аль-Арабия и др., которые вещают на регион через спутники. Ни один другой регион мира не получает такого масштабного информационного проникновения). Система документальных фильмов пропагандистского характера. Цифровая дипломатия и обучение через социальные сети. Распространение особых компьютерных программ, которые «подогревали» революции и религиозный экстремизм. Сотрудничество корпораций с американским правительством, которые создавали антицензурные программы анонимной сети, предоставляющие передачу данных в зашифрованном виде (самая популярная программа так называемого «тене-

вого интернета» — программа «Тор»). Мобилизация активных блогеров-оппозиционеров, которых приглашали на конференции, в частности, в Техас. Создание через американские фонды специализированных информационных сайтов, направленных на универсализацию традиции, глобализацию социальных процессов. Финансирование аналитических групп, считающих антиамериканизмы, и т.д. и т.п. Это и есть методы тоталитарного глобализма и торжество абсурда эпохи постмодерна, когда некто пытается навязать «подопытному обществу» выгодные лишь ему ценности (точнее, антиценности), игнорируя логику исторической преемственности, специфику культуры и ментальные особенности местного населения. Подобный процесс некоторые учёные весьма точно называют «самоколонизацией».

Меня, например, всегда поражало, как сирийцы, пережив такое огромное количество войн, иностранных экспансий, вторжений и эпох колониализма, сумели сохранить свою ни с чем не сравнимую идентичность? Бесспорно, Ближний Восток в целом и Сирия в частности — это один из самых крепких орешков, хранитель сакральных тайн мира и запретный, а поэтому и столь желанный плод для системы. Густонаселённый и разношёрстный Восток стал идеальным полем для эксперимента глобалистов. Если они сумеют «причесать» эту пестроту культур и религий, если смогут вырвать с корнем многовековые традиции семей, родов и кланов, то остальное получится само собой. Чего стоит одно «великое переселение» народов, устроенное Западом на Ближнем Востоке!

На наших глазах рвутся мощные родовые скрепы, трещат по швам чугунные вековечные спайки. Как рушатся глыбы великой Пальмиры, сравниваются с землёй веками стоявшие памятники, сжигаются не имеющие аналогов ценнейшие библиотеки, так уничтожается и сам дух исторической преемственности, делается всё, чтобы помнить было некому и нечего. Сотни тысяч беженцев оказались рассеяны по всему миру. И что интересно, по закону принимающих государств, родственники беженца не могут быть приняты одной страной. Я встречала множество христианских семей в Сирии, члены которых были разбросаны по всему миру: Канада, Германия, США, Австралия...

Так в чём истинные причины этого великого передела человеческих душ и территорий? Не является ли данная война — стратегической войной так называемой «религии денег» (глобального капитализма и универсальных ценностей) с древнейшими религиями Востока, а углеводороды — просто материальными бонусами и прикрытием более глубоких

целей? Война, нацеленная на уничтожение традиционных религий христианства и ислама (не путать с поддерживаемым ЦРУ «исламским фундаментализмом»), единственных в мире сил, способных отвечать на вызовы современного стремительно меняющегося мира, — вот главная стратегическая цель жрецов «религии денег».

Так что и как было сделано?

Методы силового и товарно-финансового воздействия на ближневосточные государства неизменно сочетались с воздействием информационно-духовным. Учитывая особенности региона, связанные с его религиозным и культурным многообразием и, как говорилось выше, неизменно дышащего сакрализованной мыслью, был предпринят дерзкий эксперимент по формированию новой и выгодной Западу глобальной религиозности, своего рода суррогата религии. Была произведена попытка подмены традиционных религий — как христианства, так и ислама — их политизированными вариантами и религиозной идеологией. Заметьте, импульс конфликтности на Ближнем Востоке исходит сегодня не от традиционных религий (пусть относительно мирно, но веками сосуществовавших на одной территории), но от их различных извращённых «политизированных» форм, которые в своём обмирщённом варианте утрачивают право называться религиями в их исконном значении. Иными словами, политизация перевела сугубо религиозные вопросы в разряд социально-политических, а сами конфессиональные общины заставила рассматривать как политических акторов (действующих субъектов), или просто как пушечное мясо. Таким образом, религия оказалась превращена в мощное оружие, способствующее перенаправлению давних межрелигиозных противоречий в политическое русло. «Подопытные государства» стали более уязвимы и взрывоопасны, произошло разделение как по вертикали, так и по горизонтали, ибо можно быть наполовину арабом, но быть полу-мусульманином, или полу-иудеем никак нельзя. Политический фактор был внедрён во все сферы деятельности государства: образование, науку, здравоохранение. Отныне всё служило формированию выгодного Западу образа мышления. Именно эти процессы и повлекли за собой законную реакцию общества в виде радикализма с их воинствующей нетерпимостью, ввергнув живые религиозные общины Ближнего Востока в ещё большую изоляцию. Маховик политического противостояния был запущен всерьёз и надолго, а в итоге, чего и следовало ожидать, оказался в руках «великих гроссмейстеров».

Началом эпохи сращивания религии и политики можно считать 11 сентября 2001 года, день официального рождения пресловутого «мирового терроризма». Однако «противоядие» против этого джинна, сознательно выпущенного самими же западными «мудрецами», разрабатывалось ими же задолго до сентябрьских событий, начиная с далёкого 1947 года, когда по инициативе иудеохристианских протестантских общин на I Генеральной Ассамблее был создан Всемирный Совет Церквей с главным штабом в Женеве. С 1971 года ВСЦ становится официальным органом межрелигиозного диалога, главным идеологом и носителем духа синкретизма, обмирщения и политической корректности уже не только для христианских общин, но для всех религий мира. Вот уже многие десятилетия, параллельно с отживающими свой век (по их мнению) каноническими церквями, параллельно существует и благополучно развивается некая теневая всеересь единой «транснациональной церкви», активно занимающаяся «деприватизацией» религий по всему миру. Она ширится, растёт, матерееет и ждёт своего звёздного часа: ведь именно ей режиссёрами глобализма отдана главная роль победительницы зла мирового террора — угрозы, вокруг которой все народы и верования мира, побросав к чёртовой бабушке свои исконные убеждения, якобы победоносно сплотятся... Так, во всяком случае, сочинили режиссёры. Как бы абсурдно всё это ни звучало, но с реально существующими угрозами традиционным вероисповеданиям на Ближнем Востоке, да и во всем мире в целом считаться приходится. Религиозный экстремизм, с одной стороны, и агрессивная секуляризация с другой — вот две серьёзнейших опасности для современной цивилизации, две крайности единого и по всем признакам эсхатологического процесса.

Но кому открыто, что вся эта во многом криминальная возня с ярко выраженными признаками религиозного бреда — всего лишь фон к чему-то иному и поистине глобальному, тому, в сравнении с чем идея «золотого миллиарда» и ей подобные представляются лишь параноидальной фантазией. Не будем забывать, что кроме истории существует ещё и сверхистория, развивающаяся от благовестия Слова Божия миру и неизбежно грядущая к Судному дню. Исповедание такого миропонимания заключается в живом переживании верующими прямой связи со Священным писанием и в ожидании следующего этапа сверхмировой истории. Именно уровень религиозно одухотворённого мышления и погружённость в традицию позволяет нам считывать важную информацию, скрытую между строк стремительно развивающихся событий.

В книге «Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса» святой праведный Иоанн Кронштадтский указывал на конкретные государства, которые станут ареной последней в истории человечества третьей мировой войны: «Поприщем последних событий имеют быть... страны Малоазийские, Сирийские, Египетские, быть может, и Южно-Европейские, словом, области древнего римского владычества». В соответствии со Священным писанием, святой также называл признаки последних времён и последовательность событий. Начало исполнения пророчеств станет главным свидетельством того, что конец времён совсем близок, и царство Мессии уже «близ есть, при дверех».

О деталях того, как, например, будет происходить эскалация военного конфликта на Ближнем Востоке, говорил наш современник, старец Паисий Святогорец, который предупреждал верующих: «Когда услышите, что воды Евфрата турки перекрывают в верховьях плотиной и используют их для орошения, тогда знайте, что мы уже вошли в приготовление великой той войны». В марте 2014 года СМИ сообщили, что турки перекрыли подачу воды Евфрата в Сирию. Подобных признаков у святых отцов можно найти довольно много, они позволяют свободно ориентироваться и не терять ортодоксальную остроту оценки происходящих событий.

Внимательное прочтение Священного писания и Отцов Церкви полезно ещё и тем, что помогает развенчивать многие амбициозные мифы, которым, например, является сугубо политический миф о Великом Израиле. Как Авраам и Сарра сомневались в Божьем пророчестве, не захотев ждать исполнения обетования, так религиозно-политический сионизм пытается сегодня восстановить Израиль до времени, определённого Богом. До пришествия Иисуса Христа нет никаких библейских оснований для восстановления завещанных Авраамом территорий, расположенных в междуречье Нила и Евфрата. Исходя из спекулятивной интерпретации Книги Бытия (12: 3), сионисты утверждают, что христиане должны оказывать всяческую поддержку евреям (протестантская ересь иудеохристанства), в то время как другие дети Авраама должны подвергаться уничтожению, этническим чисткам и что на них можно сбросить даже атомную бомбу. Как тут не вспомнить слова Евангелия, обращённые к христианам: «Всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» (Ин. 16: 2). Конечно, для ориентирующихся в Священном писании все натяжки выглядят не иначе как религиозной профанацией, ведь в Книге Бытия Бог также дарует и Измаилу с его потомками Своё благословение, го-

воя: «...ибо Я произведу от него великий народ» (Быт. 21: 18). Может быть, кто-то хочет создать Христианское движение приверженцев Измаила и лоббировать, например, арабский национализм? Так, впрочем, всё и делается. Чем абсурднее, тем правдоподобнее — в такой лукавый век мы живём, и это тоже один из апокалиптических признаков приближающегося конца...

А между тем война в Сирии продолжается, гибнут люди, страдают дети. Прямо сейчас, в эти дни идёт горячая битва за Дамаск. Вечный город, изрытый подземными тоннелями, имеющими связь с террористическими ячейками, подвергается жестоким бомбардировкам. Мне пришло сообщение о шести снарядах, которые упали на школу, в которой учится сын моего хорошего друга, профессора дамасского университета доктора Мамдуха. Погибли дети, много раненых... «Я не хочу жить! — в отчаянии пишет мне юный Фади, — пойте, у нас нет будущего! Зачем я учусь, зачем всё это? Все, кто мог, уже давно уехали из Сирии... Мы обречены!» От боли сжимается сердце, и я не знаю, что ему ответить. Но бои продолжаются, а это значит, что есть надежда. По периметру оккупированного боевиками анклава стягиваются подразделения спецназа «Тигр», 1-й и 9-й танковой, 4-й механизированной дивизий, 14-й дивизии армейского спецназа, 104, 105-й и 10-й бригад Республиканской гвардии, усиленные танками, БМП и САУ, а в небе работаем мы — русские.

Последнее двадцатилетие показывает, что западная система активно ведёт человечество к новому мировому порядку, и действительно независимых государств остаётся всё меньше. Своими действиями, при мощной поддержке Китая и Ирана, Россия на сирийской земле дерзнула вступить в схватку за будущее всего человечества. Однако не нужно думать, что всё закончится Сирией. Здесь всё только начинается...

3

Со дня моего последнего визита в Сирию прошёл ровно год — седьмой мучительный год войны, ещё один, длиною в жизнь. Сколько ещё смоляных голов поседело? Сколько жизней унесло? Сколько судеб сломало? Никто не ведёт этот печальный счёт.

По знакомому шоссе несёмся из аэропорта в благословенный Дамаск. Несмотря на многочисленные попытки «взять» древнейший город-святыню и вопреки тому, что каждый день шальные снаряды ранят его историческое тело, он и теперь жив. С 2012 года Дамаск окружён. В его пригородах, в посе-

лениях Айн Тарма, Джобар, Арбин, которые являются опорными пунктами террористических группировок «Файлак Аль-Рахман» и «Хайят Тахрираш-Шам» (бывшая «Джабхатан-Нусра». Террористические организации, запрещенные в России. — Ред.) — наступило жестокое средневековье. Тысячи людей оказались заложниками, сотни убиты. Вот уже пять лет именно отсюда обстреливается столица, есть совершенно «убитые» районы, а в основном объектами бомбардировок становятся мирные граждане, школы, больницы и рынки.

Усилиями сирийской армии, сражающейся за столицу по преимуществу в подземных тоннелях, вырытых исламистами и образующих собой, по сути, второй подземный город, в Дамаске сохранена стойкая «зона мира». Благоухающий, яркий, жасминовый, ставший родным и необходимым, все эти тяжёлые годы он был прекрасен и сохранял своё неповторимое обаяние — вопреки всему! Но, к моему огорчению, великий и непобедимый Шамдал: это нищие, грязь, отчего-то ставшие более заметными руины... И во всем его скорбном облике будто бы что-то исчезло, что-то очень важное. Быть может, надежда.

Остановили на пункте досмотра, в машину заглянул здоровенный бородач в военном, тычет в меня пальцем, что-то спрашивает. «Руси-руси...» — отвечает мой сопровождающий, но не срабатывает. Открывают капот, там чемодан и коробки с пряниками для сирот. Засуетились, просят вскрыть. Таксист нервничает, ругается, даёт тому купюру и срывается с места.

— Что произошло? — спрашиваю. — Русских всегда пропускали.

— Пришлось дать взятку, — отвечает гид.

— И сколько?

— 200 лир. Это копейки, меньше доллара.

— Ну хорошо, а если я террорист и у меня в коробках не пряники, а гранаты — 200 лир, и можно взрывать Дамаск?

— К сожалению... но мы не можем их осуждать. У этого бедняги наверняка дома добрая дюжина голодных детей, — извиняющимся тоном ответил гид, но не убедил, стало страшновато.

Пока мы ехали, гид о чем-то нервно разговаривал с шофёром — было похоже, что они ругались. Единственное, что я смогла разобрать из эмоциональной арабской речи, оказались два весьма странно сочетавшихся слова «руси» и «шайтан».

— В чем дело? Ему что-то не нравится?

— Лучше вам не знать, — снова, смутившись, ответил гид.
— Отчего же? Я как раз и приехала, чтобы «знать». Он говорит что-то про русских?

Бросив бесполезное сопротивление и вежливо извинившись, гид сообщил, что шофёр милостиво послал меня, а заодно и всех русских вместе взятых — ко всем чертям. «Приехали!» — выдохнула я. Все годы, которые мне доводилось бывать в Сирии, слово «русский» имело буквально волшебную силу: оно открывало закрытое, возвращало утерянное, ну а уж без обеда, — и это закон — точно не оставляло, не говоря о том, что сирийцы и сами по себе народ очень гостеприимный. Не я ли в своих собственных репортажах совсем недавно писала, что «в Сирии на русских молятся!». «Нет, наверняка это просто какое-то недоразумение», — подумала я и поинтересовалась, чем же мы так досадили господину шофёру. Оказалось, что всему виной недремлющая американская пропаганда. Радикальных мусульман и необразованных бедуинов убеждают в агрессии русских, которых с какого-то перепугу называют «новыми крестоносцами». Согласно «легенде», они (то есть мы) пришли на Ближний Восток со «священной войной», чтобы резать мусульман и возвращать христианам их исконные территории. Я попыталась возмутиться: при чём здесь «крестоносцы» — русские никогда не вели завоевательных войн, и потом наш менталитет далёк от... но на полуслове я была прервана безапелляционным доводом: мол, бедуи-и-ины, что с них взять...

Оставшуюся дорогу все молчали. За окном, под звуки мерно разрывающихся снарядов и рокот моторов работающей русской авиации, взывала о пощаде древнейшая сирийская цивилизация, а в сердце зудела обида: «Вот так и помогай вам!..» Содрав двойную плату за проезд и фыркнув напоследок что-то оскорбительное, недовольный таксист дал по газам и со скрежетом скрылся в серой безысходности так любимого мною города.

Однако несчастные бедуины, на которых свалил всю вину мой спутник, оказались вовсе ни при чем. Как выяснилось позже, проблема была значительно серьёзнее: дело было в риторике исламистских радикальных лидеров, согласно которой христиане представляются здесь союзниками сионистских евреев (по вполне, кстати, понятным причинам). Позже мне доводилось даже слышать обобщённое название «яхуд» в отношении ближневосточных евреев и христиан. Подобный подход в равной степени, как, кстати, и весь протестантский англосаксонский мир, проповедовал Бен Ладен, толкая мировую геополитику как столкновение цивилизаций

«крестоносцев» и «сионистских евреев» (коалиции США, Великобритании и Израиля), с одной стороны, с мусульманским миром — с другой. Противостояние идёт в тесной связке с войной экстремистов против империализма и сионизма, местной светской власти и даже против единоверцев, подозреваемых в неправоверии. Появление России как гаранта стабильности, суверенитета, территориальной целостности и единства Сирии в этом геополитическом раскладе не предусматривал никто, поскольку русские ушли из региона фактически со времён Архипелагской экспедиции Екатерины Великой и возвращаться, как все думали, не собирались. Но Россия вернулась...

Мы стояли у российского посольства: нужно было встать на учёт — ведь я в первый раз приехала сюда надолго. Тщательно досматривают вещи, кто-то из охранников шутит: «Да ракеты у неё там от Путина... Всё нормально, пропускайте!»

Из беседы с консулом я вынесла много полезного и отрезвляющего. Ну, например, что в целях «конспирации» лучше всегда носить платок и помалкивать, что категорически запрещено заводить знакомства с неизвестными, что запрещено перемещаться без сопровождения (посольских, например, даже в город не выпускают). Такие строгие меры были связаны с тем, что в погружённой в длительный хаос стране участились случаи краж иностранцев с целью выкупа, и русские «крестоносцы» — не говоря уж о «крестоносцах» — у исламистов на особом счету. «Поймите, — сказал консул, — если вы пропадёте, вам уже вряд ли кто поможет — это война. Да и мне, если честно, не хотелось бы отвечать за вашу голову». Я сказала, что поняла. И в этот момент приняла для себя твёрдое решение действовать лишь Божиим промыслом и ступать исключительно путями, открывающимися свыше, — никакого своеволия. Как благословлял великий старец Амвросий Оптинский: «Иди, куда поведут, смотри, что покажут, и на всё говори: «Да будет воля Твоя!» Оказаться в оранжевом костюме перед голливудскими камерами игиловцев в мои планы совсем не входило. Задача же передо мной стояла непростая: в воюющей стране, без знания языка, без средств и имеющих власть покровителей осуществить миссию, цель которой, признаться, на тот момент я и сама до конца не понимала. Да и Сирия мне представлялась на подступах к миру, а тут вон оно как: всё запрещено.

Впрочем, благодаря «жёсткому приземлению», словно сама собой, органично произошла внутренняя мобилизация и как-то неведомым образом включилась непрестанная молитва — моя Одигитрия и мой «волшебный клубочек». Кроме того, я знала, чувствовала, какие могучие души возносят

моления обо мне на Родине — ни одного дня моего странствия я не была оставлена ими.

«Территория войны — это всегда дом бесов, — наставлял перед отъездом один из оптинских старейшин. — Ты должна понимать духовный смысл происходящего там и стараться видеть тех, кто стоит «за кадром» (имелись в виду, естественно, духи злобы поднебесной, а не «теневое правительство». — М.М.). Не теряй бдительности и всегда будь готова к удару. Помни, тебе будут мстить, — а потом добавлял: — И вообще кто благословил?! Зачем отпускает? В России дыры латать некому, а тут под чужими крестами ложиться? Это — их жестокая расплата за тяжкий грех вероотступничества — иначе не искупить». Помнится, я попыталась что-то возразить по поводу «чужих крестов», но батюшка буквально приказал: «Чтобы здесь легла! поняла? — и со властью ткнул пальцем в «русскую землю». А потом, почувствовав, что немного перегибает, уж так ласково на меня посмотрел: — Ну ла-а-адно. Ладно! Не сердчай! Бог благословит! Ты только это... на танки там... вражеские хоть не бросайся». Я честно обещала, что не буду. Но масштаб трагедии антиохийских христиан начал открываться мне уже тогда, на святой оптинской земле.

— Что? Гонения на христиан? Да какие гонения? Кто их тут гонит-то? У кого деньги были, те давно уже на Запад трусливо сбежали, да и живут там припеваючи, ни о чем не думают. Это мы тут нищие маемся, — и мне показалось, что на этих словах моя миссия в христианской Сирии в первый же день была завершена: только пряники раздать и по домам.

Непостижимо! Сирийские православные христиане, эвангелизовавшие весь Восток до Тихого океана: Грузию, Армению, Иран, Аравию, Южный Китай, монастыри в Монголии, даже первый русский митрополит Михаил был сирийцем по национальности, — и все «трусливо сбежали»? Господи, да что тут вообще такое происходит?

Мадам З., у которой мы в тот день оказались на ужине, была родом из Одессы, в конце восьмидесятых вышла замуж за мусульманина и уехала в Сирию. Шесть лет как овдовела и в тяжёлое военное время осталась выживать одна с двумя взрослыми дочерьми.

— Я вам честно скажу, я сама христианка, — закидывая ногу на ногу и закуривая «Винстон», продолжала мадам З., — хожу в храм, молюсь как могу, но мне непонятна ваша патетика. Какие гонения? Опуститесь на землю, всё значительно проще: когда людям нечего есть, остальное уходит на второй план. Вера вообще ни при чём. Есть чисто житейская логика и чисто политический конфликт.

В разговор вклинился сосед мадам, пожилой электрик с первого этажа, который, любопытства ради, прибежал посмотреть на новоприбывшую русскую и стал горячо доказывать совершенно противоположное: что война ведётся исключительно против христиан, что это сионисты, что это геноцид, и что он «из вредности» отсюда ни ногой, иначе его предки встанут из гробов, чтобы проклясть его... Мадам не на шутку разозлилась, стала говорить, что он такой один старомодный Дон Кихот.

— Так и умрёте в нищете, — кинула она ему в лицо вместе с клубом сигаретного дыма, — а другие вон продали Родину, да и живут себе припеваючи, в ус не дуют. Мелкие людишки пошли, ничего святого в них нет, — мадам отвернулась от электрика и переключилась на меня, — лгут, предают, уже не знаешь, кому верить, кому нет.

— Американцы освобождают земли на восточном берегу Ефрата! — торопливо парировал Дон Кихот. — Учреждают там правительство, независимое от Дамаска. Почему, скажите? А-а-а... То-то же. Ещё какой религиозный конфликт! — победоносно восклицал он, но мадам, точно не замечая его, продолжала о своём.

— Маалюлю правительственные войска освобождали. Кто грабил дома, церкви? Окна, алюминий, мрамор — всё же вывезли! Кто мародёрствовал? Да те же, кто освобождал! Почему не ужесточают закон о смертной казни? В стране полнейший беспредел. Меня мой сосед в деревне, с которым мы двадцать лет жили бок о бок, игиловцам за сто баксов продал. Если бы не мой Ангел-хранитель, не сидела бы я тут с вами. Так что, деточка, тут война, и каждый выживает, как может.

Мадам сильно нервничала, прикрытая маской холодного прагматизма, раненая душа её сильно страдала. По телевизору сообщали об очередной победе Сирийской армии на фронтах: «Пропаганда!» — выругалась она и принялась щелкать по каналам. Комнату наполнило дивное старославянское пение литургии — показывали какой-то российский исторический фильм: высокие храмы, кадила, золотые облачения — каждый кадр краше другого. «Боже, как я соскучилась!» — прошептала мадам З. уже совсем другим голосом. И тут вырубило электричество, всё погасло, электрик убежал узнавать, в чем дело.

— А почему вы не хотите вернуться в Россию? — спросила я мадам в кромешной темноте. Она долго не отвечала, мне даже показалось, что эта сильная женщина плакала.

— Я там никому не нужна.

...Мы шли с электриком по старому Дамаску — он по-джен-тльменски вызвался проводить меня до гостиницы. На душе было грустно и казалось, что я напрасно сюда приехала.

— Да вы не думайте, мадам З. очень хорошая, — почув-ствовав тяжесть нависшей паузы, начал мой пожилой провожатый, — она просто натерпелась, тяжело ей. Видели бы вы, как по утрам она кормит нищих у нашего дома. Самой иной раз есть нечего, а им лепёшки всегда вынесет.

Электрика звали Жозеф. Коренной житель Дамаска, на-стоящий патриот, он был последним из его семьи, кто остал-ся в Сирии, причём сделал это красиво.

— Смотрите, какой прекрасный город, какое высокое небо, как легко здесь дышится! — стараясь поднять мой упавший дух, говорил он и полной грудью вдыхал смердящий помоями воздух. — Здесь моя жизнь, здесь и смерть моя. Родственники неплохо устроились в Америке, получили гражданство. Может, я и правда сумасшедший Дон Кихот, старомодный идеалист, но если человек действительно любит женщину, то будет делить с ней не только радость, но и горе. То же самое и с Родиной. Я не вижу руин, я не замечаю ненависти вокруг себя — я люблю.

А ещё Жозеф, как уже можно догадаться, был немножечко поэт, но писал стихи совсем даже не для людей — он их писал для птиц. На последние деньги старик приобрёл для себя мо-гилу на христианском кладбище Дамаска и теперь часто хо-дит туда, чтобы помолчать и поговорить с Богом: «Вы знаете, я хожу туда, как в церковь. Там всё близко: и Бог и моя семья. Мне немного осталось, я стар».

А город-то и вправду потускнел — увы, но с утра мне это не привиделось. Проходим какие-то немыслимые завалы все-возможного барахла под мостом; чего здесь только нет: ста-рая мебель, электроприборы, металлолом, ношенная одежда, ванны, ковры — прибывшее неизвестно откуда, но вполне известно как: это стихийный мародёрский рынок. На газоне у фонтана — кто в коробках, кто укрытый целлофаном — спят семьи беженцев. Над узкими улицами старого города нависают безглазые дома: за семь лет они успели не только умереть, но уже фактически истлели. Жаль, ведь каждый из них необыкновенен и у каждого своя история. Мой прово-жатый красочно описывает далёкий Дамаск его детства, и руины точно оживают на глазах. Вон за тем углом жила его тётка, а в этом доме — крёстная. Тогда Дамаск был самым чистым городом Востока, раннее утро которого начиналось со звона мелодичного колокольчика: это обходил свой двор уборщик. Он собирал мусор, но главное — поливал мосто-вые водой, что само по себе для пустыни было чудом. Все

жилые дома города имели свой личный водопровод, а внутренние дворики даже иногда украшали маленькими фонтанчиками, чем выгодно отличались от деревенских. Жозеф подошёл к ветхой стене, из которой торчал носик крана, и гордо сказал: «А ну-ка, отведайте!» — и повернул металлическую ручку. Вода плещет во все стороны, и мой Дон Кихот с наслаждением пьёт оказавшуюся и вправду необыкновенно сладкой и пахнущую свежестью воду прямо из ладошек. А воду-то в Дамаск вернули только две недели назад. Это была самая страшная трагедия, фактически национальная катастрофа: поговаривали даже о том, что президент Асад ездил в Сайднайский монастырь и молил Пресвятую Богородицу о том, чтобы вернуть водоснабжение. Боевики взяли под контроль один из важных источников воды к северо-западу от сирийской столицы. В резервуары они сумели вылить дизельное топливо, и полуторамиллионный город оказался на грани смерти. Бутылка воды стала стоить, как золото, но и эти запасы скоро закончились. Начиналась паника. Но, слава Богу, кризис миновал, сирийская армия сумела отбить водохранилище: «Теперь хоть в ванной плещись, никто ничего не скажет», — радостно сообщает мой Дон Кихот. Нужно сказать, что несмотря на войну, вода, газ, бензин, коммуникации, а главное, хлеб — очень дешёвые, и за это жители благодарят правительство.

— Смотрите, видите дверь, ведущую во двор, — стараясь обращать моё внимание на всевозможные интересные мелочи, говорил Жозеф. — Она открыта! Хотя и война, но мы не боимся друг друга, не строим баррикад, не обособляемся, стараемся жить, как раньше. Утром вы убедитесь в этом. Вся улица заполнится людьми, пьющими кофе, курящими кальяны и обсуждающими последние новости. Смотрите, смотрите, как там красиво...

Он легонечко толкнул дверь, и дивный мир открылся передо мной: мощённая разноцветным камнем чистая дорожка, тонкой ручной работы роспись на кафеле вдоль стен, много зелени, выюющийся и благоухающий жасмин, посередине маленький фонтанчик, клетки с канарейками... Я просто замерла от неожиданности и восторга.

— Вся красота должна быть внутри — это христианская традиция, которая стала чисто сирийской особенностью: в Ливане, например, такого уже не увидишь. Так что не спешите огорчаться, всё ещё впереди. Свой своего всегда найдёт! — весело сказал Дон Кихот, поменяв многоточие неопределённости моего пребывания в Сирии на большой восклицательный знак.

МИНИАТЮРЫ

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

За неделю до Сретенья речка Крома потеряла интерес ко сну. Пелёнок с себя ещё не сбросила — и правда, середина февраля, спать бы да спать ещё, — но втихомолку лежать ей уже ни за что не ложится. Словно очнувшийся в колыбели младенец, и вздыхает-то она, и кряхтит, и царапается, а то вдруг, ни с того ни с сего, принимается агукать.

И с каждым днём даёт о себе знать всё смелее и смелее — хоть ещё и с заспанным, измятым лицом, а уже балует-свистит прибрежными тальниками (будто в глиняную потешку-свистульку), подзадоривая на драку прижившихся в её осокорях воробьёв. День-деньской от этих забияк потом всей деревне нет покоя. Бьются в пух и прах они то «стенка на стенку», то «один на один», словно, бывало, по весне в Волчьем логу на кулачках наши мужики.

Забывая про Фролычев мост, ходят местные всю зиму по Кроме вдоль да поперёк, туда-сюда наискосок. А в следы от валенок, в просовы, оголив дебри приречного сор-

ПРОЗА

ного клёна, ветра и метели нанесли семян. Лежат они себе все в мечтах, пришибленные морозом, своего часу дожидаются. Как сорвёт с себя река ледовые свивальни, закружат на грязных бурунах, помчатся крылатки наших клёнов в Цон, в Оку, может, прибьются и у дальних берегов.

А вчера перед вторыми петухами вдруг кто-то ка-ак шёлкнул кнутом, а потом ка-ак сверкнуло над Кромой, ка-ак бабахнуло в обложенных свинцовыми облаками небесах! Речушка чего-чего, а уж февральской грозы ну никак не ожидала — присела в лозняках, будто перепуганная ярка под тёплым, за-накрапывавшим дождём, захлопала, размякла у берегов.

Время предвесеннее. К рассвету всю округу затопил непроглядный туман, руку протяни — не видать. На деревьях и кустарниках повисли дождевые бусы. Сосняки и ельники закадили смолой.

Наст на полях набух, того гляди зашевелится, закипит, поползёт в Крому. А та, оголодав в морозы, ждёт не дожждётся, когда насытится этой снежной кашей и тогда, окрепнув, разгуляется, развернёт оцепеневшие свои воды, даст им ходу вдоль поймы, затопит на славу всю долину.

Сегодня, на берестяное Сретенье, и впрямь — весна весной! Туманы к полудню улетучились, и грянуло солнце! С крыш сараев, изб и амбаров вдребезги, наперебой, зарозовевшись, принялись рушиться и колотья сахаристые сосульки. С деревьев потянуло набухающими почками. Подворье задышало распаренной на припёке ржаной соломой, потными хомутами. Заорали, захлопали крыльями на поветях петухи. Без умолку растрещались в раakitнике, подставляя солнышку то один бок, то другой, сороки, заторопились расхвастать всему миру то ли последние зимние, то ли первые весенние вести.

Весна, жди, не жди, — на пороге, но до её прихода ещё и каких-никаких чудес насмотришься: снова десять раз скуёт, и опять десять раз отпустит. Впереди-то ещё — марток, пододенешь сто порток!

ПАВОДОК

Поди, всякий знает о том, что даже жареная картошка в каждом доме со своим вкусом? А уж коли дело касается кухонных разносолов или там ещё чего подобного, так тут у хозяек наприпрятано, насобрано столько рецептов, что только диву даёшься.

Вот к примеру, у тётки Катерины, что живёт в Заречье, с краю, во второй от обрыва хате, крашенки на Пасху всегда

такие чудные, что во всей деревне других подобных вовек не сыскать. И куполочки-то на их бочках горят, и жар-птицы-то на них сияют, и цветики-розаны распускаются.

Тётка Катерина, бабы Ньюшина кума, ещё на Рождество, когда мы с бабушкой ходили её, болящую, отведать с пирогами да с гусиной печёнкой, побожилась, что, коли не дозволит ей Заступница помереть «от ломоты в пояснике», обучит и меня своей «рукодели».

Теребила я бабулю, теребила, созывала в Заречье. И подлаживалась, и хныкала, а у неё всё отговорки да отговорки: и Лыска того гляди растелится, и прялка разладилась, надо к деду Кузьме на справу снести. И так день за днём: хлопот-то у неё — куча мала.

Уж и Прощёный день справили. Пасха на носу, а бабушке Ньюше всё недосуг да недосуг. Тут у меня и вовсе терпение лопнуло, раскапризничалась не на шутку.

— Не стану, — отбрила, — с тобой, бабулечка, хоть убей, клубки мотать, не подставлю под пряжу руки, пусть тебе их кто хочет держит.

Баба Ньюра худого слова не сказала, но тут уж смекнула, конечно, — раз я рассерчала, упёрлась напрочь, значит, вконец на неё разобиделась. А это ей вовсе ни к чему. Кто ж бабе Ньюше письма из армии от сына Николая, моего дяди, читать станет? Кто в непогодь на печке ей страшные сказки станет сказывать? А летом Лыске на стойле на ухо ласковые песни кто пропоёт, чтобы она не брыкалась, пока бабуля ведёрко по рубчик нацыркает?

Одним словом, сговорились мы с ней так: после обеда в Чистый четверг, как вернёмся из бани, отправимся чин чином к бабулиной куме Катерине. До вечера управимся — Заречье-то рукой подать! Прихватим свои, приготовленные к празднику яйца. Прямо на них и станем обучаться выкраске.

Уж и яйца на сено в корзинку выложили, и творожок-сметанку — гостинчик тётке Катерине — сготовили, корову-то она годов пять как свела, с той поры, как дядьки Михаила не стало.

Но не суждено было сбыться моей задумке. Ещё и позавтракать не успели — только уплела первый оладушек, только наладилась облизать перепачканные земляничным вареньем пальцы, распахивается дверь, просовывается толстогубая физиономия, и дружок мой, соседский Лёнька, прямо с порога: «Сидите тут, чай гоняете! Быдто и не знаете — Крома пошла!»

По первости-то захотелось было надуть губы сразу на всех: на бабулю за то что протянула время, на Лёньку — за плохую

весть, за то, что спутал наши с бабушкой карты, а заодно и на речку — подождать, что ли, не могла? — как теперь к тётке Катерине перебраться? Но всё же любопытство взяло своё: водополица на нашей Кроме ведь раз в году случается, как не сбегать, не посмотреть. К тому же, провинившаяся бабушка сейчас и отказать-то не сможет, потому как нынче на моей улице праздник и все тузы — в моём рукаве.

Пока я наскоро запивала плюшки топлёным молоком, смотрю: бабуля уж и сапоги резиновые несёт, а с ними носки-вязанки и приговаривает: «Да гляди у меня! В воду-то не лезь, а то знаю я этого Лёнчика, сманит! В прошлом году испунулся, сотан, накатался на льдинах — месяц потом с печки не слезал, бухал на всю деревню так, что собаки с горя выли».

Подобулась потеплее, пододелась — ветра-то в начале апреля ещё ой какие шальные — и следом за Лёнкой наострилась на другой конец деревни.

Спустились мы по раздрызганной ручьями улице вниз, до Стёпиной хаты, а дальше, куда ни кинься сквозь кружевное сплетение ольховника, сквозь дебри краснотала — море разливанное, до краёв захлебнувшееся снегами и талой водой. Пустынно, свежо, пряный запах мокрых веток, задорный шум молодого ветра.

За ночь речка, в которую со всех окрест ползли, бежали, мчались и неслись ручьи, ручеёчки и ручьища, взяла своё: не только вскрылась, а под тёплыми дождями, что вторую неделю без перебоя то накрапывали, то хлестали во всю ивановскую, пошла, родимая, себе гулять вдоль поймы, раскатилась от угора до угора. О тётке Катерине теперь надо позабыть, куда Кроме не войдёт в своё русло, а там ещё, как пить дать, и мост заново ладить придётся.

Мальчишка, чтобы подальше видеть, кошкой вскарабкался на самую высоченную ракирку, от воды подальше. Небось, Лёнкина мамка, тётка Шура, сразу отсекла — пригрозила на этот раз выдрать, коли увидит его у водива.

Пробегав за своим закадычным другом-хвостиком несколько лет, и я выучилась лазать по деревьям: ребятишки ведь как воробьи, а ещё — ловить головастиков, стрелять из рогатки по воробьям, кидать по воде камушки, да много ещё чему мальчишьему обучилась я в его компании. На самую макушку лезть, правда, девчонке боязно. Да мне и с середины далеко-о-нько видать.

Меж грязных, непросохлых взгорьев, меж оброставшихся, будто привставших на цыпочки, стволов сиротливых берёз, широченной сине-зелёной полосой в сторону Кром шли

большушие крыги, то еле двигались, то неслись как угорелые. Вместе с этими льдинами мимо неподвижных хуторских улиц проплывали обломки прибрежных коряг, снесённые где-то у Выдумки тесовые мостки, даже чьи-то навьюченные соломой сани.

На самой середине виднелся то ли ребячий плот, то ли амбарная воротина. На ней, уже перестав мыкаться от одного края к другому, охрипло рыдала рябая коза. И как она только там, несчастная, очутилась?

— Эх, если б не мамынька! — вздохнул вослед уплывающей бедолаге Лёнька, — Это ж надо додуматься! — сказала, будет за мной следить с крыльца в папкин охотничий биннокль.

К кромке воды собирались толпами хуторяне. Разглядывали половодье, слушали гомонливый табор грачей в прозелённых, торчащих посередь воды осокорях, радовались редким перекрикам диких гусей, возвращавшихся в родные гнездовья над высокой водой, над укрытыми золотистыми шалями вербачами.

Так просидели мы с Лёнькой на ракитке в освистывающем половодье ветре ещё часа три, пока под пальтишки не стала пробираться раннеапрельская прохлада. Низкие серые тучи, насупив оловянное небо, текли простором, рассеивая дожди, ходуном ходили над нашей местностью. Алёд всё шёл и шёл огромными неделимыми глыбами.

— Давай-ка по хатам, а то простынешь ты, а влетит от твоей бабы Ньюши мне, — предложил Лёнька и нахлобучил картуз на соломенные волосья до рыжих бровей. Сам, видать, застыл. Дрожит, будто кур воровал, носом хлюпает.

Спрыгнув в поухлую прошлогоднюю листву, он «словил» с ракитки меня, и мы совсем было засобирались домой, как вдруг началась свистопляска! С Кромы послышался скрежет и треск — ломались большушие льдины, крошились в мелкое крошево; налетали, как сумасшедшие, одна на другую; становились на дыбки, перекувыркивались; их захлёстывала вода, а они снова вылезали, уже из-под соседней глыбины; тут же с великим хрястом на них снова и снова обрушивались громадные льдищи. И так они, словно вели меж собой какое-то сражение, скрежетали, страшно урчали и ухали от боли, стонали от тяжести, кололи и крушили друг дружку; рассыпаясь на drobные осколки, занывали охолонуться на глубину.

Вспомнилась разнесчастная коза, и сердце моё заныло: сгнула, должно быть, бедняжка. Даже умеющему плавать из такого месива не выкарабкаться вовек.

От мыслей этих печальных расхотелось смотреть на дикое «море разливанное», и мы поползли вверх по раскиселившейся горе. Пора, бабуля теперь изгудится, загонит до вечера «прожариваться» на печку.

Ещё от калитки почуялся густой луковый дух. Баба Ньюша готовилась к Пасхе. И, как потом оказалось, не как-нибудь, через пень-колоду, а основательно. «Так-так, — смекнула я, — то ли опять ей недосуг, то ли всё ещё чувствует смущение, что не попали мы к тётке Катерине». Завидев меня, она не стала сердчать, только всплеснула пропахшими ванилью и сдобой руками: «Господи Сусе! Татьяна! Ну, куды ж ты запропастилась? Душа моя, чай праздник у ворот! Обедай поскорейча, да не сиди, как статуи, подключайся».

Крашенки получились на удивление нарядные, как никогда. Бабуля расстаралась, в грязь лицом не ударила. Перво-наперво, натомила с полсотни яиц в луковой шелухе — это уж как водится. Потом вынула из шкатулки пёстрые порошки, те, которыми обычно красила овечью шерсть. Так и мало! Ещё и травушек оттопила: и зверобоя, и чабреца, да и просто лугового сена. Выложили мы это чудо на тарелки, расставили по подоконникам, пускай соседи, проходя мимо наших окон, дивятся: «Ну и выдумщики же баба Ньюша с внучкой!».

ВЕШНИЙ РАССВЕТ

Не припомню такого года, чтобы накануне Вербного воскресенья матушка не снаряжала отца в дальний Богачёв лес — добрых вёрст шесть в сторону Дмитровска — за краснотальником-верболозом.

У нас, по берегам Кромы, обочь ручья Жёлтого, да далеко и ходить-то незачем — спустись в любой овраг — не ошибёшься, повсюду за неделю до Пасхи бушуют цветущие заросли ивняка.

Но что тут поделывать, если матушка их ни за какие коврижки не принимала в расчёт — и откуда она только прознала такие тонкости? — подавай ей не грубый сине-зелёный раakitник, а тонкие, гибкие искрасно-коричневатые веточки, на которых, как только лопнет лошенная такая же красноватая плёнка у крупных, с фасолину, цветочных почек, на свет появляются сначала серовато-белые пушистые комочки, а через день-другой, глядишь, они уже покрываются мелкими зеленовато-золотистыми цветочками. Если особо не присматриваться, издали покажется даже, что на веточках вербы расселись крошечные новорожденные цыплята. Но такой кустарник, как мы ни пытались сыскать, вблизи нашего хутора не встречался.

Отец, по правде сказать, никогда особо-то и не сопротивлялся маминой прихоти, даже с почтением относился к этой её осведомлённости и настойчивости. Он и сам был не прочь прокатиться предрассветным утром по дышащим вешними ветрами просёлкам. Для него всегда было соблазнительно дать волю своим пытливым глазам, на удивление, даже с возрастом ещё более дотошным, снова и снова жаждущим постижения хоть шепотки чего-то доселе им не разведанного.

А вербы привозил он на весь хутор. Ай жалко? Как-никак праздник! Почему ж соседей не порадовать?!

Зная, какое наслаждение в конце апреля проехать в ранний предзаревой час по ещё даже не везде просохшим лугам и долинам, я никогда не упускала случая и напрашивалась к отцу в компанию.

Как оказалось с годами, поездки те на исходе апреля по неброским, ещё вязким полям, мимо едва-едва лишь лёгкой дымочкой озеленившихся рощиц и перелесков, не затмило ни время, ни яркие ощущения от посещения всеми признанных мировых красот...

Спускаешься по скрипучим крылечным порожкам на подворье. Звёзды сронились ещё не все. Ещё на тёмно-сером штапеле небес явственно переблёскивают их мельчайшие сусальные набрызги. С востока, откуда-то со стороны деревушки Мелихово, лёгкими, влажными шелками накатывает на Мишкину гору тёплый, но всё ещё по-ночному влажный, парной ветерок.

Тссс! Чудится, будто кто-то перешёптывается в глубине сенника, шуршит подсохшей прошлогодней листвой, ступая за тобой след в след по постепенно проявляющемуся, пересечённому ракитовыми тенями полусонному двору.

Все страхи улетучиваются, когда с охапкой сена объявляется обстоятельно сготовившийся в путь отец, уже успевший накормить и запрячь нашу Зорюху, старую лошадь, в белых с рыжей оторочкой чулках.

Ещё не обмятое сено возвышается душистой горой меж лесинок телеги. Накрываю его домотканой из разноцветных ситцевых тесёмок постилкой. Отец о чём-то толкует с Зорюхой, видать даёт ей последние наставления: мол, гляди — не подкашляй, а может, пытается разбудить наконец-таки ото сна нашу древнюю, добрую клячу. Она в ответ старику пофыркивает, согласно кивает сивой мордой, и вскорости уже принимается нетерпеливо переступать с ноги на ногу.

Приношу корзинку со всяческой матушкиной стряпней. Белеется ещё тёплая, с Лыскиным парным, бутыль, густо пахнет вынутой из печи, утомленной в борще гусятиной, даже сквозь полотенце пробивается ржаной дух краюхи.

Из курятника медленно и важно выступает Воевода. С шумом отряхивается, взлетает на изгородь и орёт так в почти уже выцветшую ночь, что соседский котчет, поперхнувшись с недосыпу, принимается ему безоговорочно вторить. И вослед за ним, словно по невидимой цепочке, горланит уже в апрельский рассвет петух тётки Маринки, потом, подтрунивая над его неказистеньким голосишком, распевает свой величественный баритон солист заведующего клубом Андрея Михалыча, и пошло-поехало! Уж и на дальних урынках задиристо, без умолку, откликаются нашим игинским забиякам очнувшиеся котчета.

Во сне взлаивает соседская Жучка. На том берегу Жёлтого кому-то не спится. Спозаранку, можно бы часок-другой и понежится, кто-то колет дрова. Каждый удар настолько слышим в апрельском воздухе, что кажется, будто стук тот не гаснет, а поленья, разлетаясь в мелкие щепки, разносятся эхом на три версты в округе.

Наконец, усаживаюсь, свешиваю ноги. Сенные перины тут же обминаются. Мудрую бывалую Зорюху и понукать не надо.

Выкатываемся за обнесенную берёзовыми жердями околицу. Тарарайкает телега, надбавляет шагу, поцокивает об успевший просохнуть просёлок окончательно очнувшаяся лошадёнка, воздуха окрашиваются в тёмно-васильковые тона.

Проезжаем мимо почерневшей полузабытой мельницы, мимо наскоро срубленного, кой-как потыканного мхом сарайчишки, сворачиваем мимо курящегося прудка с мирно плавающими утками-дикарями, мимо обрушенной бобровой плотины, а потом всё в гору, в гору, пока не вскарабкаемся на самую её маковку. По ней — версты три, а потом — нырк под уклон.

Из-за раннего сумеречного часа, от торопкого ли Зорюхина бега, оттого ли, что катим пологой приречной низиной, под одёжу пробирается прохлада. Закутавшись в старую мамину белокрайку, угреваюсь. Под мерный тележный перестук, под отцовские небылицы, слово за слово, начинаю придрёмывать.

— Н-но! Ррастудить твою туды! Куда ж ты, разэдакая завезла? Об чём допреж того мекекала? — просыпаюсь, услышав, как спустившийся с телеги отец отчитывает, выговаривает кобыле, — Знаю: ума нет, дак меня хоть бы слухала!

Видать, и сам, дав Зорюхе волю, примотав вожжи к лесенке, подул или просто смолк, не желая нарушать торжество предрассветной тишины. Плелась, плелась лошадёнка

и сваяла ваньку: не смекнула, что надо бы уйти вправо, а может, не подрасчитала, бултых — втюхалась грешным делом на полколеса в недавнюю промоину, наполненную липкой суглинистой жижей.

Подкинув под колёса бурьянцу, выбираемся на сухое. Отец, наругавшись досыта, смягчившись лицом, словно сто пудов с себя сбросил, — весело присвистывает, и лошадка, словно извиняясь за промашку, припускает. Из-под колёс летят жирные ошмётья, а Зорюхе нипочём, только пофыркивает, знай себе, поторапливается.

Отмахав вёрст пять, явственно замечаем, как левый край небес, тот, что распластался над Большим логом, малиновее; в приобоченном сосённике очухиваются сороки, мечась от макушки к макушке, и принимаются истошно стрекотать вослед. Из-под серого, ещё года два назад позабытого каким-то нерадивым хозяином бородатого стога выпугивается косою и, будто его и не бывало, — задние опережают передние — стрекочет в густой молодой осинник, засеявший неохватные глазом ещё недавно плодородные пожни.

Едем. Осветляются воздушные, всё отчётливее прорисовывается виляющий вдоль полей просёлок. На просинённом небесном просторе от горизонта до горизонта словно распаивается окно, распускаются белые холщовые паруса и принимаются гулять над изумрудной вольницей озимых, над порозовевшими берёзовыми перелесками, над ещё мутными, но уже очистившимися ото льда и сора речушками. В придорожном селении то там, то тут вспыхивают полтинки огоньков, порываются ворота, попискивают калитки, вскурлыкивают пробудившиеся колодезные журавли.

А зарию уже не удержать за дальними далями. Она, настырная, всё ближе, всё шире! И вот, наконец, парчовыми, драгоценными её тканями застилается с востока треть небес. Прозревают отуманенные овраги и буераки. Из ночных укрытий выпархивают певцы полей — стозвонные жаворонки. Знаю, неотвязные, переливистые их песни теперь до самой вечерней зари будет перепевать воспрянувшая ото сна душа.

Вот и солнышко не стерпевает! На их хрустальные рулады из-за холмов выманивается, взмывает алое-преалое светило!

Глядишь, глядишь и наглядеться не можешь. И душа твоя посреди этого обласканного, заполняющегося светом, искрящегося мира тоже засветится, воспоёт в унисон этому новорождённому вешнему утру и переполнится невесть откуда обьявившейся, молодой радостью.

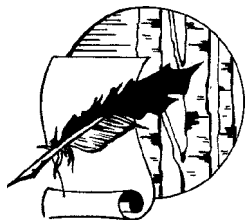
Окинешь округу взором — до самого дальнего горизонта просматривается: позади — всё ещё видать — на дальнем

взгорье белая, как лебёдушка, кировская колоколенка, вкрут неё в два ряда — избы; а там, за речкой, по правому берегу, куда потянулось рябое стадо, — неопушённый листвою калинник, от него версты четыре — посёлок с дивным названием Красная Ягодка, дальше, за ореховым леском, рукой подать и до Богачёва леса, до прудка с зарослями вербача, за ветвями которого мы и направляемся.

Лошадь, словно почувяла, что скоро прибудем, — летит под рассыпчатый хохот телеги, словно молодка, словно на мосластой её спине прорезались крылья. А и впрямь — с полверсты — и на месте. И безбровое солнце за нами ни на полшажочка не отстаёт. Скачет за Зорюхой резвым рыжим жеребёнком: она — под горочку, и солнышко кувырком вослед, она поднатужится на последний бугорок, а солнышко уж тут как тут — скачет, развевая свою огненную гриву, по верхушкам вербача.

На него в эту яркую апрельскую звонь и смотреть-то невозможно. Так сияют его окропленные золотой пылью, раскатившиеся на версты кусты-шары, что глазам жмурко.

И как же весело будет среди этого обрызганного солнцем мира возвращаться на хутор с телегой, грузённой охапками дивного дива — осыпанной сусалью вербицы, а завтра, в светлый Вербный день, пробежаться спозаранку по хутору от избы к избе, и в предвкушении Пасхи раздарить её соседям, всю, до последней веточки.

Юрий МАНАКОВ

ПОД ГОСПОДНЕЙ СИНЕВОЙ

РАДУНИЦА

На могилках снег полосками
И апрельские ручьи.
В небе чистом над берёзками
Золотистые лучи.

Пенье птиц, воды журчание,
И — пронзительный покой.
Нынче Радуница ранняя
Под Господней синевою.

На скамью присяду с краюшку,
Выложу на столик снедь,
Помяну отца и матушку,
И приму — за жизнь и смерть.

И родители незримые —
Я почувствую душой —
Незабвенные, любимые
Встанут рядышком со мной.

Вспыхнет лог святыми красками,
В миг, как моего виска
То ли луч коснётся ласковый,
То ли мамина рука.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ...

Федерально-миграционная...
Если русский сюда попал,
То чиновники обозлённые
Вмиг поставят его «на-попа».

Приравняют к мигрантам запросто:
«Понаехали тут...» — изрекут,
И вязанку бумажных пакостей
Из компьютеров извлекут.

Возвратившимся будет пройдено
Семь кругов, сотни очередей:
РВП*, «вид на жительство», — Родина
Так встречает своих сыновей!

И не день, и не два, а месяцы,
Даже годы на это уйдут.
От отчаянья можно повеситься.
Так на отчине русских ждут...

* * *

Есть в Свердловской области город с чёрной метой,
Богом не облаканный Екатеринбург.
Ночью дом Ипатьева в скверах в зыбком свете
Иногда вздымается, весь от крови бур.

Дом, давно порушенный пьяным и угодливым
Ельциным, колеблется в блеске редких звёзд,
А вблизи неоновый высится уродливо
«Ельцин-центр», что кляксою надо всем пророс.

И когда над городом небо закрывается
Тучами лиловыми и грохочет гром,
Молниями яркими мысли навеваются
О борьбе нешуточной нечисти с добром.

Вот и разрушителям лепят изваяния,
Прошлое коверкают, обеляют зло.
Ловко приспособились жить без покаяния...
Но кромешно ширится на Руси разлом!

ЭХО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

На челябинской площади привокзальной — в углу,
Словно от нежелательных глаз в стороне хоронясь,
Постамент и вагоны на рельсах. И если ты глуп,
То тебя вразумит вот такая словесная вязь:

* РВП — разрешение временного проживания

«Это памятник чехам — пленным, погибшим в боях...»
То есть тем, кто безбожно кровавил Урал и Сибирь,
Кто с Антантой отъявленной на сугубых паях
Столько русских безвинных людей ни за что погубил!

Кто в гражданской сумятице поживился с лихвой.
Горько помнит Транссиб до сих пор их чумной перепляс.
Не в таких ли вагонах и запас золотой
Умыкнули тогда же под шумок белочехи у нас?

То ли в бронзе покоятся, то ли отлиты в медь.
Где у подлости здешних безродных властей берега?
Сплюнул я себе под ноги: хватит на это смотреть!
Знать, не зря губернатор челябинский нынче в бегах...

* * *

Я в тайге! И нету переводу
Ни весне, ни талому ручью!
Пригоршнями солнечную воду
Талую живительную пью.

И подснежник первый на пригорке,
И отмякший под лучами лес.
Да, порою жизнь бывает горькой...
Только не сегодня и не здесь!

* * *

Брошу всё. Уеду в Подмосковье,
Где лесов безбрежье шелестит,
И родник иконкой в изголовье
На опушке бархатной блестит.

В нём песок пульсирует — как песня,
В нём узор загадочный камней.
Зачерпну ковшом воды небесной,
Сосчитаю звёздочки на дне.

И кувшинки ниже по затонам,
И кольчугой ряска у травы.
В вышине заманчиво-бездонной
Роспись акварельной синевы.

И пускай вдали грохочет город,
Я его, наверное, терплю
Лишь за то, что вокруг него — просторы,
Те, что больше жизни я люблю!

ПОКОС

Ах вы грабли мои, ах вы вилыцы!
Остывающий августа день.
На стогу тальниковые вицы
Виснут шапочкою набекрень.

Я приверженец солнечных буден,
И покосную пору люблю.
Всю-то ноченьку снится мне будет
Луг, как тот океан кораблю.

И валы духовитого сена,
Зной, по склону стекающий в лог.
И вот этот — в бескрайней вселенной
Самый сердцу родной уголок!

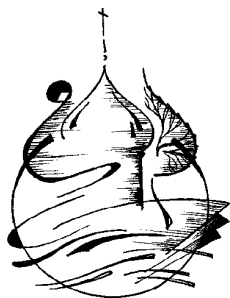
Рудный Алтай

Анатолий КИРДЯШКИН,
доктор технических наук

МИССИЯ РУССКОГО НАРОДА

По мере развития апостасии в Европе менялась и формула причин ее нашествия на Россию. Если мотивация тевтонского ордена состояла в несении «истинной», «правильной» веры католиков, то мотивация орд наполеоновской армии (дванадцати языков) уже была в несении *непросвещённому* русскому народу «свободы, равенства и братства», то есть масонских «истин» и экспансии революции. Но результаты этих нашествий очень похожи: Москва, как и при нашествии поляков, сгорела, народ по пути «просвещённой» армии ограблен, храмы православные осквернены. Партизаны-крестьяне вынуждены были «просветителей» не брать в плен — лишние рты были обременительны.

В конце концов истинные мотивации «цивилизаторов» были озвучены и осуществялись европейской, объединённой германским фашизмом армией во главе с её фюрером: если нельзя изменить духовность этих русских *унтерменшен*, то их нужно уничтожить. Но ещё более практично было заявлено просвещённой масонством М. Тэтчер, которая

СИМВОЛ ВЕРЫ

считала, что русским нельзя доверять богатство их земли, и что им достаточно иметь на этой территории 15 млн. человек.

Откуда такая неприязнь к русским? С поразительным постоянством все мировые войны — европейские нашествия — были направлены на Русь. И они оканчивались разгромом объединённых агрессором армий.

Проявлению глобальной русофобии в виде войн предшествует воспитание индивидуальных русофобов, готовых к убийству неведомых для них русских людей и готовых положить жизнь ради своих «воззрений».

Основная же мотивация русофобии — духовная. Враг Бога и рода человеческого, лукавый (духовный пастырь своего воинства русофобов) стремится не допустить возникновения православного государства социальной справедливости путём изменения духовной сущности русского народа, а если это невозможно, путём физического уничтожения его.

Материальным оплотом воинства лукавого является частная собственность, которая порождает *разделение* между людьми, народами и государствами. Она порождает в государствах социальные условия, исключающие выполнение законов Божиих. Являясь источником общественного и индивидуального зла, делает души людей безнравственными. А процессы апостасии ведут к отрицанию Бога и к логическому завершению — богоборчеству.

Это богоборческое воинство русофобов и ведёт войну с русским народом и будет противодействовать выполнению его миссии — созданию государства социальной справедливости, православного социализма, а значит, и созданию его материальной основы — общественной государственной собственности.

Государствообразующему русскому народу нужна духовная основа (Православная Церковь) и материальная основа (общественная государственная собственность). Нет, не случайно православный русский народ — великий исихаст — усмотрел в частной собственности экономическую основу зла и увидел возможность осуществления государства социальной справедливости, смирившись с существованием атеистической власти.

За всю историю единственному государствообразующему русскому народу был дан жизненный опыт организации социальных условий при общегосударственной собственности. Несмотря на богоборческую атеистическую власть, преследующую православное вероисповедание, для существования государства социальной справедливости, СССР, было необходимо выполнение Заповедей Божиих — и все они вы-

полнялись, кроме заповеди о любви к Богу. Социалистическое государство СССР во Второй мировой войне победило агрессора — объединённую фашистской Германией западноевропейскую военную машину в физическом и ментальном пространстве. Советский народ сумел быстро восстановить разрушенное и поднять народное хозяйство.

Можно сделать некоторые выводы, основываясь на великом опыте СССР — первом этапе устранения капитализма в России:

1. Капитализм экономически неконкурентоспособен в сравнении с социализмом.

2. Также и в ментальном пространстве: при социализме в 1943 г. восстановлено патриаршество в РПЦ, а безнравственный капитализм уничтожил христианство в Европе.

3. Общегосударственная собственность — материальная основа социалистического общества, социальной справедливости, социального благополучия — Богоугодна. Частная собственность — материальная основа капиталистического общества, служащего мамоне, — экономическая основа зла общественного и индивидуального.

«Реформаторы» 17 марта 1991 г. провели референдум в СССР, конечно, надеясь на угодный для них результат. Иначе бы они не допустили его проведения.

Подавляющее большинство народа СССР высказалось за СССР и социализм, что соответствовало миссии русского народа — построение государства социальной справедливости. «Реформаторы», вопреки желанию народа, вопреки здравому смыслу разрушили СССР, его промышленность и сельское хозяйство, и ввергли в тяжёлое испытание русский народ — во второе Смутное время ровно через три века.

Это смутное время вызвано сменой общегосударственной формы собственности на частную. Чтобы не повторяться, обратимся к этапам первого смутного времени 1590—1613 гг. Если учесть особенности историй первого и второго Смутных времён, то основная специфика первых шести периодов первого и второго смутного времени одна и та же для каждого из периодов. Некоторая особенность наблюдается только для четвёртого периода. Во второе Смутное время вместо прямой интервенции осуществлено «бескровное ограбление», о котором на совещании Объединённого комитета начальников штабов 24 октября 1995 года президент Б.Клинтон заявил: «Мы затратили на устранение одной из сильнейших держав мира многие миллиарды долларов, и уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 миллиардов, сотни тонн серебра, золота, драго-

ценных камней и т.п. Под несуществующие проекты нам пердали за ничтожно малые суммы свыше двадцати тысяч тонн алюминия, две тысячи тонн цезия, бериллия, стронция и т.д.».

Захват власти «реформаторами»-троцкистами и последующая приватизация собственности не только породили смуту, но и создали противоречия между ограбленным народом и «реформаторами». Поэтому в период разрешения этих противоречий возможна и прямая интервенция западного капитализма во главе с США. Для правящей олигархии они партнёры, а для народа русского они — враги. Мы находимся в шестом периоде первого Смутного времени. Как будет развиваться эта смута и чем она закончится — покажет время.

В настоящее время мы живём при капитализме, в условиях сосуществования государствообразующего русского народа, РПЦ и частной собственности, управляемыми элитой финансового капитала (по типу западной демократии). Эта триада, как показала история России, неустойчива даже при православной монархии, тем более в условиях Смутного времени. Капитализм уничтожил христианство в Европе. «Реформаторы», вероятно, надеются, что то же самое произойдёт со временем и в России, то есть Церковь православная переродится, а с нею и русский народ, и возникнет «российская нация». Поэтому осознанно или интуитивно «реформаторы» проводят политику консервации смуты, породившей экономическую систему, губительную для России. Опыт истории обнаруживает закономерность уменьшения числа наций с увеличением времени, и никогда ещё не рождалась новая нация. И не социал-дарвинисты, современные языческие боги, а Бог — создатель наций, и Богом определено место в истории русскому народу.

Архиепископ-хирург, святитель Лука (Войно-Ясенецкий), пройдя 11 лет сылок, и между второй и третьей ссылками тюремное заключение, после окончания Великой Отечественной войны указал на необходимость нравственной основы социализма: «В великой революции, в социализме и коммунизме народы СССР познали новые принципы нравственности, основанной на долге перед Родиной и государством, на товариществе в работе и жизни, на взаимном уважении. Безмерно велико совершённое революцией уничтожение экономических основ зла общественного и зла индивидуально-го. Но столь же велика задача искоренения источников зла в сердце человеческом, которую исполняет Церковь Христова по завету своего Учителя и Главы. Проповедь любви и братства должна стать великим дополнением проповеди долга и товарищества».

Генералиссимус И.В. Сталин, как завещание, указывал на необходимость нравственной основы социализма: «Реформы неизбежны, но в своё время. И это должны быть реформы органические, эволюционные, опирающиеся на традиции, при постепенном восстановлении православного самосознания. Очень скоро войны за территории сменят войны «холодные» — за ресурсы и энергию. Нужно быть готовыми к этому».

Государствообразующий русский народ, РПЦ, общегосударственная собственность — вот триада устойчивого во времени существования государства православного социализма, имеющего централизованную высшую власть. Только при нераздельном существовании этой триады обеспечивается устойчивое существование каждой из них. Ни одно из них не может длительно (устойчиво) существовать по отдельности, для каждой отдельное существование губительно.

При таких условиях и будет приготовлено место, недоступное антихристу: «А жена (Церковь. — А.К.) убежала в пустыню (мир, чуждый Христу. — А.К.), где приготовлено было для нея место от Бога, чтобы питали её там тысяча двести шестьдесят дней» (Откр. 12: 6).

Мы были близки к созданию такого государства. У нас была общегосударственная собственность. Но у нас была и атеистическая иерархия власти, желающая обладать и собственностью. Усматривая в утрате партийной идеологии и потерю власти, властвующая иерархия (партноменклатура) в присвоении собственности (в смене формы собственности) видела и сохранение власти. Атеистическая русофобская партийная номенклатура физически устранила И.В. Сталина, предала народ, ввергнув его во второе Смутное время. Как же опасна внутригосударственная русофобия, которая намного разрушительней, чем внешняя!

«...Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций. В целом в будущем развитие пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что особенно взбудоражится Восток. Возникнут острые противоречия с Западом.

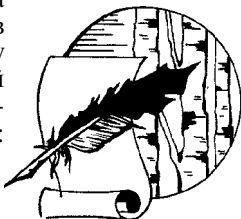
И всё же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна. Свое будущее они будут строить на нашем прошлом» — так говорил И.В. Сталин (записала с его слов в 1939 г. А.М. Коллонтай) — не только Великий стратег, но и пророк.

Вячеслав БОГДАНОВ

(1937 — 1975)

От редакции. Рано покинувший этот мир талантливый поэт Вячеслав Богданов сумел удивительным образом опозитизировать рабочую тему. В советской литературе эта тема приветствовалась, но мало кто смог подняться в ней до серьёзных поэтических высот, т.к. для этого нужно было естественным образом жить в рабочей среде, обладая при этом большим лирическим талантом. Такое соединение выпало на жизненную и творческую долю очень редким поэтам. Вячеслав Богданов — один из них. Его прекрасная поэма «Звено», написанная в середине 60-х годов прошлого века, теперь почти забыта. И потому мы решили вернуть ее к жизни в нашем журнале. Подкупающая своим внутренним светом, созидательным оптимизмом и надеждой на могучее будущее страны, она сеет в сердцах зёрна любви к родной земле и к людям, живущим на этой земле. Вот как отзывались о ней известные современники.

Виктор Чалмаев (критик): «В поэме «Звено» Вячеслав Богданов настроен глубоко в анализе сложного духовного мира своего героя, испытывающего многие воздействия, многие «притяжения» и «тяготения». Поэт достаточно остро, эмоционально отчетливо уловил одну объективную, реальную сложность становления гармонической, цельной личности в наше бурное, изменчивое время, поистине «ускоренное, взвихренное время несущихся космических частиц» (В.Луговской). «В пятнадцать лет покинул я село, но в двадцать восемь не приехал в город», — признается лирический герой, молодой рабочий-коксохимик. Дело, конечно, не в географических точках отсчета, тут иные пункты «отправления» и «прибытия», речь идет о социально нравственной зрелости, о рождении чувства подвластности исторического потока, о завоевании той высоты, которая избавит тебя от ощущения «завершенности», от чувства ошеломленности неожиданными, не управляемыми тобой закономерностями. ...Герой ощущает, что в деревенской тишине ему уже недостает захватывающей, обжигающей сердце скорости, множества голосов, огней, той особой атмосферы коллектива, которая воспитывает в нравственном сознании человека высокое чувство ответственности за «наш завод и Россию-страну». Он, гость в полях, осознающий всю подлинную цену хлеба, полевого простора, вдруг с особой силой чувствует, как нужна ему и заводская проходная, и утренняя смена, когда:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

*Рабочий день качнулся на лесах,
Запрыгали огни электросварки.
И, как всегда,
Торопо по часам
Мои друзья выходят из слесарки.
Они идут под звон стальных ключей,
Большие руки спрятав в рукавицы.
И золотое пламя от печей
Румянит им улыбочивые лица.*

Урал, молчаливая гордость России, — это край особой красоты. И сама родная земля, «костер мой голубой», потому и может вести героя вперед дорогой столетий, что бьется это индустриальное сердце, что всё добро защищено этой мощью. Легко понять и благородство пафоса Вяч. Богданова, стремящегося как-то соединить в себе, в эмоциональной жизни героя и поля и цехи, и гул, и тишину, его попытку сомкнуть в каком-то едином ряду и земляков-сельчан, и друзей по цеху. «А мы спешим, А мы уже сошлись! И кажутся все дали голубыми... И я — звено единства между ними!» (1971 г.).

Василий Фёдоров (поэт): «В поэме «Звено» проявилось и раскрывается благородное чувство душевной ответственности перед землей, перед ее людьми, без которого поэзия перестает существовать. В ней есть обобщения человека, знающего и любящего не только деревню, но и город:

*Я в отчий край вернуться не могу.
И ты прости, известный мой ровесник,
Я слишком, брат,
У города в долгу.
За теплый кров,
За выучку,
За песню...*

В поэме очень много тонких наблюдений. Она написана с такой искренностью, что веришь всему, что происходит в ней: и что говорят о нем колхозницы, что он сам думает о себе. В страдную пору, как бы оправдываясь за свой праздничный костюм, он вспоминает, что где-то в коксохимской душевой висит его рабочая спецовка. В другом месте он мысленно оспаривает мнение, что ему в городе всё дается легко: и работа и деньги.

Небольшая по объему поэма вместила в себя многое. Она автобиографична. Но за всеми ее деталями стоит рабочий человек послевоенной формации. Жизнь была с ним сурова. В годы раннего детства на фронте погиб отец. Он рано приучился

к труду, рано воспитал в себе чувство ответственности. Вернувшись в деревню, он как бы отчитывается перед родной землей и перед людьми за свою жизнь. Как рабочему человеку ему это сделать нетрудно. Он берет на себя больше. Он не только рабочий, но и поэт, думающий о судьбах земли. Ему суждено представлять в своем лице и людей города, и людей деревни, идущих навстречу друг другу» (1968 г.).

ЗВЕНО

Поэма

1
На улицах погасли фонари,
Покой садов пернатými нарушен.
Дрожит роса в предчувствии зари
Под перебранку громкую лягушек.
Гремят засовы верные в избе,
Выходят, шурясь, из калиток люди.
И закрутились
Гайкой по резьбе
В заботах сельских трудовые будни.
Идут доярки.
Речка далеко
Веселые уносит разговоры.
И цедится рассвет,
Как молоко,
В мое окно сквозь тюлевые шторы.
Я нежиться утрами не привык,
Нам так судьбой наречено от роду.
А нынче нежусь —
Я же отпускник
Известного уральского завода.
Тринадцать лет вахтеру в проходной
Я предъявляю торопливо пропуск.
Тринадцать лет в селе своем родном
Я провожу трудом добытый отпуск.
Завод, завод...
В твоих стальных цехах
Я возмужал
И, кажется, стал счастлив.
Но сердце давит нестерпимо
Страх —
К родной земле ничем я не причастен.

Тринадцать лет!
Не месяц и не год —
Они видны...
... Вот сельский мой ровесник.
Механизатор,
Лучший полевод,
Во всем районе нет его известней.
Сумел он взять рекордный урожай.
В его звено из самого Тамбова
На вороненой «Волге» приезжал
Не кто-нибудь,
А секретарь обкома.
Он на селе теперь авторитет,
О нем статья в газете есть столичной.
Ему с Кубани трудовой привет
Прислал письмом по осени
Светличный.
Ровесник мой зазнайству не сродни,
У парня, видно, от земли характер.
Ведь громче всякой славной трескотни
Гудит в полях,
Гудит спокойно трактор.
По вечерам,
Когда приходит в клуб,
При встрече бросит дружески:
— Здорово! —
Но меж его
От зноя черствых губ
Всегда ловлю несказанное слово.
Я не слабей ни силой,
Ни умом,
Трудом монтажным на заводе занят,
Ему сейчас завидую в одном:
Я — гость полей,
А он в полях — хозяин.
Через какой перешагнуть порог,
Где мог бы я найти от муки средство.
Стою в степи,
Что вдоль и поперек
Исколесил на конных граблях в детстве.
И здесь же я,
Дорогами пыли,
Под солнцем,
С загорелыми плечами
Вез из колодца воду на поля,

Вы помните,
Товарищи сельчане?
Чего ж роптать,
Чего ж таить греха?!
Я здесь прописан каждою кровинкой.
Ну, кто, когда,
Скажите, запахал
Мою в лугах рабочую тропинку?
Давно я хлеб не сеял и не жал,
Во мне живет сноровка хлебороба...
А почему отсюда убежал?
На этот счет поговорим
Особо.
Мы разберемся, в этом чья вина,
Былую правду время не погасит...

2

Второй уж год, как кончилась война,
И я учусь сейчас в четвертом классе.
Четвертый класс закончу —
И...
Хорош!
Ведь пятый класс
За верст пятнадцать с лишним.
А где харчи,
Одежду где возьмешь?
Так уж сиди на печке,
Горемычный.
Я снова в школу не могу пойти,
Нет у меня ни шапки,
Ни тетрадки...
Назло морозы жмут до тридцати,
Зиме-то что людские недостатки...
И, знаю я,
Нетоплен в школе класс,
Где мне сидеть,
В ознобе руки скорчив.
Так вы меня, товарищи,
Сейчас
Уж не судите за корявый почерк...
Тамбовщина, известно,
Не Сибирь,
Сосновый крест
Здесь роскошь на могиле...
Стоял у школы тополь-богатырь,

Да и его в глухую ночь
Спилили...
О, тополь, тополь, —
Друг моей мечты!
Не позабыть,
Как ранними часами
Я отчий край
С твоей же высоты
Вобрал в себя
Магнитными глазами.
Я в первый раз,
Беспомощный юнец,
Осилив страх,
Под облака поднялся,
Чтоб посмотреть,
Свойны родной отец
Идет иль нет?
Но так и не дождался...
И всё же я подолгу,
Каждый день
Стоял с любимым тополем в обнимку.
И видел крыши дальних деревень,
И поездов серебряную дымку,
И как в упряжке лошади бредут,
А на повозках взрослые ребята
Из нашего колхоза
«Верный путь»
Тяжелый хлеб везут на элеватор.
Навстречу им
Из городов больших
Сельчане шли устало спозаранку.
Как ленты пулеметные, у них
Крестом
Висели на груди баранки.
А вдалеке дымили поезда...
Мне виделось,
Наивному мальчишке,
Что где-то есть за дымкой города
И детство там счастливое,
Как в книжке.
Как в том стихе,
Который я зубрил
(С мечтой наесться
Вдоволь
Пшенной
Каши),

Где я свое спасибо говорил
За детство
Неустроенное
Наше.
Я стих читал тот бойко,
В полный крик,
На перемене съев сухую корку...
А мой учитель,
Старый фронтовик,
Закашлялся
И вывел мне
Пятерку.
Мы сами знали,
Что у нас страна
Разорена разрухою военной.
И песня быть в учебниках должна,
Под стать годам,
Суровой,
Откровенной...
Но засыпал я с книжкой всегда,
Картошки мерзлой вдоволь не наевшись.
И по ночам мне снились
Города,
Где каждый дом
Баранками увешан.
О, детский ум, —
Доверчивость моя!
За то тебя судить не буду строго,
Что, эти сны под сердцем затая,
Увел меня от отчего порога.
И потому на сердце тяжело,
Что мир еще мой надвое расколот:
В пятнадцать лет покинул я село,
Но в двадцать восемь
Не приехал в город...
Я в отчий край вернуться
Не могу.
И ты прости,
Известный мой ровесник,
Я слишком, брат,
У города в долгу:
За теплый кров,
За выучку,
За песню...

3

Но бродят,
Бродят толки обо мне,
От них не сплю часами
Ночью летней.
Я,
Словно босоногим по стерне,
Хожу по сельским
Длиннохвостым сплетням,
А бабам что?!
Спокойно судят вслух:
— Лицом румян,
Поди, не от картошки... —
Что в мой карман,
Как бабочки на луг,
Летят рубли хрустящие
И трешки...
Что мне низка в избе родимой дверь,
Я не тружусь,
Прописан в ресторане...
И что меня из города
Теперь
Ни на каком не вытащить аркане.
Им невдомек,
Что скрыто за душой...
Я здесь хожу в костюме модном,
Ловком,
А где-то в коксохимской душевой
Висит моя рабочая спецовка.
И мною каждый солнечный пятак
Добыт в поту —
Работой не из легких.
За половину отпуска
Никак
Мне черноты
Не выхаркать из легких.
Я ресторанным не вспоен винцом.
Я лишних денег
Не имел в кармане.
И мне на большелобое лицо
Лёг от печей бушующих румянец.
И зная цену
Каждому рублю,
Я на трояк последний, —
Пусть судачат! —

Пойду бутылку горького куплю
И не возьму с прилавка звонкой сдачи.

4

Хожу в поля.
Развеиваю грусть.
И надышавшись за день ветром райским,
По времени тамбовскому ложусь,
А просыпаюсь по часам уральским.
Рассветом ранним переполнен дом.
Давно не сплю,
Но глаз не открываю.
Там, на Урале,
Под моим окном,
Теперь всю зазвякали трамваи.
И двери шумно распахнул завод,
Заря смахнула с плеч его усталость.
И корпусами школа ФЗО
К его стенам доверчиво прижалась.
Там чья-то юность
С радостью в глазах
Над верстаком склоняется знакомо...
Я в школу ту
Тринадцать лет назад
Пришел,
Насквозь пропахший черноземом.
По целым дням в слесарной мастерской
Мы изучали точные работы.
И я свой ум
Наукой заводской
Там наполнял,
Как пчелы полнят соты.
А в перерыв с ребятами всегда
Шел газировки в ближний цех напиться.
И до беды хотелось мне тогда
Опять в полях родимых очутиться.
Забуть про все:
Про школу,
Про устав,
Про очередь столовскую,
Про город...
Упасть на землю,
Руки распластав,
И расстегнуть спецовки душный ворот.
И потому,

Как средство от тоски
По родине, где есть луга,
Где кони...
Хранил с полей родимых колоски
И, как птенцов,
Держал их на ладони.
И, клятву детства исполняя в срок,
Осенним днем, торжественно-веселый,
Я посадил у цеха
Тополек,
Чтоб вырос он
Таким же,
Как у школы.

5
Весенний полдень в шелесте берез...
Стоит жара на улице такая,
Что под крыльцо,
Как нерадивый пес,
Пугливо тень забилась избяная.
Тишь на селе —
Ребята у реки.
Лишь на крыльце,
Храня в глазах усталость,
Старухи-говорухи,
Старики
Пророками
Досиживают старость.
Бежит мальчишка в цыпках до колен.
И, все бывлые рубежи ломая,
Руками в небо вскинутых антенн
Село
Далекий город обнимает.
И, как привет,
Через преграды все,
Под перекаты тракторного гула
Ему ладонь —
Асфальтное шоссе
Сама Москва широко протянула.
Рвет пятитонка версты на груди.
И, сторонясь обочиной,
Обидно
Плетется лошаденка позади,
Отбила ноги на асфальте,
Видно...

Иду в поля.
Мне нипочем жара.
До сельских дел
Моя изба не с краю...
Не торопясь,
У каждого двора
Я старикам почтительно киваю.
И долетают до меня слова:
— Ушел из дома в латаных штанишках.
Знать, не пуста у парня голова,
Одет,
Обут
И сочиняет книжки... —
Они видали всяких на Руси...
Они в своих оценках
Не торопки...
Зря не похвалят,
Суть не раскусив,
Как подхалимы,
После первой стопки...

6

Тропа уводит на заречный луг,
Где меж коров снуют доярки бойко.
Отбросив кнут,
Врастяжку спит пастух,
Идет вовсю обеденная дойка.
Дурманит сердце запах слёглых трав.
А бригадир,
Глаза под солнцем щуря:
— Какой судьбой?
Здорово, Вячеслав!
— Привет, Ильич!
— Садись,
Садись покурим. —
На сено стелет порыжелый плащ
И, грубо оглядев меня до пяток:
— Ну и жара,
Как на костре,
Хоть плачь,
У нас с дождями нынче недостаток. —
Достал кисет морщинистой рукой
И бороду погладил по привычке:
— Мне по годам пора и на покой,
Нервишки стали вспльчивы,

Как спички.
Зажил бы я в домашней тишине,
Огородясь калиткой и законом.
Продул зимою дырочку в окне
И поджидай с деньгами почтальона.
Наверно б, долгим показался век,
Прожить подольше —
Что еще нам надо?!
Но на земле
Какой я человек
Без этой речки,
Без людей,
Без стада?!
Вот и тружусь,
Пока здоровье есть.
На трудодень
Народ наш не обижен.
Мне, старику,
И то припала честь
Закончить век свой
Под железной крышей.
Да вот беда от этих тракторов,
Перепахали степи все
И поймы...
И нет теперь разгула для коров,
Считай, сидим на привязи весной мы.
Подкормку, правда,
Вдоволь подают,
По расписанью,
В калорийной норме...
Но в клетке соловьи
Не так поют,
Хотя сидят и при хорошем корме...
Вчера грузу бидоны с молоком,
Девчата в будке после дойки стихли.
Нырря зорким коршуном, легко,
Корреспондент летит на мотоцикле.
Ко мне подъехал,
Тормозя ногой,
Отвесил:
— Здравствуй! —
Попросил напиток.
Поправил чуб:
— Скажите, дорогой,
Как мне найти доярку-выпускницу? —

Я пастуху:
— Зови ее, Игнат,
Корреспондент пожаловал до Ленки. —
Корреспондент взял фотоаппарат
И Ленку ставит деловито к стенке...
Потом присел у будки в холодок.
Он из нее
Вопросами своими
Тянул слова,
Как тянут за сосок
Уже давным-давно пустое вымя.
А сам в блокноте всё писал,
Писал...
Взглянул на солнце,
Закругляя дело.
Сел на «Ижа»,
И только пыль в глаза
Из-под колес Игнату полетела.
Ко мне Игнат:
— Да черт его подрал,
Эт чем же Ленка отличилась наша?!
Наверно, тем,
Что часто по утрам
Коров-то доит за нее
Мамаша!
Надой велик,
А правды на пятак,
Хоть совесть поимели бы маленько.
И председатель,
Тоже мне,
Чудак!
Корреспонденту нахвалился
Ленкой.
А ей лишь нужен двухгодичный стаж,
И по прямой дорожке аттестата
Она уедет в город
И...
Шабаш!
Как будто и ни в чем не виновата.
А что винить?
Ведь зуб больной —
Не зуб.
Прозрели, видно, от большой науки.
Вон,
Что дворец, отгрохали им клуб,

Таких не купишь на блесну,
Как шуку...
Еще пример.
Соседушка моя
Уехала весною, понимаешь,
В Тамбов,
На курсы кройки и шитья...
И не вернулась —
Выскочила замуж.
Но вот одно я не могу понять,
Ты разъясни неграмотному деду:
Вот у меня живет в столице зять,
А отдыхать
В село опять же едет...
Твердит:
— Берет по родине тоска. —
Прошу — вернись!
Куда там,
Бесполезно.
На кой же черт нужна ему Москва,
Там без него министрам даже тесно...
Чем пыль с асфальта по утрам мести,
Но жить в Москве
И этим возгордиться, —
Куда важнее
Хлеб в полях растить —
Москва к столу без хлеба
Не садится...

7

Не сразу всё осмыслишь и поймешь.
Всему свои загадки и разгадки.
Вот думает в деревне молодежь,
Что город, он —
Сплошная танцплощадка.
Нет!
Город — труд
До устали в крови
И толчея
У кассовых окошек!
А денег нету —
Губы не криви,
Здесь знает цену
Каждая картошка...
К постели вашей

В утреннюю рань
Не прибежит рассыльный из конторы...
И за окном хоть ливень,
Хоть буран —
Ты в цех явись в назначенную пору...
И лишний час не вырвешь на разгул:
То смена в ночь,
То аварийный вызов.
Одна забава щедрая
В углу,
Вечерний гость —
Товарищ телевизор.
Чужая ноша
Нам не тяжела,
А лишь своя
Особенно понятна...
Их тысячи —
Пришельцев из села, —
Отведав жизнь,
Разъехались обратно.

8

Поля, поля —
Ни края,
Ни границ...
Над колыханьем зреющего хлеба
На перезвоны голосистых птиц
Задумчиво облокотилось небо.
Родная Русь!
Костер мой голубой —
Веди меня дорогою столетий!
Какой, скажи, таинственной звездой
Ты зажжена для нас на этом свете?
Ни чернозем
И ни сосна,
Ни гриб...
Нам не открыли тайну ту доселе,
Ни запах меда
От цветущих лип,
Ни журавли,
Летящие в апреле.
Но нам вросли,
Окутанные в синь,
В живую грудь
Твои рассветы,

Горы...
Как жаль —
Душа не может отразить
Всё это так,
Как светлые озёра.
И мой отец,
Что на войне погиб,
Шел в смертный бой,
Но слышал сквозь метели
И запах меда
От цветущих лип,
И журавлей,
Вернувшихся в апреле.
И видел он
Рассвет в родном краю
И Петроград,
Колонны боевые,
И борозду колхозную свою,
Что им была проложена впервые.
Родная Русь! —
Костер мой голубой —
Веди меня дорогою столетий!
Какой, скажи, таинственной звездой
Ты зажжена для нас на этом свете?

9
Хоть я прошел сегодня много верст
И долгою дорогою измотан,
Но обойти я не могу
Погост —
Клочок земли —
Судьбу живых и мёртвых.
Стоят березы,
Сторожа окрест,
Могильный мир —
Наш безысходный омут.
Над каждым сердцем
Руки вскинул крест —
Он крик души извечный по живому.
Ушедших лица
Заслонят года,
Повытопчут дожди на плитах имя.
Но из могилы на земле
Всегда
Им говорить,

Им говорить с живыми.
Мы помним их
По лицам городов,
Мы слышим их
По собственному сердцу...
Они кричат нам тишиной садов
И всем,
Что нам оставили в наследство.
Я здесь один.
И, слёзы не тая,
Все обхожу могилы по порядку.
Вот спит мой дед,
Ему с Урала я
Навек привез
Железную оградку.
Он много жил,
Но мало колесил.
Где был рожден —
За барским плугом вырос...
Ровесник он
Некрасовской Руси
И ленинской России
Очевидец.
И он, старик,
На зависть молодым,
Скакал под красным знаменем в атаку.
И у колхозной первой борозды
Он в первый раз
От радости заплакал.
Проснись, родной,
Ты не забыл юнца?
Тебя, как видишь,
Не забыли внуки.
Я, помнишь, ждал на тополе отца,
А ты бранил
За порванные брюки.
За безотцовство
Ты жалел внучат.
А я отца,
Ты понимаешь, милый,
Не то чтобы живого повстречал,
А не нашел и на земле
Могилы...
На свете нет виновнее войны,
Как нет сильнее

Воли человеческой...
Но снова на груди у тишины
Ты слышишь,
Слышишь — грозы кто-то мечет?!
И вновь секиры точат палачу,
Хоть кровь еще на плахах
Не остыла...
Пока живу —
Я одного хочу, —
Чтоб знали мы отцовские могилы...

10
Рассветом ранним переполнен дом
Давно не сплю,
Но глаз не открываю.
Там на Урале,
Под моим окном,
Теперь всю зазвякали трамваи.
И собрались ребята в душевой,
Как водится,
Пораньше до работы.
И спор кипит колючий,
Огневой
Про все дела людские
И заботы.
И всё слилось в единую волну:
И острота,
И правда на пределе.
И Джонсона ругают за войну,
И хвалят пятидневную неделю...
Вот Люковой.
Особенно речист,
Он Ильича читал спокойно,
Долго.
Да жаль,
Что он пока не коммунист —
Его хоть нынче избирай парторгом.

11
Давно заря растаяла в окне
Под гул машин,
Что пролетают мимо.
А я лежу в домашней тишине,
Я не пришел еще из коксохима.
Освободясь от скуки,

От стихов,
От пестроты и белизны бумажной,
Я где-то там хожу среди цехов
В спецовке тертой
И в ремне монтажном.
Запрыгали огни электросварки.
И, как всегда,
Торопко по часам
Мои друзья выходят из слесарки.
Они идут под звон стальных ключей,
Большие руки спрятав в рукавицы.
И золотое пламя от печей
Румянит им улыбочивые лица.
Нелегких дел монтажных мастера,
Чья роба колким потом пропиталась,
Вас ждут высоты,
Снова,
Как вчера...
И гордая рабочая усталость.
Тринадцать лет, как есть,
Из года в год
По гребням дней
Уверенно
И смело
Я с вами шёл
Сквозь тысячу работ
И, как редуктор,
Грудь моя гудела.
Дымы катили к горлу гневный крик,
Но разумел я самое простое:
Что я с заводом
Сказочно велик,
А без него я —
Ничего не стою.
Придя с работы,
Яростно в ночи
Писал стихи о радости,
О грусти...
И знал одно:
Пусть мастер поворчит,
Но всё равно в редакцию
Отпустит.
Хотя притом,
В меня нацеля взгляд,
Пытливыми словечками заденет:

— Бросай писать.
Сдавай-ка на разряд.
Тебе, наверно, не хватает денег. —
И обожет меня до пят конфуз.
Мне нету льгот,
Как футболистам,
Скажем.
Кого винить?!
Коль папа-профсоюз
И тот забыл
О нас, поэтах, даже...
А нам нести за проходную песнь,
Рожденную от огневой работы.
Ведь всё,
Что в сердце накопилось
Здесь, —
Не уместить в пузатые блокноты...
Невысказанность светлая души!..
Веди меня доверчивость
Не слепо.
В меня поверил
И сказал:
— Пиши! —
Большой поэт
Под кемеровским небом.
И я пишу,
И я пишу стихи.
За них готов любые вынести распри.
И за свои незрелые грехи
Я, как Христос,
Порой бываю распят.
Но правда будет,
Как всегда,
Чиста.
Мои с годами руки
Не ослабнут.
Настанет час,
И я сойду с креста,
Но этот крест
Перекую на саблю.
И никому в России не посметь
Меня обидеть
Без причины веской.
Мне только бы
Себя не просмотреть

За чаркой водки
Недругам в отместку.
Зажег костер —
Не пьются от огня!
Спокойным будь,
Как пуля в пистолете.
Учитель,
Не тревожься за меня,
Мы петухов должны дождаться третьих!..

12

У входа в клуб толпится детвора.
Зал переполнен людом до отказа.
Я в клуб вхожу,
Мне выступать пора.
Я у сельчан не выступал
Ни разу.
В душе качнулся робости прибой,
Хотя прошел хорошую проверку.
Я выходил на сцену,
Как на бой,
От города Тамбова до Анжерки.
Мне каждый здесь по-своему знаком,
От малыша
До древней повитухи.
И, знаю,
На счету у земляков
В плохих не числюсь,
Если верить слухам.
Где ты рожден —
Не хвастайся собой!
Я эту поговорку
Понимаю.
Вам обо мне расскажет здесь
Любой.
Расскажет всё,
Чего и я не знаю.
И ни осанка,
Ни актерский жест
Мне перед ними
Не повысят цену.
И вот,
Какой на самом деле есть,
Как исповедник,
Вышел я на сцену.

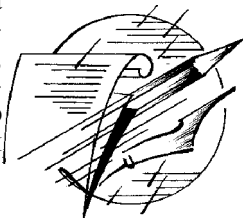
И зал поплыл,
В стихи мои поплыл.
И зашептались травы,
Рощи,
Ветер...
Про женщину,
Которую любил,
Про девушку,
Которую не встретил.
Про дедову,
Про нынешнюю Русь,
Про дни войны,
Что сердце пронизали.
И тех ребят,
С которыми тружусь,
И земляков,
Что предо мною в зале...
Про борозды,
Ушедшие в зарю...
Про летний день словами говорю,
Что в детстве собирал,
Как землянику.
Мне тесен клуб.
Я вижу, как в бреду,
Вдруг закачались,
Расступились стены.
Вдали цеха,
Рабочие идут
По ржи
Из коксохима, из мартенов...
Им рожь о грудь стучится
На ветру,
Садятся робко бабочки на плечи.
Сельчан беру я за руки,
Беру,
И мы спешим товарищам навстречу.
Над головою голубеет высь,
И кажутся все дали голубыми...
А мы спешим,
А мы уже сошлись!
И я —
Звено единства между ними!

1966—1967

НИКТО

То, что сам по себе это известный телеперсонаж определенной политико-идеологической ориентации — известно всем, кто смотрит телевизор. Если и не было известно, то после его раунда с другим журналистом, Максимом Шевченко, известно стало. Дело в другом — это человек или это явление?..

Кто-то из соратников уже объявил его представителем «неуверенного либерального модерна». Наверное — спорно. Во-первых, просто потому, что «модерн» как эпоха начался вообще раньше, чем возникла идеология либерализма. Во-вторых, потому, что соратники Сванидзе, как и сам Сванидзе, обычно вообще не понимают, ни что такое эпоха модерна, выдавая за нее разложение постмодерна, ни что такое идеология либерализма, выдавая за нее свои собственные вторично-вестернизаторские и нестройные сентенции. В которых мало либерализма, но много частью анархизма: «личность» превыше власти и государства, а частью фашизма: превыше всего не просто «личность» и не «личность каждого», а именно их, просвещенная и привилегированная личность, которая не просто выше власти и государства, а власть и

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

государство должны обслуживать их, создавать им условия для привилегированного существования и защищать от непривлекательных недоличностей, которые, по стечению обстоятельств, оказались недостаточно развиты, чтобы понять превосходство социального вида «хомосванидзикус», согласиться априори с извечным правом на высшую истину последних и с их безусловным правом на безусловные привилегии.

Иногда, правда, это несет с собой издержки: Николай Сванидзе счел такой «недоличностью» Максима Шевченко, попытался его «просветить», кинулся царапаться — и оказался лежащим в углу телестудии. Заслуженное место для «привилегированных просветителей».

Николай Сванидзе всегда был из привилегированных. Его мать была действительно известным советским историком. Отец — замдиректора издательства политической литературы при ЦК КПСС (Политиздата).

Дед — тоже Николай Сванидзе — революционером. Бабушка, как считается, дружила с женой Бухарина и своими приятелями имела Каменева, Радека, Троцкого. Правда это или осовремененная легенда — неизвестно. Считается, что в силу близости к данному кругу она ненавидела Сталина. Может быть, это и правда, и ненависть она успешно воспитала во внуке. Правда, знавшие самого внука в советскую эпоху, утверждают, что тогда он чуть ли не гордился близостью своей семьи к семье Сталина. Правда, сейчас он это с возмущением отрицает.

Считается, что его дед, в честь которого он и назван, был безвинно репрессирован в 1937 году. Сам Сванидзе утверждает, что дед был забит на допросе, но ни в каких списках репрессированных, тем более расстрелянных, он как будто бы не значится.

Считается также, что отец журналиста Сванидзе вел тяжкую жизнь с клеймом «сын врага народа», что не помешало ему сначала окончить МГУ, а потом сделать партийно-политическую карьеру и стать одним из руководителей главного партийно-политического издательства страны.

Внук же «врага народа» сначала успешно поступил и окончил привилегированную спецшколу, а затем поступил на истфак МГУ.

Интересные детали: Родился Николай Карлович Сванидзе, по официальной информации, в 1952 году, в апреле. То есть в школу должен был бы пойти осенью 1959-го и закончить в июне 1969-го. Но, опять же, по официальной информации — закончил он ее в 1972 году. Бог его знает, почему.

Возможно, три года проболел чем-то тяжелым, например, были последствия менингита, возможно, трижды за время обучения в школе оставался на второй год, все может быть, но сам по себе факт окончания школы в 20 лет — определенное удивление вызывает.

Судя по тому, что истфак МГУ он окончил в 1977 году — поступил он туда в 1972-м, то есть сразу после окончания школы, с «первого захода». Оно и понятно: как мог не поступить на истфак «внук врага народа» и сын руководителя Политиздата при ЦК КПСС?.. А на третьем курсе университета уже вступил в КПСС. Как сознательный и передовой комсомолец.

Не вполне понятно, почему по окончании истфака МГУ он не оказался в аспирантуре? Возможно, потому, что для поступления, кроме членства в КПСС, нужно было еще быть и отличником и обладателем красного диплома, а возможно потому, что молодого дипломированного специалиста уже ждало еще одно привилегированное место — в Институте США и Канады. Это было привилегированно, престижно и обещало множество замечательных и выгодных командировок в названные страны.

Там Сванидзе проработал 13 лет, пока не получил от своего друга Евгения Кисилева — в последующем соратника Владимира Гусинского, а последние годы живущего на Украине, поддерживающего нынешний пронацистский режим в Киеве и призывающего к проамериканскому государственному перевороту в России, — пока не получил от него приглашение перейти на создаваемое под Бориса Ельцина российское телевидение.

Ему предложили 500 рублей, сейчас это порядка 250 000 нынешних, для сегодняшнего телеведущего — не так много, и он согласился работать на Ельцина. Для того времени переход из «сознательных и передовых борцов за строительство коммунизма» в ряды антикоммунистов и борцов за свободу торговли и рынка — не особенно исключительное явление.

Интереснее другое: судя по имеющимся сведениям, данная ему зарплата была в четыре раза больше той, которая имела в Институте США и Канады — то есть там он получал 125 рублей — был на низшей ступени научных сотрудников: мнс, младший научный.

За тринадцать лет работы в одном из лучших НИИ страны он не продвинулся ни на шаг. За тринадцать лет он не написал ни одной заметной научной работы. За тринадцать лет он не сумел даже написать кандидатской диссертации, хотя считается, что писал. Кажется, тема называлась «Энергетичес-

кая политика президента Картера», писал тринадцать лет. Написать не смог. Не ученый: в диссертации декларировать и эпатировать — не проходит. Там исследовать и доказывать нужно. Диссертации не было. Степени — не было. Научных работ — не было.

38 лет, микроскопическая должность, зарплата в 125 рублей в СССР того времени — это зарплата начинающего специалиста после окончания ВУЗа. То есть он был неудачником, несмотря на маму, видного историка, и все возможности семейного протектирования. Наука, исследование, добросовестность — это было не для него.

Судя по тому, что в партию вступил на третьем курсе, был комсомольским активистом. То есть умел хорошо и много чесать языком. Что само по себе, конечно, неплохо. Просто, похоже, больше он не умел ничего.

Но в новом медиа-пространстве «новой России» это было востребовано: говорить много, говорить, не считаясь с фактами. Говорить, придумывая мифы — и их же разоблачая. Регулярно нарочно умалчивая о важных фактах, и если о них кто-то напоминает, то быстро обрывая собеседника, на ходу либо выдумывая несуществующее, либо вторичное выдавая за главное, либо повышая голос там, где не хватает аргументов. Старый аргумент Черчилля: «Довод слаб — повысить голос».

Что значит выдавать вторичное за существенное? Стандартный, не сегодня распространяемый прием: например, всем понятно, что практически в каждом городском дворе стоят мусорные баки. Спорить с этим не будет никто. Мусорные баки — это мусорная свалка. Мусорная свалка — это помойка. Отсюда достаточно трагически и возведенными кверху очами окрашенным голосом заголосить: «Скажем честно: весь город заставлен мусорными баками. Весь город завален мусором. Вес наш город превращен в помойку...» И, с одной стороны, можно выглядеть смелым новатором, открывшим глаза на очевидное, но ранее не осознанное. Стать властителем дум и борцом за чистоту города. С другой — не всегда встретить убедительное возражение: исходный постулат верен — баки в каждом дворе.

Остается развернуть борьбу за их ликвидацию. Проблема лишь в том, что получится, если все эти баки из дворов вывезти: тогда город действительно окажется завален мусором.

Все реминисценции Сванидзе по поводу «бесчисленных безвинных жертв сталинского террора» — из этой серии. Причем каждый раз, когда тебя призовут к порядку, можно будет твердить, что это — расправа спецслужб за твое разоб-

лечение их прошлых преступлений и возврат к «сталинским репрессиям». Сванидзе, бывший к 1990 году явным неудачником в своей профессии, несмотря на всю привилегированность и возможность семейного протезирования, расцвел на этих приемах в «новой России».

Еще лет десять назад, даже семь-восемь — он был уверенным в себе, спокойным и имитирующим интеллигентность. А потом внезапно с изумлением увидел, что на всех телешоу проигрывает тем, кого презирал: «просталинским тоталитарным недоличностям», которые знают больше него, говорят увереннее него, отвечают общественным настроениям больше него, аргументированнее него и, что самое главное, — не признают ни его монополии на истину, ни его авторитета, ни вообще его значимости, и даже не ненавидят его, а брезгуют им...

Он испугался и стал нервничать. Раньше он говорил спокойно, неторопливо и уверенно — теперь стал частить и взвизгивать. Раньше он изрекал приговоры — теперь стал выкрикивать базарные оскорбления. Раньше он сохранял достоинство — теперь с визгом кидается на оппонента, по-женски пытаясь его поцарапать.

Он стал сознавать, что никогда не был ничем значимым: играл роль. Раньше его доносов было достаточно, чтобы затравить профессоров его родного истфака и заставить заискивать перед ним всё руководство истфака МГУ — теперь его захлопывают и не хотят слушать на университетских конференциях. Он, конечно, **никто** в академическо-университетской среде, но ведь так хочется быть в ней хоть кем-то. Ведь мама была доктором и профессором. Дядя — академиком АН СССР. Бабушка жены — трижды лауреатом Сталинской премии, тоже доктор, профессор, крупный советский радиохимик. А он — неудачник в науке.

Его обычно представляют в качестве «известного историка», журналиста, просветителя и профессора. После рукопашного столкновения, в результате которого он рухнул в угол телестудии «КП», о нём так и писали: «профессор Сванидзе».

Профессором и известным историком его именуют все биографические сайты. В качестве профессора он представлен на сайте Российского государственного гуманитарного университета, обычно называемого как его основное место работы, где он числится и директором Института массмедиа, и заведующим кафедрой журналистики.

Там же указано, что он, «профессор Сванидзе», имеет целых «более 10 работ», основными из которых названы четыре: «Во всей страшной наготе» (Отечественные записки.

2004); «Талантливо врать телезрителям я не умел и не умею» (Журналист. 2002); «Политика, женщины, футбол». (М.: Амфора, 2006); «Медведев» (в соавторстве с женой Мариной Сванидзе) — (М.: Амфора, 2008).

Ни разработанные им учебные курсы, ни учебники, ни учебно-методические пособия, ни защищенные аспиранты либо докторанты «профессора Сванидзе» на его личной странице не указаны. Как не указаны и ученые степени, и дата присвоения ученого звания «профессор». Потому что Николай Карлович Сванидзе ученого звания профессора не имеет. Так как чтобы получить звание профессора, нужно, как правило, иметь ученую степень доктора наук (за исключением преподавания на артистических и художественных специальностях, где нужны иные звания), определенное количество научных трудов, в частности, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, определенное количество учеников либо учебных пособий, не менее двух учеников, под твоим официальным руководством защитивших кандидатские диссертации, и т.д.

У Сванидзе ничего этого нет. Либо предельно тщательно скрывается.

Вообще нет ничего зазорного в том, что человек не имеет ученых степеней — их вовсе не должны иметь все и каждый. Зазорно, когда, не имея их, человек делает вид, что их имеет.

Нет ничего зазорного в том, чтобы не иметь научных трудов — не все люди должны заниматься наукой. Зазорно, не имея трудов, выдавать себя за историка да и вообще за ученого.

Нет ничего зазорного в том, чтобы быть не ученым, а журналистом. Зазорно, будучи журналистом, на каждом шагу оскорблять миллионы людей.

Нет ничего зазорного в том, чтобы не иметь ученого звания профессора. Зазорно, не имея звания профессора того или иного уровня, всюду писать, что ты профессором являешься.

Зазорно быть самозванцем — как в роли профессора, так и в роли журналиста. И тем более — в роли человека.

Не страшно не быть ученым. Зазорно оказаться **ником**.

СОДОМ ТРЕБУЕТ ПРАВ И ВЛАСТИ

В России вот-вот примут закон о «гендерном» равенстве и делается это якобы под предлогом защиты прав женщин, шумно и напористо. Мы живём в эпоху, когда информационная безопасность включает в себя способность человека правильно видеть происходящее и понимать его смысл. Поэтому крайне важно сейчас различать манипуляции общественным сознанием и вырабатывать собственную позицию. А для этого нужно знать суть явления.

Что такое «гендер»? «Гендер» сочинили извращенцы, чтобы придать благородный вид своим болезненным пристрастиям, которые официальная медицина называет «гомосексуализм» и «педерастия» и к которым нас уже приучили относиться как к грязным ругательствам. А по сути, пресловутый «гендер» — это как раз и есть самое неприличное слово.

Гомосексуалисты утверждают, что «гендер» — это «социальный» пол, новый и единственно правильный, а биологического пола, как такового, и вовсе нет.

«Гендер», по их мнению, — это собственное представление человека о том, кто он есть,

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

мужчина или женщина, а вовсе не то, кем он является на самом деле.

Извращенцы учат нас тому, что «гендер» — наша новая норма и неотъемлемое право, и поэтому больше нет никаких сексуальных патологий, а есть просто много «новых норм» для каждого. Много «гендеров».

Захотел с утра быть женщиной, а вечером мужчиной — это твой «гендер». Решил быть мужчиной и женщиной одновременно — тоже «гендер». Привык менять половые предпочтения в зависимости от настроения — тоже ничего страшного, это — «гендер».

Другими словами, если мужчина говорит, что он — Наполеон, то его лечат в больнице, а если говорит, что он — женщина, то это — его «гендер», и это — нормально.

Мировой содом пошёл в открытый бой с традиционным обществом в 70-х годах прошлого века. Сначала гомосексуалисты США устроили Стоунволлское восстание, напугали весь «свободный мир» и заставили себя бояться.

Затем они физически напали на Американскую психиатрическую ассоциацию (АПА) и силой заставили психиатров исключить гомосексуализм из американского справочника болезней.

Потом Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) исключила гомосексуализм теперь уже из международного справочника болезней и настоятельно рекомендовала сделать это всем государствам. Что и произошло.

В 1995 г. в Пекине на итоговой всемирной конференции, организованной феминистскими и лесбийскими движениями, извращенцы создали подписанную всеми государствами-участниками «Пекинскую платформу действий» — план по продвижению гомосексуализма в мире.

Именно тогда они заменили на уровне цивилизации понятие «пол» на понятие «гендер», провозгласили «гендерную» идеологию (Gender Mainstreaming) новым курсом развития общества и обязали государства её реализовать.

С 90-х годов «гендер» стал для национальных государств средством политического шантажа: хотите в Евросоюз — принимайте у себя «гендерные» законы, то есть вводите особые права для гомосексуалистов, легализуйте однополые «браки» и передавайте извращенцам права на детей.

Организация Объединённых Наций (ООН) также призвала народы пересмотреть «устаревшие» взгляды (на семью, рождение и воспитание детей, образование) и ценности, признать «альтернативные» сексуальные ориентации такими же нормальными, как и традиционные.

Отныне каждое «прогрессивное» государство должно внедрить у себя сексуальное просвещение детей, узаконить смену пола человеком, «однополые браки» и право извращенцев на усыновление детей.

Для этого они должны принять модельный закон о «гендерном равенстве», который называется «О равенстве прав мужчин и женщин», и ввести у себя приоритет прав извращенцев.

Гомосексуалисты и феминистки утверждают, что пол легко можно трансформировать, всего лишь изменив установки человека, и что младенцев изначально нужно воспитывать бесполоыми, а школьникам предлагать выбирать один из множества полов.

Они ссылаются на эксперимент американского психолога Джона Мани, который «менял» пол мальчику Брюсу Раймеру. Маленький Брюс, которого для этого переименовали в Брендю, срывал с себя платья, топтал кукол и дрался; его не принимали ни девочки, ни мальчики; и он очень страдал.

В 8 лет он наотрез отказался дальше встречаться с Мани, в 12 лет, узнав о себе горькую правду, вернул свой пол, позднее женился и усыновил троих детей, но из-за невозможности пережить последствия многолетней психологической травмы, он предпринял несколько попыток суицида и в 38 лет окончательно покончил с собой.

Несмотря на разоблачения коллег и прижизненные свидетельства самого Брюса Раймера, профессор Мани описал случай как успешный, дальнейшей судьбой мальчика не интересовался, а гомосексуалисты и феминистки сделали из его идей свой культ, на котором теперь основывают требования прав и власти.

Сегодня в Европе и США лечение гомосексуализма запрещено и наказывается лишением врача лицензии, а взгляд на гомосексуализм как на патологию называется «гомофобией» и карается тюрьмой.

Что уже удалось мировому содому. Фонды поддержки гомосексуалистов и лесбиянок продвигают своих людей на все уровни власти, от муниципалитетов до президентов государств. В мире насчитывается 251 страна, в 25 из которых «однополые браки» признаны, а в 15 используются переходные формы легализации.

Всё это — белые европеоиды, сдавшие свои позиции уже почти полностью, а противостоят им все африканские страны, большинство азиатских государств, страны южной и центральной Америки, Океании, Индия, Россия, где союзы гомосексуалистов либо категорически, вплоть до смертной казни, запрещены, либо формально нейтральны, но по факту не допускаются.

Но в информационном пространстве извращенцы властвуют безгранично: интернет, СМИ, ТВ, театр, кино, музыка, социальные сети создают в обществе моду на «нетрадиционное» поведение.

Парады содомитов, так называемые «парады гордости» — это один из инструментов мощного механизма социального заражения, который увеличивает сексуальную патологию в геометрической прогрессии. И наша молодёжь — в зоне серьёзного риска.

Россия — страна с устойчивыми православными традициями, в которой приняты законы, запрещающие пропаганду извращений несовершеннолетним и усыновление российских сирот в однополые сожительства в стране и за рубежом, но опасность с каждым днём всё возрастает.

В марте 2017 г. феминистки добились принятия «Национальной стратегии действий в интересах женщин в РФ» и объявили войну против социальной роли женщины как матери и хозяйки и за принятие «гендерного» законодательства.

В январе 2018 г. Минздрав РФ выпустил приказ об ускоренном порядке смены пола.

С 2003 г. в Госдуме РФ находится уже принятый в первом чтении законопроект о «гендерном равенстве» — ФЗ № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации (О государственных гарантиях равноправия женщин и мужчин)».

Он вводит понятие «гендер», «гендерное» квотирование, «гендерное» образование и воспитание, уголовную ответственность за «гендерную» дискриминацию, «позитивную дискриминацию» нынешнего традиционного большинства, заменяет понятие «семья» на понятие «лица с семейными обязанностями», а также легализует скандальную стратегию под названием «харассмент» для борьбы с семейными установками и традиционной мужской ролью.

Защитой прав «гендеров» будут заниматься «гендерные» уполномоченные, которые получают право доступа к любым документам, отменяют презумпцию невиновности и смогут штрафовать «обидчиков» на сумму от 100 тыс. рублей до 1 млн. руб., причём в бюджет обиженного.

Хватит себя убаюкивать расхожим тезисом о том, что, мол, у нас такого не может быть. Всё уже есть — достаточно посмотреть на афиши и экраны, включить радио и зайти в интернет. В мегаполисах молодёжь больше не видит в гомосексуализме только вред — она признаёт за извращенцами «право на любовь» и не осуждает своих «нетрадиционных» друзей.

Насколько велика опасность? Против закона «Брак для всех» во Франции в 2013 г. на Елисейские поля выходило более 1,5 млн. человек — полиция ответила на выступления дубинками и слезоточивым газом, а закон был принят. Так же не остановили многотысячные выступления и крестные ходы верующих принятие «гендерного» закона в Грузии и Армении.

В России в октябре 2017 г. в Госдуме РФ была создана рабочая группа под руководством депутата Оксаны Пушкиной по подготовке ко второму чтению законопроекта о «гендерном» равенстве, в которую также вошли Ирина Роднина, Павел Крашенинников и другие депутаты.

Они начали информационную артподготовку в виде скандалов с «сексуальными домогательствами» (т.н. «харасмент») депутатов и уже объявили о своём намерении срочно принять данный закон в самое ближайшее время. А в думские фракции спикером Думы для обсуждения было направлено представление на должность федерального «гендерного» уполномоченного кандидатуры депутата Оксаны Пушкиной. «Пекинская платформа» выставила счёт и жёстко требует оплаты.

Что мы можем сделать? Сегодня каждый из нас принимает решение о том, как будет выглядеть наше общество завтра — будут ли мужчины по-прежнему жениться на женщинах, смогут ли они передать своим детям знание о том, что такое семья, нравственность и норма.

Нельзя допустить принятия закона ФЗ № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации (О государственных гарантиях равноправия женщин и мужчин)», который противоречит подписанным президентом В.В. Путиным документам — «Стратегии национальной безопасности» и «Концепции государственной культурной политики», и несёт прямую угрозу демографической безопасности России.

Нужно срочно направлять телеграммы и письма с текстом: «Требую отклонить законопроект о «гендере» ФЗ-№ 284965-3 как антиконституционный, антидемографический и антигосударственный» по адресу: 103132, Москва, ул. Ильинка 23, президенту РФ В.В. Путину.

История учит нас тому, что отдельные нации и даже целые цивилизации, бесследно растворялись в веках, лишь только на миг забывали о норме и отказывались от своей нравственности.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2018 год
(Январь — апрель)

На сайте «Российский писатель» появилась публикация под названием «Тиражи и виражи литературных журналов». Автор — Валерий Румянцев из г. Сочи.

Не первый раз я сталкиваюсь с невежественным мнением безграмотных «экспертов» о нынешних литературных журналах, об их тиражах, об их читателях и об их проблемах. И каждый раз убеждаюсь в том, что эти горе-эксперты вообще не понимают того, о чём берутся судить. А рассуждают они исключительно как малые дети, которые увидели две разные картинки одного предмета, и не могут понять: а почему эти картинки — разные...

Автор публикации в «РП» — из таких же «экспертов», а вернее говоря — из тех же «детей», не понимающих того, что нельзя сравнивать тиражи журналов двух разных государств. СССР и РФ — это разные государства. Мы уже 27 лет живем в другой стране. Но своим «детским» сознанием В.Румянцев, живя в Сочи, этого до сих пор не осознал. И недоумевает: как, мол, это так — тогда, в СССР, у всех журналов были тиражи под миллион, а теперь

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

вдруг — максимум две-три тысячи экземпляров?.. Не объяснили грамотные люди В. Румянцеву, что он уже более четверти века живет в другой стране. Не объяснили, что тогда, в СССР, одних только библиотек с учетом всех союзных республик, воинских частей, школ, институтов, колхозов, совхозов и самых маленьких деревень было более 300 000. И все эти библиотеки **обязаны** были выписывать **все** центральные газеты и журналы, причем по несколько экземпляров — в абонемент и в читальный зал. И оплачивало расходы на эту подписку государство. А подписка стоила копейки. Более того, на подписку для простых граждан были лимиты, т.к. не хватало бумаги в стране, то есть подписка была ограничена, и люди занимали очереди на почте с первого дня подписной кампании, чтобы успеть подписаться на любимый журнал. И если бы не эти лимиты, то тиражи журналов были бы по несколько миллионов экземпляров у каждого.

Я уж не говорю о качестве публикаций, которые проходили очень жесткий литературный отбор. И дело даже было не в Главлите (цензуре), а в общем редакторском отношении к качеству публикуемых вещей. И, конечно же, тогда не могла увидеть свет в журналах та безъязыкая белиберда, которая сейчас выходит в том же «Новом мире» или в «Знамени».

Теперь же государство бросило литературные журналы на произвол судьбы — выживайте, как хотите. Библиотекам не выделяются средства на подписку, да и самих этих библиотек в скукожившейся стране осталось мизерное количество. До недавнего времени в оставшиеся библиотеки спускались из местных администраций списки тех журналов, на которые выделялись деньги на подписку. Как правило, эти списки состояли из т.н. «либеральных» изданий. Я видел не раз эти списки. «Молодая гвардия» в них не значилась никогда. Не говоря уже о том, что московские т.н. «либеральные» журналы долгое время финансировал Фонд Сороса.

Да, теперь журналы можно читать в Интернете, и это сильно повлияло на тиражи бумажных изданий. Сильно, но не катастрофично, т.к. в Интернет заходят в основном молодые читатели. Но люди в возрасте, а тем более пенсионеры предпочитают бумажный журнал.

Так в чём же безграмотность этого «эксперта» из г. Сочи? Он цитирует бездарные вирши из «либеральных» журналов и этим цитированием объясняет непопулярность и малые тиражи всех литературных журналов, в том числе и русских, в которых когда-то печатался. Но, оказывается, напечататься для него — не означает читать этот журнал.

Не понимает он, что причины малотиражности т.н. «либеральных» и русских патриотических журналов абсолютно

разные. У первых — отсутствие спроса среди населения и существование, в основном, за счет российско-спонсорских и иностранных грантов. У вторых — отсутствие государственной и той же спонсорской поддержки и существование исключительно за счет подписки населения.

Знать и понимать это может только человек, приближенный к деятельности современных литературных журналов. Но автор из г. Сочи живет в каких-то своих архаичных представлениях и близоруких фантазиях, очень далеких от реальной жизни.

И В.Румянцеву из Сочи нужно сказать следующее: дело не в том, что люди стали меньше читать, а в том, что это вы, В.Румянцев, и такие, как вы, не знаете, ЧТО нужно и что не нужно читать. В.Румянцев опять-таки не понимает, что т.н. «либеральные» журналы русскому человеку читать вообще не нужно и даже вредно для психики. Не нужно ему читать ни «Новый мир», ни «Октябрь», ни «Знамя». Потому что ничего, кроме вреда от них, он для себя не получит. А читать русскому человеку нужно русские журналы. Какие? Это обязан знать каждый грамотный русский человек. Если не знает, значит, он — безграмотный. И ему не стоит корчить из себя «эксперта» в оценке качества и причин малотиражности современных литературных журналов. К примеру, не читая «Молодой гвардии» и не зная того, что публикуется на ее страницах, просто глупо и бессмысленно судить о состоянии нынешней прозы и поэзии, т.к. в «Молодой гвардии» печатаются лучшие русские авторы.

Не раз я писал о том, что государство нынешнее, в лице президента, очень сильно любит спортсменов и артистов и выделяет на спорт, театры и кино миллиарды рублей. А вот русские писатели у него и тем более литературные журналы существуют в качестве никчемных пасынков, на которых можно вообще не обращать внимания. И вполне возможно, что лет через десять, а то и раньше литературные журналы погибнут все. Кому от этого станет лучше? И «эксперты» типа Румянцева будут недоумевать: как так получилось, почему они исчезли после таких тиражей, какие были в 1989 году? Видимо, потому, что читать там нечего...

И приходится этим Румянцевым объяснять прописные истины: без государственной поддержки национальная культура в любой стране существовать **не сможет**. Подчеркиваю, **национальная**, а не театрально-голубая, не киношно-клубнично-детективная и не эстрадно-пугачевско-киркоровская.

* * *

Что бы ни вытворяли украинские нацисты, реакция Кремля неизменно одна и та же — безразличное молчание. Отсут-

ствие реакции Кремля на любые выходки киевской хунты и бандеровских дегенератов, по всей вероятности, говорит об одном — о маниакальном желании кремлевских сидельцев любыми путями задобрить этих распоясавшихся «великоукров» и, по словам Путина, «наладить с Украиной добрососедские отношения». И уже, по-видимому, для кремлевских менеджеров не имеет значения, что эти «добрососедские отношения» будут с фашистскими головорезами из «Айдара», «Азова» и «правого сектора», с теми, кто законодательно присвоил России статус «агрессора», с теми, кто держит за решеткой в качестве заложников сотни российских граждан. Вот уже и президент, словно обуреваемый комплексом «вины» перед «самостийниками» и «нэзалэжниками», готов вернуть им всю военную технику, брошенную ими в Крыму, — корабли, самолеты, танки, пушки и т.д. Тут наш президент даже переплюнул американский Конгресс, разрешивший продавать Укропии противотанковые гранатометы. И разве что-то меняет тот факт, что техника эта, как нас уверяет Путин, находится «в плачевном состоянии»? Любая техника поддается ремонту. Но чего не сделаешь ради того, чтобы задобрить сильно обиженную на нас нацистскую сволочь, все уши просвистевшую о том, что «нэнька-Украина находится в состоянии войны с Россией»? Одновременно наш президент с какой-то благодушной улыбочкой не забыл напомнить всему миру о том, что ДНР и ЛНР — это, согласно «минским соглашениям», территория Украины... Тем «соглашениям», которые порошковская банда сразу же спустила в унитаз.

Как видно, комплекс «вины» за Крым и за Донбасс нашим кремлянам намертво заглушает слух и застилает глаза. Да и перед Вашингтоном заодно надо было выслужиться и оправдаться накануне президентских выборов и неизбежно приближающейся акции «американских партнеров» против российских олигархов, скрывающих свои миллиарды в западных банках. Так что нацистская сволочь может вытворять любые акции против наших консульств, торпредств, журналистов и простых людей в своей «тысячелетней Великоуропии». Реакция будет нулевая. За кремлевскими стенами комплекс «вины», словно эпидемия СПИДа, становится неизлечимым.

* * *

По правде говоря, меня это уже не удивляет. Давно ли он на голубом глазу цитировал с телеэкрана «немытую Россию» как лермонтовское стихотворение, что говорит не только о его малограмотности в культурной сфере, но и о дремучем невеже-

стве его многочисленных «спичрайтеров». И вот опять — как недоучившийся гимназист, решил открыть нам всем глаза на «святые мощи Ленина» и на коммунистическую идеологию, «списанную с христианства». Эту штампованную ахинею мы слышали не раз из уст лидера КПРФ, но тому простительно: жизнь заставляет приспособливаться. А вот с какой стати в Кремле подхватили дремучее зюгановское словоблудие — понять непросто. Услышал бы эту аналогию сам «вождь пролетариата» — сбежал бы из мавзолея в чём мать родила...

О чём угодно могли мечтать большевистские вожди, но только не о своей христианской святости. «Опиум для народа» высмеивался ими с такой беспощадностью, что образ толстопузого попа после 1917 года стал в России чуть ли не самым презираемым. Знали бы они, какую оплеуху им готовит через сто лет российская власть... Оказывается, это «христианские мощи» теперь лежат в языческом зиккурате... Не иначе как предчувствуя это, «святой» Ленин приказывал уничтожать храмы, расстреливать и топить священников, а мощи великих святителей Руси выбрасывать псам на съедение. Видимо, поэтому каленым железом из сознания русских людей выжигалось христианство в ленинские годы.

Да, похоже, наслушался наш президент зюгановского бреда. Но есть к нему один каверзный вопрос: отчего же он так боится имени Сталина? И даже слушать не хочет о возвращении этого имени легендарному городу на Волге?.. Ведь Сталин тоже лежал в мавзолее...

* * *

15 января в одной из пермских школ двое кавказско-азиатских старшеклассников в масках (А.Буслидзе и Л.Бинджаков) ворвались в класс, где занимались четвероклассники, и устроили резню. Были ранены 15 человек, в том числе учительница, бросившаяся на защиту детей и получившая 17 ножевых ранений. Ни в одной из новостных программ телевидения ни в тот день, ни в последующие об этом жутком факте не прозвучало ни слова. Руководству российского ТВ, видимо, приказали помалкивать. Не дай бог накануне выборов народ еще раз узнает о национальности малолетних террористов. Не дай бог народ вновь возмутится беспредельным заселением русских городов кавказско-азиатскими мигрантами, которых уже никакие власти не способны контролировать. И не дай бог накануне выборов народ заговорит о главном виновнике этого беспредельного и агрессивного заселения. Пресс-секретарь президента тут же заявил в Интернете: это, мол «внутришкольные разборки», тем самым попытав-

шись опровергнуть версию теракта. Что угодно готовы придумать кремлевские чинуши, лишь бы себя выгородить. Но так ведь и взрывы в метро можно назвать «внутрироссийскими разборками»...

Двух кавказско-азиатских несовершеннолетних террористов тут же спрятали в психушку — мол, больные они, не могут за себя отвечать. Вновь мы наблюдаем отработанный властями прием (по аналогии с Гюльчехрой Бобокуловой): не бандиты они, не террористы, а «неизвестные, безнациональные сумасшедшие»...

Предновогодняя «прелюдия», о которой я писал в конце декабря прошлого года и которая оказалась для кремлевских властей «незамеченной», вылилась в неизбежную кровавую драму.

* * *

Утром 19 января пермская резня повторилась в одной из школ г. Улан-Уде. Трое подростков в масках бросили «коктейль Молотова» в класс, где проходил урок литературы у семиклассников, вызвав пожар. Когда ученики стали выбегать из класса, нападавшие стали рубить их топорами. Били в основном по голове. Тяжело пострадали семь человек, в том числе 41-летняя учительница. Один из нападавших нанес себе ножовое ранение, видимо, желая покончить с собой, но был схвачен. Двое остальных скрылись. Все раненные оказались в реанимации. Радио «Маяк» в тот же день скоропалительно придумало свою «версию» этого теракта: «Внутришкольный конфликт из-за двойки в журнале».

Миграционная политика Кремля грозит стране тем, что подобные теракты будут совершаться у нас **ежедневно**, и на них идилично-прокремлевские СМИ вообще перестанут реагировать как на обыденные «внутришкольные» и «внутрибытовые разборки». Ни в каких теленовостях опять же это ужасное событие не было обнародовано. Действительно, разве можно было подобными сообщениями омрачать самопиарные репортажи о купании президента в крещенской проруби?..

Давно ли нам показывали по ящику, как в Сирии обученные подростки резали головы своим стоящим на коленях жертвам? Не думаю, что эти жуткие кадры нам демонстрировались просто так, ради впечатляющей картинки... Уже тогда можно было догадаться, что нас морально к чему-то готовили... Вот только признавать это ну никак не хочется кремлевским пресс-секретарям, чтобы никоим образом не умалять имиджа своего шефа-«миротворца».

Или, может быть, кто-то всё еще наивно думает, что это случайно и совсем безобидно практически по всем российс-

ким телеканалам (за редким исключением) **ежедневно** крутят фильмы, сплошь состоящие из насилия и самых жестоких убийств. А подростки наши изо дня в день смотрят на это насилие, впитывают его, «учатся жизни», запоминают...

И вот уже созревшие и усвоившие телевизионную науку старшеклассники с такой же легкостью, как в кино, теперь применяют ее на практике: там, где это сделать им легче всего, — в школе. Хоть за двойку в журнале, хоть за косою взгляд, хоть за обидное словечко или просто ради самоутверждения. Да и поощрители тут как тут — те, что прибыли и беспредельным потоком ежедневно прибывают к нам в широко открытые ворота из Азии, из Закавказья или из Африки...

* * *

Украина фактически объявила России войну. Но Путин вновь будет отмалчиваться и делать вид, что ничего особенного не произошло. А недели через две-три опять начнет примирительно опускать глаза перед «нашими украинскими братьями».

А ведь никакого нынешнего киевского мракобесия и никакой воинственной риторики обнаглевших майдаунов могло не быть вообще. Если бы сразу были признаны итоги референдумов в двух донбасских республиках об их независимости от Украины, а еще лучше, если бы они вернулись в состав России. Об этом я писал и предупреждал все прошедшие четыре года. Но Путин тогда струхнул, в результате чего на Донбассе началась кровавая бойня. Давно известно, нерешительность и политиканство руководителей государств всегда приводят к трагедии народов.

Нынешняя нерешительность и улыбочивое потакание истинному агрессору приведет к новым трагедиям не только жителей Донбасса, но теперь уже и России. Потому что теперь нам придется уже открыто воевать с вооруженной до зубов и вскормленной Западом новой нацистской армией, на стороне которой будет вся Европа и Америка. Виляние хвостом перед всякой фашистской мразью неизбежно выливается в кровь и поломанные судьбы простых людей.

После заседания Совбеза РФ Д. Песков заявил, что Москва «не согласна» с формулировкой закона, принятого в Киеве, объявляющего Россию агрессором, а Донбасс — «оккупированной территорией». Ну надо же, «не согласны» они!.. Кто бы мог подумать!..

* * *

Я уже писал о том, что наши главные спортивные чиновники (Жуков, Мутко, Смирнов) готовы сколько угодно гло-

тать унижения России со стороны Международного олимпийского комитета ради своих насиженных кресел в руководстве российским спортом. Но теперь, в конце января, накануне зимней Олимпиады, мы видим, как и кремлевские чиновники готовы точно так же трусовато проглатывать уже не просто унижение достоинства нашей страны, а откровенное, бесцеремонное хамство проамериканских деятелей МОКа, которые за 15 дней до начала Зимних Олимпийских игр просто взяли и с ехидной усмешкой, даже не называя причин, вычеркнули из списка наших «чистых» спортсменов лучших фигуристов, хоккеистов, конькобежцев, лыжников, биатлонистов, саночников и т.д. — тех, кто реально претендовал на медали. И кремлевская челядь устами улыбочивого Пескова выразила по этому поводу.. «сожаление»...

Вдобавок ко всему моковские охамевшие «партнёры» теперь уже и нашим болельщикам запретили появляться в Пхенчхане с российскими флагами и с любимыми национальными символами. Застенчивый Кремль и это невозмутимо проглотил. И в который уже раз президент, как обычно, промолчал.

Но вместе с кремлевской челядью, господа россияне, эту мерзость, это циничное хамство и это похабнейшее оскорбление страны будете глотать и все вы. Да, будете каждодневно глотать, наблюдая за всем этим «олимпийским» позорищем по ящику, будете глотать, голосуя за эту власть, выражающую «сожаление» о дичайшем оскорблении страны, в которой вы живете.

А те «счастливые» спортсмены, которых милостиво не вычеркнули из списка допущенных, конечно же, поедут в этот позорный Пхёнчхан... Вместо того, чтобы в знак солидарности с нашими отстраненными чемпионами бойкотировать это непотребное позорище, устроенное американскими ублюдками. Ясно, что кремлевская челядь ради известного единоличного самопиара мечтает о футбольном мундиале — и потому ни на какие движения в защиту достоинства страны не способна.

* * *

Вот уже который день подряд по всем центральным каналам ТВ нам впаривают Высоцкого по поводу его юбилея. Невозможно себе представить, чтобы нечто подобное происходило в отношении **любого** русского поэта. Кому-то это о чём-то говорит. Кому-то — нет.

* * *

Такова красноречивая картина «партнерских отношений» США и России: они нам — чуть ли ни ежедневные санкции, а мы им — сжиженный газ и астронавтов на МКС.

* * *

Как стало известно, 15 млн. долларов, которые Россия выплатила Международному олимпийскому комитету в качестве контрибуции за наглое и оскорбительное отстранение российской сборной от Зимних олимпийских игр в Южной Корее, направлены МОКом Г.Родченкову и его «экспертам» в качестве гонорара за «очень полезную работу». Таким образом, Россия не только была унижена и поставлена на колени проамериканскими проходимцами МОКа, но еще и профинансировала эти унижения и оскорбления. Продолжительные овации нашим кремлевским и спортивным чиновникам!

* * *

Канадские хоккеисты, играющие в НХЛ, решили не ехать на Зимнюю олимпиаду. Их никто не унижал и не оскорблял, и они скорее всего взяли бы чемпионские медали. И тем не менее без шума и пыли они просто-напросто сами решили туда не ехать. И никакой трагедии в этом для себя не увидели. Но сколько слёз и чуть ли не предсмертных причитаний у наших *не допущенных* в Пхёнчхан «олимпийцев»! Сколько сетований со стороны журналистов и властей по поводу их «поломанных спортивных судеб»!.. Как будто на этом у *не допущенных* жизнь закончилась. «Надо! Надо ехать! В любом виде, в любом составе, под любым флагом!» — долдонили спортивные функционеры и кремлевские «миротворцы». И опущенные *допущенные* поползи туда на брюхе и лично подписались под условием никаким образом не проявлять своей государственной принадлежности вплоть до изгнания с Игр. Подписались, родимые. В отличие от потенциально золотой канадской хоккейной сборной, пославшей этот убудочный Пхёнчхан туда, откуда не возвращаются...

* * *

В конце января Путин заголосил о холокосте. Несмотря на чуть ли ни ежедневные бомбардировки Сирии израильской авиацией, он в очередной раз пригласил в Москву Нэтаньяху и соловьем запел о жертвах холокоста и о недопустимости его отрицания. Вполне возможно, в скором времени и у нас будет принят закон по этому поводу — по примеру Европы. Но, конечно же, не случайно «гарант» именно сейчас вспомнил про холокост. Америка всерьез взялась за «нашу» воровскую олигархию: санкции и новые чёрные списки богатых россиян утверждаются Конгрессом почти через день. И нэтаньяхо-путинский дуэт о холокосте — это явная отчаянная попытка «спасения шкуры» олигархического режима.

Это апелляция к еврейскому лобби в американском Конгрессе и в Белом доме в надежде на проявление гуманности к «нашим» струхнувшим олигархам, да и к самому «коту Леопольду» со стороны пиндосовского «истеблишмента».

* * *

Пиндосы, конечно же, конфискуют капиталы российских олигархов, попавших в «чёрные списки». Конгрессмены приняли закон об этом еще в ноябре прошлого года.

30 января Путин выступил перед своими доверенными лицами и с привычной улыбочкой попытался пошутить по поводу этих списков. Он даже выразил недоумение: «Я не понимаю, зачем это нужно — создавать какие-то списки?..» Он всё еще недоумевает... «Пройдет время, и всё образуется», — заключил он. Нет, г-н президент, не образуется, потому что враг уже не образумится. И ваш принцип «кота Леопольда» выглядит очень странно, если не смешно.

Но понять нужно следующие. Вот что такое, господа, капитализм! Вы рвались в него из социализма! Вы его получили. Вот что такое «рынок», который якобы всё утрясёт и всё устаканит. Вот во что вы вляпались в 1991 году! Вот что такое МВФ и ВТО, куда вы рвались сломя голову. Они вам помогли? Теперь вряд ли можно сомневаться в том, что ваши капиталы, хранящиеся в западных банках, будут просто-напросто конфискованы. Вы ограбили Россию, теперь пиндосы ограбят вас. Всё справедливо, всё по рыночным законам. Не ваши ли предшественники придумали этот волчий закон: «Грабь награбленное»? Пришел черед и вас пограбить. Не всё коту масленица. Вы ведь так рвались в капитализм! За что боролись, господа...

Вообще-то это списки, спущенные Свыше.

* * *

Владимир Владимирович, если говорить по правде, то просто неприлично с таким трагическим пафосом в России вещать о холокосте. О том холокосте, о котором вы уже не первый раз вещаете. По той причине, что в России можно и нужно постоянно говорить только об одном холокосте — русском. Причем русский холокост начался еще в 1917 году. В одной только Гражданской войне, развязанной большевистскими вождями Лениным и Троцким, погибло 12 миллионов. Даже по сравнению с мифической, сотни раз опровергнутой экспертами цифрой «шесть миллионов евреев» 12 миллионов русского холокоста — это в два раза больше. И если даже не вспоминать про русский холокост в последующих репрессиях, 27 миллионов Жертв Русского Холокоста Великой Оте-

чественной войны — это почти в пять раз больше мифической цифры «шесть миллионов евреев». 12 и 27 — это 39 миллионов Жертв Русского Холокоста. Но об этой мировой катастрофе, об этом Холокосте ни в России, ни тем более в остальной Европе вообще никто не заикается.

Русские непричастны к еврейскому холокосту. Поэтому, Владимир Владимирович, пусть о нём говорят, пишут и сажаяют за его отрицание в Европе и в Израиле. А в России вещать о нём с таким пафосом, с каким вещаете вы, повторяю, просто неприлично, стоя перед фактом ни с чем не сравнимого, по-настоящему катастрофического Русского Холокоста, о котором здесь говорить и писать не приучены.

* * *

Глядя на серую, безликую группу наших спортсменов, идущих под белым с олимпийскими кольцами флагом на открытии Олимпийских игр в Пхёнчхане, хотелось спросить только одно: зачем они там? для чего и ради чего? Ради личных амбиций? Их опустили и оскорбили, а они шли и улыбались.

Но разве можно нормальным, уважающим себя людям так унижаться и так плевать на **собственное** достоинство, даже не говоря о достоинстве страны? Разве им не приходило в голову, что весь мир на них с усмешкой пальцем показывал: «Смотрите, смотрите, вон эти допинговые русские идут, без своего флага и без своей формы! Так им и надо!» Они своим мелким, тщеславным эгоизмом дали повод всем антирусским недругам поиздеваться над ними и над нами, позлорадствовать и морально возвыситься над «этой рашкой». Почти весь народ России был за бойкот этой убудочной «олимпиады», поправшей все принципы прежнего олимпизма.

Но кто допустил такое издевательское отношение к российским спортсменам? Кто позволил унижить их на глазах у всего мира? Кто сразу, решительно и жёстко не пресёк всей этой издевательской вакханалии? И мы все понимаем, кто: российская власть — как спортивная, так и кремлевская. Путин перед отправкой наших *допущенных* спортсменов в Корею встретился с ними и произнес малопонятные слова: «Простите нас за то, что мы вас не защитили». Как-то странно слышать такое от президента великой страны... И не мог не возникнуть естественный вопрос: а почему же ты, глава **такого** государства, их **не защитил**? Почему ты прикусил язык, когда российскую сборную отстранили от Олимпийских игр — как летних, так и зимних? Почему ты неоднократно повторял эту глупую фразу: «Сами виноваты»? В чём они виноваты? В том, что назначенные тобой главные спортив-

ные чиновники, держась за свои теплые кресла, молча проглатывали любые обвинения? Почему ты, глава великого государства, допустил, проигнорировал, проглотил оскорбление России? Ведь это ты 9 февраля шел в этой серой, безликой, безнациональной массе наших *допущенных*, так называемых «*олимпийских атлетов из России*» по стадиону в Пхёнчхане. Это ты шел вместе с ними, потому что ты **ничего** не сделал для того, чтобы этого не случилось.

Многие недоумевают: почему Путин не решился на бойкот этой похабной Олимпиады? В общем-то его логика в некоторой степени понятна. Он боится, что в ответ на этот бойкот у него будет отнят ЧМ по футболу, который очень ему нужен опять же для своих личных самопиаровских амбиций. Ну как же — застроил страну стадионами, вбухал в них баснословные средства, и вдруг всё понапрасну..

* * *

Можно ли себе представить, чтобы спортсмены любой другой страны поехали на Олимпийские игры под чужим флагом, без национальной символики, в серой одежде и без своего гимна?

Разве президенту России было не позорно и не стыдно на табло соревнований вместо названия «Russia» читать эту дикую аббревиатуру: «OAR»? Да только за одно это министр спорта любой другой страны был бы подвергнут моральному уничтожению. Но путинский выдвиженец Мутко пошел на повышение — стал вице-премьером... И они там, в Кремле, хотят, чтобы мы за них голосовали...

* * *

11 февраля в Подмоскowie потерпел крушение сделанный на Украине пассажирский самолет Ан-148, летевший из Москвы в Орск Оренбургской обл. Погиб 71 человек. Авиалайнер разрушился в воздухе при взлете. Мелкие части самолета были разбросаны на земле в радиусе более километра. Через несколько часов СМИ уже торопливо сообщали, что признаков взрывчатки на осколках самолета не обнаружено. Это означает, что нам снова будут настойчиво впаривать «ошибку пилотов». Иначе нельзя. Потому что иначе, если признать теракт, то это будет наилучшим поводом для всей западной пропаганды к началу бойкота Чемпионата мира по футболу. А это, в свою очередь, вслед за зимней Олимпиадой, станет сильнейшим ударом по престижу власти, застроившей страну стадионами. Так что этой власти ничего не остается, как до упора, вопреки всем фактам отвергать наличие теракта.

А теперь — о главном и более реальном. Самолет разрушиться в воздухе не мог ни по каким другим причинам, кроме взрыва. А это значит, что версия теракта — это даже не версия, а настоящий факт. И факт закономерный.

Подорванный самолет — это следующий шаг после бесконечных санкций, «черных списков» и похабной Олимпиады. США через завербованных азиатских «игиловцев»* и украинских русофобов, беспрепятственно проникающих в Россию, активизировали диверсионную деятельность внутри нашей страны. Все эти действия и все эти шаги — звенья начатой ими против нас настоящей, т.н. «гибридной» войны. Да, господа, это война. И пора уже кремлевским улыбочивым «миротворцам» заканчивать свою «партнерскую» демагогию, сдобренную бессчетными «сожалениями» по поводу откровенных плевков нам в лицо. «Партнерские» плевки уже давно перешли в публичные американо-европейские пинки ногами, а теперь уже и в реальное убийство наших мирных людей. Пора наконец врагов называть врагами, тем более когда они нас только так и называют. Пора наконец изгнать с российского телевидения вражеских (американо-польско-украинских) агентов, поносящих Россию, оскорбляющих наш народ, наших героев и нашу Победу. Пора наконец кремлевским «котам Леопольдам» понять, что война уже началась. Сбитый в Сирии Су-25, а также взорванный в 2016 году над Черным морем Ту-154 и вот теперь Ан-148 — не что иное, как наши потери в этой войне.

* * *

И пошло-поехало телерадиовраньё. Еще и «черные ящики» упавшего самолета не успели вскрыть, но уже вовсю начали врать, что самолет при взлете врезался в землю, а осколки и тела разлетелись на километр от места падения... Как ввали после взрыва Ту-154 над Черным морем, так и теперь выдумывают всякую несуряницу.

И вот уже быстренько сварганили детсадовскую версию — обледенение самолета. После трех минут полета на высоте 1 км. И ждут расшифровки речевых самописцев из «черных ящиков», в то время как переговоры с диспетчером записываются на магнитофон. Но об этих переговорах почему-то — ни звука... Опытным и серьезным летчикам уже всё понятно.

* * *

15 февраля в Москве состоялся съезд Союза писателей России, на котором был избран новый председатель писа-

* И г и л — террористическая организация, запрещенная в России.

тельского союза. Событие неординарное для страны. Однако от президента России не пришло ни приветствия к началу открытия съезда, ни поздравления в связи с избранием нового председателя. То есть нам дали понять, что этому президенту неинтересны и не нужны писатели России (в отличие от артистов и спортсменов). Но сколько при этом среди русских писателей кремлевских лизоблюдов! И абсолютно никакие аргументы не влияют на их упёртое лизоблюдство. Каждый из них надеется этим эгоистичным лизоблюдством прикрыть свою задницу — так, на всякий случай.

* * *

В Польше и на Украине поставлено на широкую — законодательную — ногу осквернение и уничтожение памятников советским воинам, освободившим Европу от германского нацизма. Но президент России, на глазах которого происходит это безнаказанное варварство, сохраняет странное молчание. Никаких заявлений по этому поводу с его стороны (не говоря уже о протестах парламента и правительства) мы не слышим, как будто советские воины и герои той войны — это люди какой-то другой страны, не имеющей никакого отношения к нынешней РФ. Мягко говоря, какая-то странная ситуация... А польско-украинские подонки, видя молчаливую бесхребетность российской власти, наглеют еще больше, еще циничнее и еще подлее. И более того, на российских центральных каналах ТВ другие польско-украинские дегенераты с ехидными ухмылками оправдывают это европейское варварство. А руководство российских телеканалов за это мерзкое, наглое ехидство выплачивает им большие гонорары. И никакие уголовные статьи об экстремизме их не касаются. Оно и понятно: если президент не реагирует на эти преступления — значит, всё нормально. Значит, можно и дальше крушить наши памятники и оправдывать это варварство на российском ТВ.

* * *

Вот и всё, господа избиратели, СМИ и власти про погибший Ан-148 «забыли», больше о нём не вспоминают, откупившись от родственников подачкой в миллион деревянных. Электорату сразу сказали: «Теракта не было. Забудьте». И он, успокоившись, забыл. Не до того. Олимпиада, выборы, Сирия, Украина...

* * *

Сборная норвежских астматиков взяла почти всё золото в Пхёнчхане среди лыжников и биатлонистов. Зря, что ли, они

привезли туда более 6000 доз противоастматических препаратов, т.е. разрешенного МОКом допинга?.. Среди спортсменов других стран ходит такая «шутка юмора»: хочешь стать олимпийским чемпионом — купи мед. справку о том, что у тебя астма.

Дело в том, что ВАДА и МОК разрешили западным спортсменам, больным астмой, использовать лекарство, облегчающее дыхание и являющееся сильнейшим допингом. Причем российским атлетам они этого никогда не разрешали. И все норвежские спортсмены, как по команде, стали астматиками. И идут первыми в медальном зачете на Олимпиаде в Пхенчхане.

* * *

Спорт — это орудие войны. Причем так было всегда. В том числе и после того, как основатель современного олимпийского движения и первый президент МОК барон Пьер де Кубертен в 1912 году провозгласил свой знаменитый лозунг: «О спорт, ты мир!» Позже в СССР даже вышел фильм под таким названием. Но именно Советский Союз стал первой жертвой общемировой спортивной войны.

В 1980 году, когда Москва стала столицей XXII Летних Олимпийских игр, США и Западная Европа решили их бойкотировать по политической причине — СССР, видите ли, годом ранее ввел войска в Афганистан. То есть уже тогда открыто, официально, не скрывая политической подоплеки, спорт был использован Западом в качестве орудия в холодной войне с Советским Союзом. Западная пропаганда нашла, как всему миру казалось, «благовидный» повод для дискредитации России, и чуть ли не весь мир клюнул на эту дешёвую уловку, якобы «благородно» и «искренне» возмутившись «советской агрессией» по отношению к «суверенному государству».

После того, как не станет СССР, Соединенные Штаты сами нападут на Афганистан и введут туда огромную армию, но «цивилизованный» и в том числе спортивный мир проглотят эту агрессию молча, не выражая никаких протестов и не объявляя никому никаких бойкотов по этому поводу. Спорт использовался Западом в качестве орудия холодной войны только по отношению к России. И дальнейшая американская (вместе с послушными сателлитами) агрессия в Югославию, Ирак и Ливию уже никак не влияли на настроения руководителей и лидеров международных спортивных организаций.

Пока Россия вела себя на политическом поле покладисто и «правильно» в глазах заокеанских кукловодов, ее милос-

тиво допускали и к Олимпийским играм, и к различным спортивным чемпионатам. Но как только она приподняла голову и вдруг заговорила о неких «национальных интересах», ее тут же предупредили о политических и экономических санкциях, о допинге и неизбежной войне по линии спорта. Россия предупреждениям не вняла. Более того — вернула себе Крым. И санкции, и допинг, и спорт как орудие политической войны мгновенно были использованы «цивилизованным» Западом по полной программе. Ни летом 2016-го в Рио-де-Жанейро, ни зимой 2018-го в Пхёнчхан сборная российских спортсменов (как основная, так и паралимпийская) не были допущены. А вдобавок в 2017 году Россию не пустили на чемпионат мира по легкой атлетике. Кроме этого, по прошествии четырех лет на основании лишь голословных обвинений наши спортсмены были чохом лишены олимпийских медалей, завоеванных в 2014 году в Сочи. И какой при этом был заранее разработан, осуществлен и проведен через западные СМИ «допинговый скандал» — уже нет смысла напоминать.

То есть нам в очередной раз чётко показали, **чем** на самом деле является спорт, **для чего** он до такой степени раскручен, разрекламирован и накачан баснословным капиталом. В наши дни стало абсолютно ясно, зачем, для чего, почему в спорт вкладываются такие огромные денежные средства. Именно для того и потому, что давно уже в руках западных политиков и толстосумов стал он орудием войны и средством морального подавления тех, кто выбивается из подчинения заокеанскому «гегемону». И как орудие войны он используется этим «гегемоном» в качестве предварительного вразумления. Но если это вразумление не образумит наказуемого, не заставит его пойти на попятную, то следующим шагом последует война реальная — с помощью «томагавков», авианосцев, В-52 и F-16.

Как мы видим, «вразумление» Кремля прошло успешно. После его распиаренного по либералистическому «ящику» «поднятия головы» и «вставания с колен», главными спортивными чиновниками были принесены Западу извинения за «допинг» и выплачена контрибуция в 15 млн. баксов. Так что нашему электорату можно на время успокоиться: «томагавков» не будет.

В отсутствии основной российской сборной накачанная допингом сборная норвежских астматиков забрала в Пхёнчхане столько олимпийских медалей, сколько никакая другая команда на зимних Олимпиадах никогда не забирала. Даже хваленые американские и канадские сборные были ими

заткнуты за пояс. И ни у кого из мошенников МОК и ВАДА, ни у каких спортивных экспертов и журналистов этот саморазоблачительный факт не вызвал ни подозрений, ни естественных вопросов.

* * *

Российское телевидение заигралось с озлобленными, крикливыми и охамевшими «гостями из Украины». Ту лживую и подлую мерзость по отношению к России, Крыму и Донбассу, которую они несут с экрана наших центральных каналов ТВ, нормальному человеку без естественной возмущенной реакции слушать невозможно. Руководство телевидения, как видим, озабочено только лишь «рейтингом» политических ток-шоу, и наша возмущенная реакция, как мы понимаем, его мало волнует. Выплеск русофобии со стороны разгулявшихся в России радикально и бесцеремонно настроенных телегостей из Украины достиг, по всей видимости, точки кипения.

Но любому терпению всё же приходит конец. И дело на этих провокационных русофобско-рейтинговых «ток-шоу» уже всё чаще доходит до мордобития. Только и остается сказать: давно пора. Руководство телеканалов, по всему видно, не собирается отказываться от приглашения украинских озлобленных и мстительных словоблудов. Однако с помощью слов, аргументов, фактов и элементарной логики переубедить их, как мы множество раз убеждались, невозможно ни в чём. Эти факты и эта логика вызывают у них только еще больший крик, еще большую злобу и еще большую ложь и русофобию. Поэтому, чтобы в конце концов пресечь эту распоясавшуюся мерзость, и остается один-единственный, последний и самый доходчивый аргумент. Давно пора...

* * *

Перед началом Олимпийских игр дешёвые мошенники МОКа пообещали допущенным «атлетам из России» дать разрешение пройти на закрытии ОИ под российским флагом, если, конечно, будут хорошо себя вести. Я ни секунды не сомневался в том, что — обманут, найдут или сфабрикуют предлог, чтобы отказаться от этого обещания. Так и произошло — вновь кинули, вновь цинично показали фигу, сколько наши чиновники ни унижались перед ними и сколько ни просили прощения. Сели играть с аферистами и ожидали от них справедливости и снисхождения...

И вместо того, чтобы в знак протеста всей командой покинуть этот нелепый Пхёнчхан еще до церемонии закрытия оскорбительных для нас ОИ, опять в угоду чиновничьей бес-

хребтности «атлеты из России» поплелись по стадиону самыми последними под белым флагом с этим убудочным названием «OAR».

* * *

Опять раскручивают посредственного еврейского литератора. Опять для российского малограмотного обывателя сняли «кино». На этот раз под названием «Довлатов». Хотя это, как известно, псевдоним. Как Евтушенко по отцу — Гангнус, так и С.Довлатов по отцу — Мечик. Да, отцом его был стопроцентный еврей — Донат Исаакович Мечик, театральный режиссёр. Как и Евтушенко, сбежавший в Америку журналист и косноязычный литератор взял себе фамилию матери — армянской еврейки Норы Довлатовой.

Поначалу С.Довлатов жил в Ленинграде, затем в Таллине. Общался в основном в кругу известных соплеменников — с Е.Рейном, А.Найманом, И.Бродским... Работал во второразрядных газетах — писал по заданию редакций. Пытался сочинять прозу, даже кое-что успел опубликовать в СССР, но как серьёзный литератор здесь не состоялся. И только уехав в США, начал там издавать книги и получил определенную известность опять же в местных еврейских кругах. Лишь после смерти о нём заговорили и в России. Похоронен на еврейском кладбище в Нью-Йорке.

И вот теперь нам снова впаривают «кино» про непризнанного «гения» и советского страдальца. С посредственным стихотворцем Бродским данный номер прошел, и на этот раз хотят повторить номер с сугубо нерусским и тоже посредственным Довлатовым. А Министерство культуры, ясное дело, не пожалело денег на раскрутку киношного «шедевра». И телевизионная реклама, понятное дело, со своим назойливым упорством вбивает в головы обывателей «культурную» дезу о еще одном отвергнутом советской властью «большом русском писателе».

Оно и понятно, в чьих руках деньги, тот и заказывает музыку. То про еврейскую четвёрку поэтов снимут «кино», то про «Матильду»... Теперь вот — «Довлатов».

* * *

Спецпредставитель Госдепартамента США по Украине Курт Волкер, с которым то и дело ведет переговоры посланник Путина В.Сурков, заявил о необходимости ликвидировать Донецкую и Луганскую народные республики, т.к. их появление, видите ли, нарушает конституцию Украины. Вот в этом вся подлость и вся ложь американской демократии —

когда пиндосам что-то не нравится, тогда надо ликвидировать то, за что проголосовал народ. Между прочим, «государство» Косово было ими создано в нарушение конституции Сербии, и к тому же там вообще не было никакого референдума об отделении. Да и сама бандитская киевская хунта захватила власть в стране в нарушение конституции Украины. Но какое это имеет значение для морального извращения Волкера, для озлобленного Конгресса и для всех остальных одуревших от наглости пиндосов?

* * *

После «блистательной победы» в Сирии, от которой не так давно захлёбывались в восторге соловьевские говорливые оракулы, Израиль не прекращал ракетных ударов по пригородам Дамаска, затем был снова сбит наш штурмовик и теперь вот, 6 марта, рухнул на землю при подлёте к аэродрому наш транспортный Ан-26 с 39-ю военнослужащими и членами экипажа. Казалось бы, только недавно разбился Ан-148 под Москвой. При очень странных, очень подозрительных обстоятельствах. Официальных причин той трагедии до сих пор не названо, хотя вранья наворачено в СМИ выше крыши. Казалось бы, ясно уже всем, что против нас идет настоящая война. Должны быть строжайшая ответственность и строжайший контроль. Но, как и прежде, всё списали на «ошибку пилотов» и быстренько забыли. Ну как же, Олимпиада началась!..

И вот — новая трагедия, вновь упавший самолет и погибшие люди. И вновь нам тут же начали вешать лапшу на уши: еще никто ничего не понял, но уже через пять минут после падения самолета дикторы радио и ТВ уверенными голосами стали вдалбливать нам причину — «техническая неисправность». И это там, где вооруженные до зубов террористы уже получили американские «стингеры». После нашей, напомним, «блистательной победы» в Сирии... И после очередных самопиарных мультиков о непревзойденном, обогнавшем время путинском оружии...

Но вот удивительный факт: только вчера, 5 марта, в новой серии художественного фильма «Спящие» шла речь о сбитом в Сирии российском транспортном самолете... А уже сегодня, 6-го, наш военный транспортный самолет реально рухнул на землю... Видимо, в Белом доме этот фильм тоже внимательно смотрели...

* * *

7 марта боевики террористической организации «Джейш аль-Ислам» взяли на себя ответственность за сбитый ими

наш транспортный Ан-26, заходивший на посадку на базе Хмеймис в Сирии. Но российские СМИ продолжают повторять идиотическую глупость о «технической неисправности» самолета. Интересно проследить, сколько времени они будут ее настойчиво вбивать в головы доверчивого электората? До выборов 18 марта? Или сдадутся раньше? Например, свою привычную, спущенную сверху туфту о «ветхости» и «неисправности» нашего аэробуса А-231, вылетевшего из Египта и взорванного над Синаем в 2015 году, они впаривали нам ровно полмесяца, после чего под давлением неопровержимых доказательств в Кремле наконец признали: да, был теракт. До президентских выборов осталось десять дней. Достаточно ли будет этих дней для сокрытия правды? Или и эта американская месть так же будет заболтана и сокрыта в тайне, как гибель нашего лайнера над Черным морем и Ан-148 под Москвой?..

* * *

Англия вновь гадит России. Видимо, теперь основная роль в мировой политике этого островного заштатного «государства», полностью зависимого от США, свелась к одному: при любом удобном случае гадить России.

Вряд ли можно сомневаться в том, английские спецслужбы сами отравили своего бывшего резидента в России Сергея Скрипаля, во время следствия сдавшего нашим органам безопасности британскую резидентуру и затем обмененного на российских разведчиков. После чего английские власти подняли по этому поводу на весь мир истерику, обвинив в этом отравлении Россию, и выслали из страны 23 наших дипломата. Их премьер Тереза Мэй, глава МИДа и министр обороны, словно пытаясь переплюнуть друг другу и, прикрывшись американской спиной, стали изрыгать в сторону России хамские оскорбления. И тут же потребовали бойкота Чемпионата мира по футболу. Ну не дает покоя англичанам этот Чемпионат мира. Уж больно им хотелось его у себя провести...

Это понятно: «англичанка» как гадила триста, двести и сто лет назад России, так и дальше будет гадить. Но давно пора уже по-взрослому отвечать этой зарвавшейся и одуревшей от наглости «англичанке», всё еще мнящей себя большой империей. И ограничиться 23 британскими дипломатами, высланными восвояси, — будет, конечно, маловато для охамевших «леди» и «джентльменов удачи». Давно пора сунуть их носом в собственные испражнения, как это делают с гадящими под дверью котами. Это самое лучшее излечение от наглости и приручение к порядку.

В 1902 году, т.е. более ста лет назад, поэт Николай Вентцель написал такие строки:

*...Твердили мы весь век,
Что гадит англичанка.*

Уже тогда с этой «англичанкой» всем всё было ясно. И ничего не изменилось с тех пор.

Президентские выборы остались позади. Патриотическая демагогия свое дело сделала. Теперь она больше не нужна: можно и дальше не обращать внимания на глумления поляков и киевских отморожков. Путина спросили: что мы будем делать с Украиной за то, что она не позволила у себя проголосовать российским гражданам? «А ничего не будем делать, — сказал он. — Украинцы — это наш братский народ». И плевать на то, что этот «братский народ» вот уже пятый год каждый день убивает русских в Донбассе и бросает за решетку в Киеве, плевать на то, что этот «братский народ» каждый день оскверняет или разрушает памятники советским героям, освободившим Украину от порабощения, плевать на то, что этот «братский народ» мечтает депортировать всех русских из «нэзалэжной», запретить исполнение всех русских песен и изучение всех русских писателей. Выборы закончились. Мир опять состоит из «партнёров». «Кот Леопольд» вернулся в Кремль. Можно глотать дальше.

Как я писал ранее, Америка и Европа, чтобы испортить ЧМ по футболу, подложат нам еще не одну свинью. Свою свинью Англия уже подложила. Новые свиньи подготовлены и ждут своего часа в Вашингтоне и в столице Евросоюза Брюсселе. То, что Европа — центр мирового свинства, писали и Пушкин, и Тютчев, и Достоевский, и Н.Я. Данилевский. Этих подброшенных нам «свиней» в нашей истории было столько, что их все сосчитать невозможно. И чем дольше кремлёвские «миротворцы» будут называть европейских свинопасов партнёрами, тем ехидное стремление подличать, гадить и самодовольно хрюкать у этих «партнёров» будет только нарастать. Вспомним, как вели себя эти свинопасы по отношению к Советскому Союзу перед Второй мировой войной.

То, что отравление Скрипалей — это план, разработанный ЦРУ в преддверии войны с Россией, могут не понимать толь-

ко люди, вообще ничего не понимающие в политике. Пропангандистская обработка свинской Европы идет полным ходом. И она, Европа, в скором времени, конечно же, будет полностью «морально» готова к этой войне. Осталось только дожидаться, дадут или не дадут свинопасы провести нам ЧМ по футболу. Но в любом случае их откормленные повизгивающие «свиньи» уже готовы ринуться к нам всем обесовленным библейским стадом, вслед за которым Вашингтон и Брюссель, как они надеются, получают стопроцентное «моральное» право на уничтожение этой варварской, коварной, нецивилизованной России.

* * *

Воскресенье 25 марта — новый чёрный день Кузбасса. В Кемерово сгорел торговый центр «Зимняя вишня» с приглашёнными туда со всего города и из области на каникулы детьми. Сообщено о 64 погибших и более 70 пострадавших людях. Среди сгоревших — целые семьи.

Пока еще многие теряются в догадках: то ли это и впрямь наглое рвачество и безалаберная тупость хозяев торгового центра, то ли, к чему склоняюсь и я, следующая «свинья», которую очень скоро и очень для них «вовремя» англосаксонские поборники всемирных «прав человека» подготовили и подложили нам с помощью своих игиловских агентов в России — сразу после президентских выборов. А может быть, и украинско-игиловских. Кемеровский воскресный крематорий очень ярко напоминает одесский крематорий...

Первым делом в центральных новостях, как обычно, стали озвучивать стандартную для подобных историй версию: неисправность электрооборудования (т.е. штампованно-прессованное «короткое замыкание»). Затем вдруг вбросили совсем уж экзотическую: якобы кто-то из детей принёс зажималку и зачем-то поджёг поролон.

Но главные — естественные! — вопросы те же новостные СМИ никому и не думали задавать. А ведь вопросы эти возникли сразу же: **почему** были отключены пожарная сигнализация и системы пожаротушения? **Почему** по всему четырехэтажному зданию были заблокированы пожарные выходы и отсутствовали огнетушители? **Почему** произошел взрыв в батутном зале, с которого и начался пожар? **Почему** тут же погас свет? И самый убийственный вопрос: **почему, для чего и кем** зрители (в основном дети) были заперты в кинозале и **почему** двери кинозала никто не смог открыть, когда вспыхнул огонь? Причем пожар начался сразу по всему четвертому

этажу здания. Однако «нашим» электронным СМИ задавать эти вопросы и уж тем более искать ответ на них всегда как-то не с руки. Их первая и беспрюгрешная установка для озвучивания — «короткое замыкание».

В тот же день, 25-го, по ящику нам показали фильм В.Соловьёва о президенте, явно снимавшийся к выборам, но благодарно показанный после них. Фильм этот заканчивается словами Путина: «Я оптимист». (Это после всех наших авиакатастроф, после похабной, унижительной олимпиады в Корее, после не перестающих нам гадить «англичанки» и «американки»...) И в тот же день, как по заказу, произошла трагедия в Кемерово.

Чубайс, Порошенко, Тереза Мэй, Меркель и Трамп — наверное, тоже оптимисты...

А на следующий день, 26-го (хотя в США было еще 25-е), что как раз и подтверждает мысль о не случайности и о связке этих двух подложенных нам почти одновременно евроамериканских «свиней», 17 стран Евросоюза, США, Канада (ну и, конечно же, Украина) в качестве «солидарности» с британской дегенераткой Тэрезой Мэй приняли решение выслать более ста российских дипломатов. Один только придурочный дуболом по фамилии Трамп распорядился о высылке 60 наших дипломатов. Такого еще не было за всю историю США. Но главное, повторяю, состоит в том, что произошло это практически одновременно с кемеровским крематорием, поглотившим живых людей. Умным и вдумчивым людям тут есть о чём задуматься.

Скорее всего следствие придет к тому, к чему оно всегда приходило — будут наказаны стрелочники, как в трагедии с «Хромой лошадьё» в Перми и как со всеми сгоревшими домами престарелых и интернатами для инвалидов. Версия, а точнее говоря, вопиющие, самокричащие факты спланированного и тщательно подготовленного теракта властями и электронными СМИ отметаются без обсуждения. Мы к этому уже привыкли.

Лично я не сомневаюсь ни на секунду: дети в Кемерово не просто сгорели, их целенаправленно и продуманно сожгли.

* * *

Вся нынешняя наглость евроамериканских властных неврастеников по отношению к России — это расплата за прежнее политиканство, приспособленчество и соплеживание Кремля. По отношению к Советскому Союзу и к Китаю ничего подобного они позволить себе не могли. И наглость эта будет продолжаться до тех пор, пока они не услышат внятно-го, доходчивого и отрезвляющего слова, способного привес-

ти их в естественное чувство. Жаль только, что этого слова пока в Кремле некому произнести.

Там всё время чего-то выжидают, рассуждают, думают-гадают, как ответить: мол, подождите, вот мы соберёмся с духом и тогда уж вам мало не покажется... В то время как отвечать надо сразу, мгновенно и не «адекватно», а вдвойне и втройне сильнее. Вот тогда на Западе в следующий раз крепко задумаются: а стоит ли связываться?..

Но увы. Жевание слюней и соплей стало хронической болезнью нынешних кремлевских обитателей, всё еще мечтающих о «налаживании отношений» с Западом...

* * *

Не для того ли столь надолго от мартовских выборов была отодвинута инаугурация президента (аж на май!), чтобы у людей притупилась память о кемеровской трагедии?..

* * *

Провидение всё делает для того, чтобы заставить российскую власть повернуться лицом к русскому народу. И хотя она упорно этому сопротивляется, упорно не желает видеть, понимать и воспринимать судьбоносные интересы именно государствообразующего и великодержавного русского народа, жёсткие обстоятельства, происходящие по высшей воле, диктуют и в конце концов вынудят кремлевскую верхушку повторить те же самые непреложные слова, произнесенные в трагический час И.В. Сталиным: «Братья и сестры!..» Уже каждой разумной голове должно быть абсолютно ясно: в нынешнем положении, в нынешней международной ситуации для Путина это неизбежно. Провидение неотвратимо ставит его перед последним для него выбором: или он прямо и недвусмысленно произносит это сталинское спасительное обращение ради сохранения и власти и страны, или Россия потеряет суверенитет, утонет в терроре и сплошных диверсиях, после чего будет разорвана в клочья стаей кровожадных западных шакалов.

Мы видим, что ситуация, толкающая Путина к этому выбору, развивается стремительно. Остановить и изменить ее уже не получится. Провидение долго терпело, давая Путину шанс самостоятельно дойти до понимания необходимости заручения поддержки его именно русским народом. Но самостоятельно до этого понимания он так и не дошел, да и его окружение, раскручивая «культ без личности», делало всё, чтобы он пребывал в своих иллюзорных надеждах на благоразумие «партнеров». Любые президентские выборы при т.н.

«демократии» — это туфта, «дело техники», т.е. отработанных технологий.

Время иллюзий для Путина закончилось. Теперь — или, или... Сталин перед большой Войной выбор сделал и победил. В ближайшее время мы должны будем увидеть, какой выбор сделает эта власть. Если по-прежнему не услышит требований времени, то участь ее будет печальна. Впрочем, Провидение, по всей видимости, знает, как **заставить** ее сделать единственно правильный выбор пути. А именно — руками и действиями врагов...

* * *

Наши западные «партнёры», США, Англия и Франция, нанесли очередной ракетный удар по Сирии. Видимо, смекнули: если Израилю можно это делать чуть ли не через день, то почему им нельзя бомбить российского союзника хотя бы раз в полгода? Тем более что, как они поняли, и ответа никакого не будет.

Действительно, после нанесения апрельских ударов по сирийским военным объектам крылатыми ракетами «ядерных союзников» никакого ответа со стороны российских ПВО, якобы там находящихся, не последовало. А наши военные корабли, быстренько смылись из Персидского залива и Средиземного моря. И, естественно, никакой т.н. «третьей мировой войны» не возникло.

Зато на всех центральных каналах ТВ разразилась новая оправдательная демагогия, стремящаяся закамуфлировать очередное малодушие Кремля, уже названное «мудростью» Кремля. А про два российских гражданских судна, арестованных вместе с экипажами украинскими пограничниками, здесь уже напрочь забыли, и про них вообще больше никто не заикается.

Пустая болтовня кремлевских обитателей так и осталась пустой болтовней вместе с «дискуссионной» демагогией соловьевских «цицеронов».

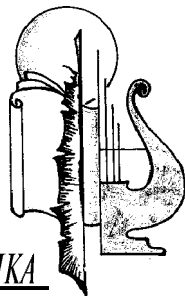
Краснобайство стало главным признаком всей российской политики.

БОЛОТНЫЕ ОГНИ

Данная статья с подзаголовком «О ложных маяках современной поэзии» поступила в редакцию по эл. почте. Под ней стояла дата написания — 2013 год. Статья спорная, сугубо полемическая. Допускаем, что она вызовет резкую реакцию некоторых поэтов и критиков. Тем не менее проблемы, поднятые в ней, представляются нам очень важными для современной русской поэзии. Мы решили опубликовать ее, чтобы и это мнение было известно. Редакция готова предоставить место для публикации аргументированного ответа другой, не согласной с данной статьёй, стороны.

Постепенно происходит отрезвление как читательской, так и литературной публики от многолетнего дурманящего гипноза навязанной нам поэзии XX века. Дурман этот еще не сошел окончательно, и многие никак не могут от него избавиться, но он всё же рассеивается сам по себе, ведь любая ложь, хоть она и прилипчива, обычно недолговечна, жизнь сама собой открывает людям глаза и развеивает их заблуждения.

Идёт отрезвление, и от скольких ложных маяков мы уже избавились! Маяков, уводивших нас от родного, от русского берега, часто невидимого в тумане или в шторме литературных дискуссий, баталий и в диктате непререкаемых установок. Померк главный маяк поэзии XX века — Маяковский с его партийными поэмами, потускнели, а то и вовсе забылись Мандельштам, Асеев, Багрицкий, Светлов, Кирсанов, сильно поблек и стал ненужным Пастернак, затерлись и как-то со временем измельчали Окуджава, Самойлов, Рождественский, Дементьев, Ахматулина, еще при жизни орусобились, ографоманились и озлобились Р.Казакова и Вознесенский, стал скучен и даже пародиен Евтушенко. И статья эта не о них, позавчерашних ложных маяках русскоязычного стихотворчества.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Отрезвление идет во всех направлениях, в том числе и в среде русской национальной поэзии. А точнее говоря — в национально мыслящей культурной среде. Постепенно, хоть и со скрипом, происходит освобождение нашего поэтического пространства от повального гипноза т.н. кузнецовщины. Болезнью этой было заражено два последних поколения русской поэзии, как, впрочем, и русской критики. Пик ее пришелся на 80-е годы прошлого века, но дотянулась эта болезнь и до наших дней. Она, конечно, уже рассасывается, выздоровление становится заметным, но еще немало в России пишущих людей, больных ею неизлечимо. И они, как наркоманы, будут до последнего отстаивать свое болезненное заблуждение, будут до конца биться за право молиться на своего искусного гипнотизера, «учителя», «гуру», своего лукавого «Осахару».

Я не собираюсь утверждать, будто Юрий Кузнецов не сделал ничего полезного и достойного в русской поэзии. Сделал. И немало — наравне с другими хорошими русскими поэтами, которыми и в наше время Россия, слава Богу, не обделена. О кузнецовском творчестве сказано и написано выше крыши, причем нередко — справедливо. А уж сколько на его стихах защищено ученых званий — не сосчитать. И чаще всего, наверное, по достоинству. Оспаривать тут нечего.

Однако наравне с сильными сторонами своих стихов привнес Юрий Кузнецов в русскую поэзию тот обманчивый «наркотический» соблазн, который увлек в непроходимую трясиину бесчисленную массу его адептов, последователей, зараженных этим соблазном и в результате — потерявших себя, свою самость, свою природную индивидуальность (назову, к примеру, двоих — Игоря Тюленева из Перми и Николая Зиновьева из Краснодара). Очень многие купились на эти болотные огни псевдопоэзии. И лишь единицы разглядели их подлинную сущность и сказали в печати правду. Но сколько озлобления вызвала сказанная правда!

Теперь можно сказать прямо и честно: Ю.Кузнецов, сознательно или случайно ступив на ложный путь в своем поэтическом творчестве и получив большую поддержку литературных авторитетов, загубил два поколения идущих следом за ним способных авторов. Да, пришла пора сказать откровенно: **Юрий Кузнецов надолго завел русскую поэзию в дремучее болото, из которого она никак не выберется до сих пор.** Завел, конечно же, не всех пишущих и живущих поэзией, но очень и очень многих. И бесчисленные апологетические конференции по его творчеству это подтверждают.

Эти строки любят цитировать и даже ставить в эпитафии:

*Чья, скажите, стрела на лету
Ловит свист прошлогодней метели?
Кто умеет метать в пустоту,
Поражая незримые цели?*

Вроде бы и впрямь сказано оригинально, необычно, даже как-то таинственно. Однако в строках этих как раз и отражена обманная творческая уловка, псевдозначимость воспетого критикой поэта. Ведь если не вымучивать из себя бесконечных, бесвязных фантазий, если не впадать в словесную демагогию, а просто-напросто элементарно, незашоренно вдуматься, то станет ясно, что эти строки — игра слов, ложное глубокомыслие, граничащее с заумным бредом и даже полнейшей бессмыслицей. Более того, строки эти — элементарная красивость, хоть и дурная, в них нет больше ничего, кроме красивости. И вот эта игра слов, это ложное глубокомыслие, этот флёр стихотворной красивости стали для Кузнецова **поэтическим приёмом**, который он задался целью превратить в собственный стиль. И ему это удалось.

С годами Кузнецов набил на этом руку, сделал эту словесную игру своим почерком, ложным своеобразием. Тут нужно было и внешне соответствовать данной игре, благо что природа одарила его импозантной внешностью — он вошел в роль байронического властителя дум, придал себе важности, серьезности, даже высокомерия, надел непроницаемую маску угрюмости и неотмирности. Когда его в очередной раз спрашивали, что же он в тех или иных стихах хотел сказать, — обычно следовал ответ: «Вам этого не понять, вы малокультурные...»

Чтобы не казаться малокультурными, толкователи кузнецовщины кинулись ее расшифровывать. Причем все по-своему, кому как вздумается, как Бог на душу положит. И бесконечно расшифровывали, комментировали, даже диссертации защищали... «Незримые цели» у разных комментаторов ассоциировались с их особенными потугами к абстрактному мышлению. А «стрела на лету» в их глазах превращалась в «русский сказочный миф» о чем-то недостижимо прекрасном или, наоборот, о предчувствии приближения трагедии...

*...Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.
Он пошел в направленья полета
По серебряному следу судьбы...*

Продолжение мы хорошо знаем: Иванушка нашел лягушку и начал ее пытать электрическим током. Сказка, названная «атомной» закончилась нетрадиционно плохо — гибелью лягушки и счастливой улыбкой на лице дурака. То есть «атомная сказка» в отличие от прообраза оказалась до безобразия примитивной, прямолинейной и глуповатой — для таких же примитивных восторгателей, «глубокомысленно» увидевших в ней метафорическое отражение экологических проблем нашей планеты. Но «отражение» искусственное, натянутое и, повторюсь, слишком примитивное.

Кузнецов предоставил своим комментаторам большое поле для разгула их фантазийных способностей. И, к несчастью, лишь немногие понимали, что подобные «стихи» — это и есть не что иное, как *метание слов в пустоту*.

*...Свист свистит всё сильнее за окном —
Вот уж буря ломает деревья.
И с тех пор я не помню себя:
Это он, это дух с небосклона!
Ночью вытащил я изо лба
Золотую стрелу Аполлона.*

И здесь — вновь та же выпяченная краснота, единодушно принятая комментаторами за признак гениальности, и причастность автора чуть ли не к высшим божественным сферам... Этот «свист», «свистящий всё сильнее», проходит через всё творчество Кузнецова как одна из его главных стихотворных примет. Тут, наверное, и цитаты приводить не нужно, это знают все, кто открывал его книги. Но перечитаем еще раз эти шесть строчек. Здесь **каждая** строка вызывает вопросы и недоумения, если, конечно, вдумываться, а не мучить самого себя придумками о глубокой образности и мифологизированном мышлении автора.

Допустим, он и впрямь не «помнит себя» «с тех пор», как услышал этот мистический свист. Но что же это за «свист», и откуда он исходит? Читаем: «...это дух с небосклона!» И так, прошедший через всю кузнецовщину «свист» — это «дух с небосклона». И связан он напрямую с языческим богом Аполлоном. И этот «дух-свист» у него бесконечно «свистит». Ладно, пусть так, дух веет, где хочет и как хочет. И авторская воля — тоже. И пусть при этом языческая буря «ломает деревья»... И автор с тех пор (с этого свиста) не помнит себя, т.е. стал другим, изменился духовно и нравственно, как мы должны догадываться... Но должны ли?..

*Дыра от сучка подо мною
Свистит глубиной неземною.*

Да, порою бессмыслица завораживает. Но на то она и бессмысленна, чтобы ставить в тупик, чтобы останавливать наше сознание в недоумении и чтобы при этом нас удивлять: как оригинально! Как ново! Как интересно! Бессмыслица действительно имеет такое свойство: удивлять. Неожиданно, ставшее в тупик «дыр бул щил» тоже в свое время кого-то сильно удивило... Но трезвый ум, не пораженный дурманом кузнецовщины, увидит во всей этой претенциозной бессмыслице смешное, пародийное словоблудие. «Дыра от сучка подо мною Свистит глубиной неземною»... А ведь кого-то это и впрямь завораживает..

Поэт Владимир Смык пишет в статье «Прогулки без Пушкина, или Поэзия вседозволенности»: *«Стихотворение «Маркитанты» вызвало хор восторженных похвал среди патриотов (и понятно почему). Но, при всех достоинствах этого произведения, остается вопрос: зачем командиры посылают в разведку «толмачей-маркитантов»? Во-первых, маркитант — лицо невоеннообязанное. Во-вторых, задача разведки — добыть «языка», и потом уже с ним будет работать «толмач», переводчик. В-третьих, возможно ли такое, что в расположение врага придет незнакомый человек, станет выведывать «чем дышит противник», и его не повесят как шпиона? Видимо, кузнецовские «лейтенанты», посылавшие маркитантов на задание, не читали рассказ Тургенева «Жид». Мне возразят: Юрий Кузнецов описывает не реальную ситуацию, а создает притчу. Так-то оно так, но с точки зрения логики здесь сплошные противоречия...*

Читаем другое, часто цитируемое стихотворение Ю. Кузнецова:

*Шёл отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.*

Как же невредим, если подорвался на mine? Что значит «ни могилы, ни боли»? Если боль в стихотворении стоит после могилы, то получается, что не испытывает боли кто-то другой, а не отец, превращенный «в клубящийся дым». И почему «ни могилы»? Подполковник Поликарп Ефимович Кузнецов пал смертью храбрых на Сапун-горе, посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени, похоронен с воинскими почестями 9 мая 1944 года в селе Шули Балаклавского района. Этично ли так произвольно относиться к памяти своего отца: то лишить его могилы, то пить из его черепа «за правду на земле»? Какая же это правда? Произвольное манипулирование правдой в угоду авторской фантазии — один из основных принципов постмодернизма» (сетевой журнал «Камертон», 2013, №40). Оказывается, теперь любой стихотворный бред можно оправдать созданием мифа...

Классическая русская поэзия всегда, в любые времена славилась ясностью, прозрачностью стиля, глубиной и точностью образов и метафор. Бессмыслицы и дурного, ложного мудрствования она себе не позволяла, во всяком случае, стремилась не допускать. Юрий Кузнецов решил эту традицию нарушить.

*В одной пустыне повстречались двое,
И каждый думал: этот мир — пустое!
Один затряс ногой и возопил:
— Как тесен мир! Мне отдавило ногу.
— А в мире что-то есть! — проговорил*

*В раздумье тот, кто ногу отдал.
Да, в мире что-то есть, и слава Богу...
А жизнь идёт, не глядя на дорогу. (???)*

*В каком-то поколенье хлебороб,
А по занятию осквернитель праха,
Он в чистом поле зёрнышко погрёб,
Хотя и не без трепета и страха.
Зерно погибло — вырос хлеб вины.
Шумит в ушах бессонница-пшеница.
Но этот мир лишился глубины,
И никому уже он не приснится. (???)*

*Прощайте, любовь и свобода!
Как тати, враги и друзья
Ударили в сердце народа,
А в сердце народа был я! (???)
Над бездной у самого края
Шатает от ветра народ.
В нём рана зияет сквозная,
И рана от ветра поёт.*

Да, наверное, это стихи. Но поэзия ли это? Не набор ли зарифмованных туманных мыслей, не достигших поэтического воплощения? Возможно, это и есть стихотворный постмодерн. Возможно, кто-то считает, что традиционная поэзия себя изжила и что нужны новые формы образного мышления. А Кузнецов уловил эту потребность — в лишенном чувственной гармонии сухом разговорном стиле, наполненном парадоксальными смыслами. Но тогда давайте так прямо об этом и скажем. И не будем удивляться тому, что поэзия наша быстро превратится в бессвязный рэп и тарабарщину, а подобные парадоксальные смыслы очень скоро обернутся дурной и полнейшей бессмыслицей.

Но если опять-таки не фантазировать, а посмотреть на данные тексты более-менее ясным и незашоренным зрением, то придётся признать, что это откровенно слабые стихи, нашпигованные высосанными из пальца неожиданными словооборотами и крайне плохими рифмами («народ — поет»; «возопил — проговорил — отдал» т.п.). Когда бы такие стихи пришли в журнал от другого, малоизвестного автора, они мгновенно полетели бы в корзину.

Но мы знаем, что данная поэтика нашла горячую поддержку критики и была впитана многими эпигонами Ю.Кузнецова, которые, задрав штаны, вприпрыжку побежали этим же путем, убив тем самым свои, хоть и невысокие, но изначальные по-

этические задатки. На каждом шагу они, словно в награду самим себе, назначали Кузнецова своим учителем, не понимая, сколько иронии и усмешек вызывали в душе у людей, знающих цену этого «учительства». Но имя «учителя» срабатывало, и эпигоны тоже получали некоторую известность, поддержку редакторов, литературных начальников и, самое главное, публикации на страницах журналов. В результате читатель наткнулся на такие вот крайне бездарные, безграмотные, косноязычные строки:

*Я не искать себе жену
Пустил калёную стрелу.
Пустил сразить я злого духа
Стрелу калёную из лука.
Да и забыл: дела, заботы.
А утром радио трещит:
«Во лбу у Статуи Свободы
Стрела калёная торчит».
(Н. Зиновьев)*

Вспомним, как «учитель» вытаскивал утром золотую стрелу из своего лба... И здесь тоже, как ни смешно, автор, по примеру кукловода, оказался «забывчивым»...

Он же:

*Пришла мне мысль в лучах рассвета,
Хочу ей поделиться с вами.
Не за горами конец света,
Но вера двигает горами.
Мысль на лету душа схватила.
Ты разве этому не рад?
Мы в состояньи с тобой, брат,
Отсрочить верой гибель мира!*

А ведь всю эту словесную неряшливость — «хочу ей поделиться», «кОнец», «с тОбой» — своим подражателям навязал Ю. Кузнецов.

Бедный читатель должен был привыкать и к таким диким примерам эпигонской графомании, культивируемой столичной печатью:

*Качели нашей юности взлетели,
Чтоб в небесах остаться навсегда.
И мы с тобой не то чтоб не успели,
А просто не пришла ещё пора.
Но память возвращается качаясь,
Как маятник, летящий мимо глаз.*

*Я каждый раз за свет любви цепляюсь,
И плачу вслед, и думаю о нас.*

*Звезда любви из космоса мерцает,
Выхватывает крыши и сады.
Пусть стынют чувства, а слова ветшают,
И не поют давным-давно дрозды.
Хотя звезда из космоса мерцает
С седьмых небес, из непролазной тьмы,
Но отраженным светом освещает
То, что сказали или скажем мы.*

Это — И. Тюленев (орфография автора, косноязычие и бессмыслица — тоже).

В поэзии, в ее внутреннем содержании всё-таки должен, обязан быть смысл. Хоть какой-то, но смысл. Когда же подобную смысловую невнятицу и языковую нелепицу околотитературные «толмачи» начинают трактовать в соответствии со своей разгулявшейся фантазией, тогда поэзия перестает быть литературой и становится атрибутом словесной эквилибристики.

К примеру, в газетах «Литературная Россия» и «День литературы» такие же подслеповатые и зашоренные «критики» не видят бросающейся в глаза безграмотности и бездарности «стихотворных» текстов названных эпигонов кузнецовщины и продолжают навязывать их русскому читателю как нечто достойное признания. Тем самым оскорбляется истина, отводится читательское внимание от подлинных ценностей в современной русской поэзии (которых немало), снижается вкус к слову, нивелируется глубина и высота поэтического языка. Собственное безвкусие и собственная глухота подобной «критики», культивирующей подобную словоблудствующую графоманию, как бы провоцируют такое же безвкусие и такую же глухоту в стихотворческих потугах «учеников» воспетой ими же («критиками») кузнецовщины. Эта разрушительная работа по своим последствиям не уступает целенаправленной разрушительной работе по опошлению и принижению нашего литературного языка, проводимой либерально-электронными СМИ.

Известно, куда заводят заблудившегося человека реальные болотные огни, — в гибельную трясиину. Читателя, не имеющего чётких ориентиров в литературном и особенно в поэтическом мире, легко сбить с толку такими же ложно-спасительными болотными огнями заблудившейся «критики». И в этой ситуации самый надежный ориентир — собственное сердце.

СВЕТЛОЙ ДУШИ ЧЕЛОВЕК

(К 80-летию со дня рождения Ивана Уханова)

Творчество прозаика Ивана Уханова, которому 20 августа 2018 года исполнилось бы 80 лет, оставалось светлым даже и тогда, когда он показывал драматические стороны жизни своих героев, взятых им из житейских глубин, которые он успел познать с юности. После окончания средней школы и службы в армии Уханов работал на стройках, позже окончил историко-филологический факультет Оренбургского пединститута имени В.П. Чкалова, стал спецкором областной газеты «Южный Урал».

Иван Уханов — автор многих книг, опубликованных в центральных и областных издательствах: «Небо детства», «Завтра всё будет иначе», «Играл духовой оркестр», «Светлым днем осени», «Живём один раз», «Окалина», «Побег», «Выстрадать и выстоять», «Оренбургский пуховый платок», «Рыбак в степи», «Рычков» в серии ЖЗЛ и других. Его литературные достижения отмечены многими наградами. Статьи о творчестве Ивана Уханова писали Ю.Бондарев, Ю.Нагибин, В.Потанин и другие известные писатели и критики.

Менее года не дожил Иван Сергеевич до юбилея, отойдя ко Господу 20 сентября 2017 года, в день Иоанна Новгородского. 23 сентября после отпевания похоронен на Перепечинском кладбище в ближнем Подмосковье.

Время бежит, а в душе по-прежнему живёт светлая грусть от невысказанности, от понимания невозвратности того, что произошло. И всё ещё не верится, что нет с нами Ивана Сергеевича, что его душа воспарила в горние высоты и блаженствует там, далёкая от земных волнений и переживаний. Но с нами остались его книги, запечатлённая в них тревожная забота о людях, о тех

переломных моментах, когда они переосмысливали самих себя или были на пути к этому. Собственно, задача писателя в том и состоит, чтобы показать своего героя в наиболее напряжённые моменты судьбы. Именно тогда он во всей полноте проявляет характер: либо преодолевает возникающие трудности, либо превращается в человеческое безвольное подобие. И в каждом случае писатель обязан найти что-то такое, что давало бы надежду испытуемому, шанс возвыситься, прежде всего над самим собой.

Свои силы в литературе Иван Уханов начал пробовать в армейские годы, когда в газете Дальневосточного военного округа «Суворовский натиск» публиковались его заметки и миниатюры. А с рассказом «Настоящий мужчина» он дебютировал в марте 1961 года в оренбургской молодёжной газете «Комсомольское племя».

После окончания института, начиная познавать жизнь журналиста, он привозил из частых командировок по обширной области интереснейшие материалы о замечательных людях. Приходилось писать об их повседневных заботах, трудовых победах, но даже и в таких стандартных очерках того времени он умел вскрывать ту или иную проблему, пытался разобраться в ней и, опираясь на опыт людей старшего поколения, найти приемлемый выход из сложной ситуации, не укладывавшейся в победные реляции. Работа корреспондента — это постоянное движение, встречи с разными людьми, живое общение с ними, и то, что не попадало на газетные страницы, оседало и накапливалось в душе. Это были судьбы, ковавшиеся, как и его собственная судьба, в послевоенное несладкое время. Страна бурно развивалась после тяжелейшего военного урона, с каждым годом жизнь становилась сытней, устроеннее, но даже и такие радостные изменения ещё долго не отпускали терзавшиеся души фронтовиков и тех, кто трудился в тылу, в основном, женщин, от незабываемых испытаний. Радость и горе перемешались, создали ту неповторимую правду, мимо которой совестливому человеку было невозможно пройти.

Иван Уханов многое извлёк из опыта своих многодетных родителей, растивших девятерых детей, в числе которых он был пятым ребёнком. Именно глядя на отца-фронтовика и заматанную работой и воспитанием детей маму, которым постоянно помогал, он познавал жизнь. И ему ещё повезло, что не рос сиротой, как многие и многие пацаны, не дождавшиеся отцов с фронтов. Но их мальчишеская боль передавалась ему, помогала проникнуться состраданием. Всё это откладывалось в памяти, перекипало в душе, превращалось в литературные образы, в основе которых проявлялись характеры героев тех лет.

Работая в газете, Уханов вечерами и ночами корпел над рассказами. Не сразу, но они были замечены профессиональными писателями. В этот период большое влияние оказало заочное знакомство с Юрием Нагибиным. С детства полюбив его книги, кинофильмы, поставленные по его сценариям, он всякий раз нетерпеливо ждал появления его новых произведений. Уз-

нав в герое повести «На кордоне» автора, Уханов вдруг понял, что у него, как и у героя повести, случился инфаркт, и написал ему, найдя в справочнике адрес. И чутьё не подвело — всё так и было с Нагибиным: инфаркт.

Внимание к незнакомому человеку было оценено писателем, он взял на себя роль литературного опекуна: помогал с публикациями, знакомил со знаменитыми авторами, когда Уханов появлялся в Москве. Очень радовался выходу первой книги своего протеже в Южно-Уральском книжном издательстве. Это событие, памятное для молодого автора, произошло в 1971 году. Книга называлась «Небо детства». Когда же через год в столичном издательстве «Молодая гвардия» вышла книга «Завтра всё будет иначе», ставшая лучшей книгой года, Нагибин дал ему рекомендацию в Союз писателей СССР, и вскоре Уханов встал в один ряд с писателями того времени и занял в нём достойное место. После вручения премии имени Ленинского комсомола имя молодого прозаика зазвучало по-настоящему весомо.

Но как часто бывает, чужие успехи не всем нравятся. За незначительное своеволие он получил незаслуженную проработку по партийной линии, после которой, понятно, сразу изменилось отношение сослуживцев. Такое положение долго не могло оставаться неизменным, тем более что литературные успехи затмевали происки всех недоброжелателей, и Уханов ушёл на «вольные хлеба». Статус писателя не позволял считать его тунеядцем, и он отдаётся сочинительству. Появляются всё новые и новые произведения, одна за другой выходят книги. Эти успехи были замечены, нашлись люди, взявшие на себя хлопоты по определению дальнейшей судьбы писателя. Вот как сам пишет Уханов в одной из своих книг: «В 1980 году меня пригласили работать в Москву. Сам же я не мечтал и не желал уезжать с Урала. Долго и тяжело размышлял: как быть? Решил посоветоваться, написал Валентину Распутину, Юрию Нагибину, Виктору Потанину.. И вскоре от всех получил ответ-благословение: соглашайся». И он согласился, в 1980 году переехал с семьёй в столицу, влился в коллектив журнала «Молодая гвардия». Позже избирался секретарем правления Союза писателей России, председателем бюро объединения прозаиков Московской писательской организации.

Что ж, можно сказать, карьера состоялась, это, конечно, радовало, но всё-таки своё основное предназначение он видел не в читке чужих рукописей, поступавших в журнал, а в работе над собственными сочинениями, завершением работы над большой повестью «Окалина», ставшей с годами для многих его читателей главным произведением. Сам-то автор относился к ней, как и ко всем иным своим книгам, — по-отцовски с одинаковой любовью, но именно в ней по-настоящему раскрылся его творческий дар, поднялся на новую высоту. А главное лицо повести — Устин Дедушев — встал в ряд самых запоминающихся и значимых литературных героев в произведениях о Великой Отечественной войне. Уха-

нов поведал читателям шемящую историю возвращения солдата с фронта в опустевшую деревню. Вернулся тот покалеченным, лишившимся речи, оглохшим от фронтовой контузии, но приступил к работе в кузне. Мог бы и отказаться, но шла война, рабочих рук не хватало, и он не стал отлёживаться на печи. Всё это время его мучили и снились фронтовые воспоминания, в одном из снов его повели... на расстрел... Понимая, что пришёл конец жизни, он закричал во сне... Жена сперва не поняла его, но он-то сообразил, что с ним произошло, и до поры не выдавал своего нового состояния, понимая, если откроется, то со временем неминуемо пошлут на врачебную комиссию, вновь отправят на фронт, а у него теперь жена беременная. Какое-то время он сознательно скрывал своё, пусть и относительное, выздоровление. Скрыл его даже и тогда, когда его вызвали в военкомат. Шёл туда и обдумывал, как не выдать себя. Думал, устроят проверку, но его наградили фронтовой медалью, с опозданием нашедшей владельца. Вроде бы радоваться надо, а у него настроение ничёмное. По-прежнему, скрывая себя, он чувствовал, что будто обрастает окалиной, мешающей дышать и жить. Пытался в работе заслонить себя от лихих мыслей. Безвозмездно помогал солдаткам по хозяйству. А в один из зимних дней, когда провалился под лёд колхозный грузовик, даже вызвался спасать его, нырнув в ледяную воду, чтобы закрепить трос. Грузовик спасли, Устин же несколько дней провёл в горячке из-за воспаления почек, но остался живым — даже более того: при спасении автомобиля от перенесённого стресса он прилюдно закричал, показав, что окончательно выздоровел, чем огорчил отца. Тот просил, требовал, умолял сына, чтобы он скрыл до поры своё выздоровление. Мол, войне скоро конец, и без тебя обойдутся, тем более что ты своё испытал. Побереги себя, не огорчай меня, жену и ребёнка.

Вот отрывок из повести, пожалуй, один из самых психологически напряжённых: «Кручинился Кузьма Данилович, виновато поглядывал на сына, избегая разговора с ним. Но когда, выздоровев, Устин собрался в кузню, он робко посоветовал ему:

— А ты погоди, окрепни малость. Ветром шатает... Теперь шибко-то не живи, не рвись в работе за троих. Слаб, хвор ты ещё, сынок, хоть и выказался, заговорил. Да в энтонь ледяной прорве сам чёрт закричал бы.

— Что — прорубь? Я ещё до того... раньше в район н-написал... И хватит меня ж-жалеть, батя! Нажалел досыта! — с нарастающей жестокостью в голосе сказал Устин, и на его сумрачно-бледном лице вдруг резко обнаружили, вспыхнули синими искорками будто кипящие изнутри глаза.

— Как, чего написал-то? — отводя взгляд от лица сына, невёрдо спросил Кузьма Данилович.

— Вот... Бумажки остались, ч-черновик...

Кузьма Данилович кинул на нос очки, пошелестел бумагой и уткнулся в тот листок, на котором было меньше помарок. Он

читал, всё более сутулясь и бледнея, затем опустил на стул и растерянно взглянул на сына.

— Я... В кузню... — сказал Устин и нетерпеливо шагнул за порог.

Когда хлопнула дверь, Кузьма Данилович ощутил слабое головокружение и гулкие удары сердца в опустошённой груди. Он опёрся рукой о край стола и, сам того не желая, опять потянулся к бумаге, вдумчиво и не спеша разглядывая острые и прямые, как ножи у косилки, строки короткого письма:

«Товарищу райвоенкому.

Я, Дедушев Устин Кузьмич, командир орудия третьей истребительно-противотанковой артиллерийской бригады, в бою возле села Ольховатка, что под Курском, 10 июля 1943 года был ранен в голову и крепко контужен, отчего целиком оглох и онемел. Лечили меня в госпиталиях, но без толку. Недавно контузия отошла сама».

Выбор для Устина был нелегким, но он поступил так, как подсказал ему характер — по-иному не мог, и собрался на фронт, довыживать, не превратился в нравственного дезертира. Этот выстраданный поступок главного героя поднимает повесть на необыкновенную высоту, автор будто спрашивает у всех, кто успел полюбить простого человека: а как бы ты поступил на его месте?! И вопрос этот не может оставить никого равнодушным, пусть не у всех хватило бы духа поступить так, как поступил Устин, но примерить на себя его поступок, чувства, какие одолевали в тот момент, не помещало бы любому уважающему себя мужчине.

Повесть «Окалина» неоднократно выходила в журналах, книгах, издавалась за рубежом, была замечена читателями. Вот что написал о ней известный критик Виктор Петелин: «Сложным путем нравственных приобретений и потерь идёт к осмыслению своего долга перед людьми герой упомянутой повести «Окалина» Устин Дедушев. Попав в невероятно трудные обстоятельства, он мучительно ищет выхода из них. Автор психологически верно показывает, что если честный по своей природе и нравственной основе человек склоняется по каким-либо обстоятельствам к преступлению, то совершает он его прежде всего против самого себя. И суд его над собой становится суровее и выше всякого юридического наказания: жизнь не по совести, вне душевного родства с людьми для Устина Дедушева теряет всякий смысл и ценность. Безразличными для него становятся дети, жена, отец, ибо есть в человеческой жизни нечто большее, чем просто жизнь, — это честь, достоинство, право на самоуважение... Иван Уханов — из тех немногих истинно талантливых и прозорливых писателей, которые первыми обнаружили в организме нашего общества симптом бездуховности и забили тревогу. Наряду с В.Шукшиным, В.Распутиным, Е.Носовым он ещё в середине 70-х повестью «Играл духовой оркестр» жёстко, в упор спросил себя и всех нас: что с нами происходит? Почему в нашей становящейся внешне благоустроенной и вроде бы богатой жизни стало теряться, навсегда выбывать самое замечатель-

ное, самое заветное из духовной жизни нашего народа, из его национального содержимого? Кто в этом виноват?»

После выхода первых произведений Ивану Уханову суждено было ещё не раз радовать читателей новыми книгами. Но пришла, разыгралась как злая февральская метель в оренбургской степи, перестройка, разрушила сложившийся уклад жизни, а для кого-то поменяла полюса нравственности. Книги, в их классическом понимании, как кладези познания и воспитания, по-прежнему выходили, но значительно меньшими, скукожившимися тиражами, и всё труднее стало доносить своё слово до читателей. Зато, подобно сорнякам, разбушевались коммерческие поделки, авторы которых играли на низменных чувствах легковерных. Из-за этого Уханов мало-помалу разошёлся с Нагибиным, с которым оказался по разные стороны «баррикад», хотя со временем, пылко подписывавший коллективные письма, и Юрий Маркович исподволь и тихо, как и многие его знакомые из либерального круга, пересмотрел отношение к новым, необдуманным поветриям. Но однажды нарушенное согласие в мыслях и в понимании литературного творчества, в отношении к жизни, к месту в ней пишущего человека так и не позволило им духовно сблизиться повторно.

И всё-таки полного уныния не было. Тем более что жил и творил Юрий Васильевич Бондарев, родившийся на Оренбургской земле. Он оказался ближе по духу: и сам по себе, и в персонажах своих автобиографичных книг. А главное, не уподобился флюгеру. Уханов писал незадолго до своей кончины в журнале «Наша молодёжь» о Бондареве: «Атакующий и непобедимый, сегодня ближе, сподручнее мне для жизнепонимания и борьбы». И он был таким для Уханова всегда, а не только в последние годы. Просто их знакомство и отношения оказались иного свойства: глубинные, проверенные, как оказалось, временем. И поэтому навсегда дорогими.

Верность — слово для Уханова не случайное. Она выражается в любви к Родине, к ставшему родным Оренбургскому краю, к людям его населяющим. Помимо художественных произведений, он создал ряд очерков-исследований о народных промыслах, людях труда. Первым по-настоящему глубоко написал об оренбургских пуховых платках, закрепил на бумаге их всемирную славу и славу тружениц-рукодельниц. Поведал миру о рыбаках Оренбуржья, хотя, казалось бы, какие рыбаки, какая рыба в степном крае? Но она есть, самая настоящая, и в большом количестве попадала на местные прилавки из Ириклинского водохранилища, созданного на реке Урал. Не мог не интересоваться Уханов и историей Оренбуржья. Он ведь только по паспорту нижегородский, родился там, а всё детство его и юность прошли на Южном Урале, и история этого края, его известные люди, стоявшие у начала освоения обширных территорий за «Камнем», вся череда исторических событий не выпала из внимания писателя. Итогом этого стало повествование о тогдашнем молодом переводчике петербургской таможни Петре Рыч-

кове, впоследствии названного «Оренбургским Колумбом», многое сделавшим для «прорубания» окна в Азию.

Мне довелось познакомиться с Иваном Ухановым именно в то тревожное и непонятное время разброда и шатания, как в стране, так и в писательском мире. Очень радовался знакомству, ибо давно любил его книги и следил за его творчеством, близким по тематике, отношению к жизни. Для меня оказалось совершенно неожиданным и счастливым случаем встретиться с Иваном Сергеевичем на заседании бюро прозы Московской писательской организацией. И хотя я внешне сдержанно воспринял личное знакомство, не желая навязываться, лезть, как говорится, на глаза, но в душе был безмерно рад этому. Уханов ничем не выделялся среди собратьев по перу, хотя имел к этому времени множество заслуженных наград, премий, к которым никогда сам не стремился. Мало-помалу общение переросло в дружбу, хотя не могу сказать, что мы часто встречались, но постоянно были на связи. И темы всегда находились взаимно интересные, волнующие: ведь оба были выходцами из села, знали деревенскую жизнь не понаслышке. Я радовался его успехам, он одобрительно отзывался о моих работах, появлявшихся в периодике, но иногда и критиковал их. Мы дарили друг другу книги, тем самым показывая степень взаимного доверия. Со временем он стал для меня словно старшим братом, которому я мог запросто позвонить и договориться о встрече, либо в телефонном разговоре обсудить новости, обменяться мнениями по тому или иному литературному вопросу.

Казалось, что со временем наши отношения будут только укрепляться. И тем неожиданнее было узнать скорбную весть, заставшую, как всегда бывает в подобных случаях, на вздохе. И перехватило дыхание от неожиданного сообщения. В такие моменты всегда начинаешь растерянно оглядываться по сторонам, будто что-то сместилось в мире, потерялась точка опоры. Тогда ищешь, к чему бы прислониться, но не к чему — пустота вокруг.

В день его похорон сентябрьская погода стояла по-летнему жаркой, солнечной, кое-где летели паутины. Родственники, земляки-оренбуржцы прощались с Иваном Сергеевичем, до конца не понимая от переживаний, что к бывшему возврата не будет. А мне подумалось, когда всплыло в памяти название одной из его первых книг — «Светлым днём осени»: что бы ни делал Уханов, что бы ни испытывал радостного или горестного, от него всегда исходил потаённый всепобеждающий свет тёплой души. И, видимо, неспроста эта картина, давшая название книге, родилась когда-то и сопровождала всю земную жизнь светлого человека. Он словно знал, что прощание с суетным миром будет именно в такой звонкий и прозрачный день ранней осени.